

Виктор Джин

из Декабря
в Антарктику

Виктор Джин

Из Декабря в Антарктику

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Редактор Тимур Татаринцев

© Виктор Джин, 2018

На пути к мечте герой преодолевает пять континентов: обучается в джунглях, выживает в Африке, влюбляется в Бразилии. И повсюду его преследует пугающий демон. Книга написана в традициях магического реализма, ломая ощущение времени. Эта история вдохновляет на приключения и побуждает верить в себя.

18+

ISBN 978-5-4490-8129-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Из Декабря в Антарктику](#)

[ГЛАВА1: ЛЕТО](#)

[СЧАСТЬЕ](#)

[ПРОШЛОЕ](#)

[ЛЮБОВЬ](#)

[ГЛАВА2: ОСЕНЬ](#)

[СТРАХ](#)

[СМЕРТЬ](#)

[МУДРОСТЬ](#)

[ГЛАВА3. ЗИМА](#)

[НЕНАВИСТЬ](#)

[ДРУЖБА](#)

[МЕСТЬ](#)

[ГЛАВА4. ВЕСНА](#)

[ПРИКЛЮЧЕНИЕ](#)

[МЕЧТА](#)

[ПУТЬ](#)

ГЛАВА1: ЛЕТО

СЧАСТЬЕ

Лазурный платок идеально сочетался с глазами незнакомки, а также с кувшинками на картине за ее спиной. Потерянные в серости тесного помещения, лишенного окон, цветки вдруг ожили: налились сочными красками и смущенно подрагивали. Воздух пропитался свежестью авокадо.

Сразу вспомнился гамбийский крокодил, которого можно потрогать за несколько долларов.

По берегу круглого пруда, затянутого ядовитой тиной, раскинулись драконьи тела. С десятков хищников грелись на солнце, напоминая пластилиновые статуи.

Тот, самый крупный, распластался на животе, с открытой пастью, словно ловил снежинки. Он обратил голову к водоему, готовый в любой момент сползти в мутную прохладу. Засохшие зеленые крошки запятнали рельефный бок и зубастую морду. Тина, как надоедливый пух, была везде: обглодала полоску берега, прыгала по спящим крокодилам, залезала в их открытые пасти.

Придвинувшись к хвостатому чудовищу, касаюсь подушечкой пальца, мягко, будто трогаю паутинку, покрытую шариками росы.

Затем вся ладонь ложится на толстую кожу, прочную, как кора столетнего дуба. И вот, привыкнув к ощущению, пальцы ползут вдоль спины, по зазубринам, растянувшимся горным хребтом. Совсем

рядом, на расстоянии мизинца, согнулась чешуйчатая задняя лапа.

Рамки реальности крошатся, проклятой тиной разлетаются по пруду. Сердце колотится, вытряхивая из-под кожи горячие капли. Липнут москиты. Пахнет гнилыми, нагретыми солнцем водорослями.

Охранник, лысый гамбиец со шрамом, заверил, что хищники набили утром животы и не опасны. Но руки жалобно трясутся, как их не заговаривай. В висках набухли свинцовые шарики.

Давай же. Не отступать, вперед! Так ведь мы и живем, без оглядки. Делаем шаг в неизвестность, преодолеваем, меняемся, и вслед за нами меняется мир.

Подойти и дернуть за хвост самого страшного крокодила, это – Жизнь!

Чтоб тебя.

Вот уже и бочковидная шея, из которой клином расходится окаменелая волнистая пасть. Нагретая солнцем спящая морда, щурится, словно пухленький китайский ребенок.

Подул ветерок. Посыпались листья. Пролетела, каркая, ворона.
Вдруг.

Веки встрепенулись. Мутная пленка глаза сдвинулась, резко, как распахивают шторы по утрам. Набух зеленоватый желток с черной прорезью. Жуткая тварь ожила, дернувшись с места. Кровь вскипела. Язык налился медью. Тина ударила в нос.

Все произошло в мгновение.

Длинный хвост уползал в воду; с тяжелым шарканьем, поднимая сухую, как порох, пыль. Казалось, воздух сейчас воспламенится.

– Oye, hay más palta?

Поправив лазурный платок, женщина окликнула сержанта, затаившегося в темном углу. Военный сухо ответил, что авокадо закончился, а ресурсы на корабле строго распределены. Оба они использовали слово «пальта» из языка кечуа и тараторили на испанском так, как это делают чилийцы, проглатывая буквы, что усиливало голод.

Женщина резко повернулась, и ее взгляд покотился пушечным ядром на противоположную сторону стола.

— Я вам Моне не загораживаю?

— Да нет же, — выпрямил спину мужчина. — Дополняете.

На блюде перед ним лежала очищенная четвертинка авокадо. Мужчина пододвинул фарфоровый диск к незнакомке:

— Вот, пожалуйста.

— Пфф. Не стоит.

Тонкая рука поставила тарелку обратно.

— Я все равно не буду, — блюде снова заскользило по скатерти, — наелся.

Чилийка, натягивая улыбку:

— Ешь сам, — возвращает авокадо, — а то смотри какой худой!

Собеседник не думал уступать. Он повторил свой ход, гроссмейстерски, будто ведет в атаку ферзя.

Женщина прищурилась, ее спрессованные зрачки сверкнули. Резким взмахом она оттолкнула блюдо. Несчастный кусочек мякоти задрожал на фарфоровой поверхности.

Соперник опустил взгляд, капитулируя; и принялся сгребать ладонью в кучку хлебные крошки. Чилийка, закинув на плечо сползший платок, пронзила взглядом сержанта в углу. Ухмылка на лице военного сразу испарилась.

Закончив возиться с крошками, мужчина снова толкнул тарелку вперед.

— Да чтоб тебя! — выкрикнула женщина. — Сам-то что не ешь, а?

Поднимает взгляд:

— Говорю же, наелся. Когда вокруг росли сотни деревьев авокадо, — он широко раскинул руки. — Плоды размером с кокос и такие сочные, что их по ночам с чавканьем жрали дикие собаки. А я фрукты с веток снимал, вот так, смотри!

Мужчина задвигал руками, жонглируя невидимыми шарами.

Женщина рассмеялась. Глаза ее потемнели.

— Где-е, — выдохнули пухлые губы, — где это было?

— Далеко, в авокадовом раю.

В этот момент сбоку возник сержант, повесив паузу. Его рука потянулась к столу, щетинистое запястье вылезло из-под черного рукава. Крупные пальцы, сжимающие ручку термоса, с черепашьим спокойствием наполнили чашки. На плече военного блеснула золотая эмблема — шлем древнегреческого воина и надпись «Акилес». Закончив манипуляции с кипятком, сержант поставил на белую скатерть тарелку и удалился. В глубоком блюде лежала коричневая субстанция.

Накручивая на палец тугую прядь волос, женщина страдальчески осмотрела стол, круглый и практически пустой: пластиковая хлебница, чайные пакетики, синтетический сахар и растворимый кофе, гадко пахнущий безысходностью. И вот, в этот спартанский натюрморт свалился манхар — липкая масса наподобие вареной сгущенки.

Чилийка окинула взглядом небольшую комнату, с грубыми металлическими стенами акульего цвета и низким потолком. Вдохнула. Потянулась к авокадо и отсекала блестящим ножом кусочек. Сталь звонко ударила по фарфору. Подцепив лезвием,

женщина намазала зеленый слой на хлеб.

— У меня был знакомый, — заговорил мужчина, — который уверял, что пальта острая.

— Она же ни капельки не острая, — надкусывает хлеб.

— Все вокруг утверждали то же самое. Это не давало бедолаге покоя. Тогда он отправился к медикам, которые диагностировали аллергию. И доктор... — мужчина сделал глоток из чашки, — доктор настоятельно рекомендовал завязать с опасным продуктом. Ведь что, если горло распухнет и перекроет дыхание. В итоге дурачок испугался, отказавшись от авокадо...

Мужчина покачал головой.

— И как он теперь? — сочувственно спросила собеседница.

— Да никак. Подскользнулся в мокром душе и разбил голову о кафель.

— Ох, — прикрывая рот ладонью.

— Я сам не видел, но как представляю, не отогнать запах арбуза.

Чилийка взглянула ошарашенно.

— В детстве я уронил арбуз, возвращаясь с рынка, он выскользнул из рук, и бац! — мужчина ударил чашкой по столу. — Треск, наружу брызгают красные кусочки. По полу разлился липкий сок, и прямо в нем барахтаются косточки. Арбуза-то уже все, нет больше, а семечки, как тараканы, продолжают плыть по стыкам кафеля. Теперь вот ем авокадо, и ничего не поделать — вкус косточки.

— Ой, странно, — выдохнула женщина, — я тоже чувствую.

Она внимательно осмотрела кусок хлеба в руке, затем уставилась на молодое лицо собеседника. Ее алые губы дернулись:

— Слушай, — почти шепотом, — а расскажи про авокадовый рай.

* * *

Теплые языки пламени выглядывают из глиняного ведра. Мягкая

струя дыма поднимается вверх, рассасывается под потолком и выдувается наружу сквозь щели стен. Ливень барабанит по пальмовой крыше. Ветер танцует с дождем – сцепились и кружатся, путаясь в зарослях. Летят ветки. Гром сотрясает бамбуковые стены. Страшно выглянуть наружу. А если выглянуть, то затем еще долго не обсохнуть, как от какого-нибудь прилипшего воспоминания. Поэтому в такую погоду сидишь внутри. Слушаешь шум тропического ливня и пузыри на поверхности луж. А из памяти долетают брызги того времени, когда в этой хижине жили мы вместе с Кру.

Дождь выключился как по щелчку. В возникшую тишину проникает стрекот цикад. Они всегда появляются первыми – вестники перемен. Затем в шумный оркестр насекомых вклинивается кваканье лягушек. С приходом дождливого сезона их развелось целое полчище.

Ливень оставляет после себя беспорядок и сломанные деревья. Поэтому каждый новый день начинается с уборки лагеря и чистки тропинок. Растительность напирает, окружая со всех сторон – то, что прорубил вчера, снова заросло, превратившись в непроходимую паутину.

Война с мышами отодвинулась на второй план. Долгое время те не давали покоя. Ловушки не помогали. А когда я подвешивал еду под потолок, грызуны жестоко мстили, обгладывая вещи и лямки рюкзака. Ушастые дикари! Так я и не нашел способа с ними совладать и смирился. Все равно запасы риса и сои истощились.

Зато появилось множество фруктов. Июньский дождь украсил ветви деревьев яркими гирляндами. Пospели манго и папайя, набухли фиолетовые шарики инжира. Тут и там повисли исполинские фугасы джекфрута. Глубже в зарослях, то и дело, натыкаешься

на остролистый ананас, напоминающий дикобраза.

А авокадо, ох, зеленые и увесистые ядра — каждое с килограмм! Сорванные ветром плоды я складываю в хижине, им еще дозреть. Если же не собрать, оставить на земле, за ночь уже все — обглоданы до косточки сворой одичалых собак, что с высунутыми языками носятся по джунглям.

Неподалеку с хижиной раскинулись пышные деревья личи. Их ветки усыпаны пупырчатыми шариками размером с пинг-понг. Красная кожица легко вскрывается, и освежающая мякоть скользит виноградным ароматом по языку. И этих сладких шариков — как звезд. Так много, что ни в какой рюкзак не поместится.

Не успев отойти от дерева личи, замечаю шевеление в траве.
Замираю.

Гуляющий зигзагами ветер причесал узкие травинки и затих. Топаю ногой — из зеленой гущи с кваканьем выпрыгивает жирное тело.

Чертовы лягушки, никак не привыкнуть. Раньше их тут не было. Не сказать, что я их боюсь. Некоторые меня даже забавляют, особенно те, что с присосками и карабкаются по стволам. Но вот эти, которые прячутся в траве и целуются с тенями... Мерзкие твари — привлекают змей; подглядывают, трясут траву, заставляют всякий раз оборачиваться.

Если отбросить лягушек, все в лагере на своих местах. Сложно сказать сколько времени прошло, но достаточно, чтобы джунгли стали родным домом. В этой сказочной реальности времени нет, как и беспокойства. Некуда торопиться, гнаться, сломя голову. Счастье — здесь и сейчас, в полной доступности.

Джунгли живые, и когда начинаешь их чувствовать, все вокруг

пропитывается волшебством: дышит, ласково шепчет на ухо, прикасается к коже. Нет больше нужды прятаться и прикрываться. Мы как двое подростков, замороженных собственной наготой!

Лучи солнца, падая по диагонали, расчертили темноту зарослей яркими полосами. Гладкие копья бамбука взлетают высоко в небо. В воздухе блестят пылинки. Медленно покачиваясь, беспорядочный и косо насаженный бамбук издает то стоны, то суховатый скрип — как от натяжения канатов.

Сталь методично разъедает бамбуковую плоть. Мачете вгрызается в ствол, все настырнее. Каждый удар сопровождается стуком, глухим и звонким. Несмотря на внутреннюю пустоту, бамбук — непримиримый соперник.

Взмах, новый взмах, на выдохе ударяю. Айяя! Гроздьями наливаются капельки пота. Взмах. Удар. Ищщ! К липкой коже слетаются настырные пчелы. Вязнут слабыми кривыми ножками, пытаются взлететь, а никак. Жалят. Стряхиваю жужжащих инвалидов.

Что касается друзей, у меня их в джунглях достаточно. Возьмем, к примеру, того же Штурмовика. Мы видимся практически каждый день. Бывает, его не разглядеть, но слышно по резкому инопланетному стрекоту. Он кружит по округе миниатюрным вертолетом. Иногда среди опавшей листвы я натываюсь на мертвого Штурмовика. Лежит на спине, подогнув шесть корявых лапок. Вот дурачина! Опять не рассчитал скорость и разбился о ствол. Погребаю несуразное жирное тело. И следующим днем, как ни в чем не бывало, натываюсь снова на живого.

Сначала разум возражал: мол, это не тот же самый Штурмовик, а очередной представитель своего рода. Но теперь я не столь категоричен, ведь здешний мир полон загадочных явлений. Сознание рисует сцены и само участвует в магическом театре. Поэтому мертвый

Штурмовик иль живой – это не более, чем играемые роли. Сам же актер постоянен. Настораживает только, что в последние дни похороны Штурмовика участились.

Слышится победный треск – ломаются кости динозавра. Бамбуковый ствол падает и, не достигнув земли, виснет в переплетении плотно насаженных сородичей. Из полости ствола врассыпную хлынули муравьи. Бесчисленные черные точки пришли в хаотичное движение.

Если задаться вопросом, кто в джунглях хозяин, то это муравьи. Их воспринимаешь не столько количеством, сколько давящей многотонной массой. Даже эти мелкие – уверяю, грозная сила. Сам видел, как их бесчисленные орды разрушают колонии жуков. Попадают разные муравьи: и крупные, и круглые, и с удлинённой задницей – кусаются больше пчел.

А однажды, не помню каким бесом, занесло меня на территорию рыжих. Страшно вспомнить! Изверги не медля ринулись в атаку. Окружили со всех сторон, нападая как обезумевшие псы. И, готов поклясться, это не было бездумным навалом – их маневрами руководил некий интеллект. Ух, давно так не бегал – расшиб костяшки и пятки ободрал в кровь.

С тех пор обхожу коричневых бестий за версту.

Двигаюсь вдоль упавшего бамбука, отсекая редкие сучки. Отлетают узкие листики. Стучу по стволу, вытряхивая остатки муравьев. Отлично! Мне таких стволов нужно еще два, чтобы укрепить хижину. Ташу добычу в лагерь.

В глазах странным образом темнеет, несмотря на самый разгар дня.

Ускоряю шаг.

В тело бьет озноб. Хватает за плечи и трясет как копилку. Пот разъедает глаза. Руки обмякшие. Бросаю бамбук. Быстрее, в лагерь!

Если не добраться до хижины, то пиши пропало – падай лицом вниз и подбери под бока ладони. Не имеет значения, умер ты или просто в отключке. За ночь неизвестно какая тварь может тебя обнаружить.

Опускается свинцовый туман. Тяжестью давит на спину, скручивая позвоночник. Шаг, еще мучительный шаг. Ноги немеют, словно скованы цепью. Ну же, ты справишься!

А если не доберешься, помни – лицом вниз. Те же собаки не брезгают падалью и сбегаются быстрее птиц. Взрослое тело джунгли переварят за два-три дня, а что останется, какие ошметки, разнесут муравьи. Если лежишь на спине, лицом вверх, то зверью проще и быстрее тебя обглодать.

Может, оно и к лучшему, когда быстрее. Чтобы не гнить на солнце червивым фаршем. Хотя мертвому, какая уж разница.

Но что, если просто обездвижен и с остатками сознания? Каково будет прожить тот момент, когда над твоим лицом склонится вонючая пасть с капаящими слюнями. И примется обгладывать губы, затем нос на десерт. А ты ведь еще в сознании. Молишься, чтоб скорее уже эта гадина напала на горло и выгрызла адамово яблоко, как они это делают по ночам с авокадо. Жаждешь захлебнуться собственной кровью и обрести долгожданный покой.

Да брось ты, выкарабкаешься! Что ж тебя так подкосило, неужели укусил паук? Может, ядовитое растение или пчелы? Добраться б до хижины.

Песья морда, скорее всего, глаза не выест, но их первым делом выключают птицы, если доберутся раньше собак. Так что лучше четвероногие друзья. И лишь бы не забыли про кадык. Тогда уже пусть резвятся в свое удовольствие: рвут живот, выдергивают кишки, пробираясь к самому лакомому. Рычат, дерутся меж собой, перетягивая скользкий канат с венами, покуда не вспомнят о печени или легких; и бросят кровавую кишку висеть запутанную в ветках чайного куста.

Помни, кисти рук под себя, пальцы оберегать до последнего. Если с кадыком не свезет, то сделать решающее усилие — подтянуть к себе мачете. Без пальцев-то как? И надавить венами, прокатиться горлом по лезвию.

Вот. Хижина. Наконец-то! Чуть-чуть.

Ноги липнут. Вязнут в жиже, словно пчелиные. Гребу руками. Болото засасывает, проглотило уже по самую грудь. Доносится кваканье лягушек. Стараюсь услышать цикад, но их нет! Жижа твердеет, цементируя конечности — не пошевелиться.

Перед глазами появляется огромная лягушка. Противная. Самая гадкая из всех. Шея, покрытая язвами, выпячивается и сдувается. По склизкой коже перетекают черные узоры. Голова кругом. Сердце царапает грудь. Кричу, но рот забит корнями и торфом.

Проклятая жаба запрыгивает на макушку. Глаза окончательно уходят под землю. Давящая невесомость. Удушье.

В аспидной черноте висят звезды — наклеены на школьную доску. Дует ветер, и звезды тихонько покачиваются. Разбалтываются и отпадают, одна за одной. Блестящими перышками сыпятся из бездны. Тишина падающего снега. Ловлю ртом, на вкус —

снежинки. Стою, словно ящерица, прибывая языком ледяных мух.

Чувствую приветливый луч смеха. Оборачиваюсь. Кто-то тянется ко мне: размытый силуэт, наполненный светом. Сияющий женский образ – такой родной, любящий, материнский. Пытаюсь дотянуться, всеми силами дотянуться. Не выдерживаю нахлынувшую печаль и плачу.

Трясущееся веко поднимается. Перед глазами рваная циновка. Струи света, просочившись сквозь стену, набросали на грубый пол белые пятна. Поднимаю растопыренную пятерню, загораясь. На кончики пальцев ложатся пылинки.

Кое-как дотягиваюсь до фляги, и жадно глотаю теплую воду. Собираюсь с силами, выползаю из хижины.

Солнце катится за соседнюю гору, знаменуя окончание неизвестно какого дня. Глубоко вдыхаю запахи, вдыхаю шелест деревьев и магию оранжевого неба. Вслушиваюсь в сумрак зарослей. Кусаю ветер – тот весело побежал, запутавшись в ветках; сорвал сухой лист папайи и скрылся за склоном.

Развожу огонь, кипячу чай.

Осматриваю правую лодыжку: раздута, но здоровый цвет возвращается. На внешней стороне голени две затянувшиеся багровые точки, в сантиметре друг от друга – змеиная отметина.

Темнота сгустилась, будто в воздух насыпали заварку.

Шумят насекомые. То там, то сям повизгивают птицы.

В чайном воздухе вспыхивают огоньки, заполняя пространство перед хижинкой магическим мерцанием. Мне никогда не доводилось видеть светлячков, но я в точности знал, что подобная сцена уже

происходила. Неизвестно где, с кем и когда. Каждая клеточка во мне понимала это.

Желтым персиком набухла луна. Волнисто отражается в бамбуковой чашке, согревающей ладони.

Осторожно касаюсь губами, целую луну. Глубоко и смачно вдыхаю. Во рту горячо и свежо, на языке подрагивает единственное слово: «Благодарю».

Долго-долго я сидел на пороге хижины, среди толпы светлячков.

Затем собрал вещи и до рассвета отправился в путь. Изъеденные мышами ляжки рюкзака легкой тяжестью давили на плечи.

ПРОШЛОЕ

Кх-рх-кх-р-х. Черная рука со скрипом, один за одним, двигает стулья к стене. Торчащие из плинтуса петли обхватывают задние ножки, фиксируя. Стулья беспомощно повинуются, напоминая овец для жертвоприношения.

— Так это, получается, тебя ужалила змея?

— Да... и нет, — мужчина осторожно взглянул на военного, затем наклонился вперед. — Змеи просто так не жалят.

— Тогда что, если не змея?

— Что-то еще.

— Не понимаю, что еще?

— Не важно. Всегда есть что-то еще.

Чилийка откинулась на спинку стула, скрестив руки.

— У каждого в жизни происходит свой укус, — заговорил мужчина. — Когда понимаешь, что не можешь больше жить, как прежде — невозможно! Ты либо умираешь, либо встаешь на новый путь. При этом ты в обоих случаях умираешь, ясно?

Кх-рх-кх-р-х.

Закончив со стульями, сержант встал в темноту угла. Стрелка на часах медленно-медленно пересекла очередную отметку. В статической обстановке воздух потрескивает. Сквозь металлические балки и сварочные швы волнами бежит вибрация.

Женщина, освещаемая тусклой лампой:

— Как-то не по себе, — поднимает взгляд на давящий потолок, — будто мы заперты в клетке.

— Единственная клетка — в голове. Так говорит Кру.

Мужчина сделал глоток из чашки и продолжил:

— Чистое сознание не ограничить стенами. Даже такими прочными, как эти.

— А что если оно нечистое, сознание?

— Тогда мы действительно в клетке.

Взяв салфетку, он вытер уголок губ.

— Да вообще, кто этот Кру? — не выдержала женщина.

— Забудь, — быстро скомкав бумажку.

Оба замолчали, допивая остывший чай.

* * *

Мы познакомились с Кру, когда я скитался по грязным улицам Бангкока. Та встреча на мосту перевернула все, подарив спасительную надежду.

В сущности, Кру не является именем, и дословно обозначает “мастер”. Внешность Кру не укладывалась в представление о том, как должен выглядеть учитель. Но я сразу ощутил, что передо мной стоит необычный человек. Личность Кру моментально очаровала меня.

Вместе мы отправились в горы. Долгое время пробирались сквозь джунгли, огибая кудрявые склоны и острые бивни обрывов, пока не встретили скривившуюся хижину. Заросли сожрали и наполовину переварили бамбуковую лачугу. Внутри обжились мохнатые пауки, развесив липкие прозрачные тюли.

Хижина опиралась на столбы, застыв горбатой многоножкой. В дюжине шагов от задней стены располагался небольшой утес, а дальше склон нырял резко в пропасть, открывая вид на шершавые горы, зелеными волнами убегающие к горизонту. Небольшой пяточок вокруг хижины казался горизонтальным, но стоило приглядеться, дух перехватило от осознания, что это — лишь точка на гигантской кривой. А мы — два муравья, букашки, ползающие по исполинской волосатой спине.

Четыре полных дня взмахами мачете мы высекали из зеленой бесформенности четкие очертания, пробивали тропинки. Укрепили хижину свежим бамбуком и веревками.

Мышцы налились пульсирующей болью, на плечах повисли чугунные доспехи. Ноги ныли от постоянного движения вверх-вниз.

Я с трудом поспевал за темпом Кру. Несмотря на небольшой рост и габариты, мастер демонстрирует выносливость слона: будто невидимая сила управляет каждым совершенным взмахом.

Ночью на горы опускается морозное дыхание. Тягучий воздух обжигает легкие, вызывая кашель. Холод проникает в спальный мешок, ложится рядом, в обнимку, притворно и гадко, как склизкая рептилия. С приходом темноты джунгли меняются: сбрасывают дряхлую кожу, превращаясь в какую-то жуть. Отовсюду доносятся шорохи. Ветер разъяренной макакой прыгает со склона на склон, срывая ветки и листья. Орут насекомые и птицы, разбросанные по камерам пыток. А отдельные звуки, механические

и барабнящие — не с этой планеты! Разум не в силах разъяснить их природу. Эта ночная какофония подолгу заставляет лежать с открытыми глазами. Чувство, что тебя, совершенно нормального, заперли в психушке.

Тяжело осознать, в какой реальности я оказался. Изо дня в день захлебываюсь в болоте переживаний. Сны настолько живые и настырные, что всякий раз просыпаюсь со слезами. Дрожа, выбираюсь из хижины, облитый, насквозь испачканный воспоминаниями. После чашки крепкого чая эмоциональный озноб высыхает, но что-то неизлечимое продолжает зудеть весь остаток дня.

Интенсивность снов поначалу я связал с отсутствием электричества и магнитного излучения. Затем стало ясно, что само место здесь странное — полное пугающих явлений. Со временем я бросил попытки что-либо объяснять и решил полагаться на интуицию, ведь джунгли не взаимодействуют на языке логики.

Кру говорит, что джунгли — это лужа, в которую я встал, вызвав возмущение. Потребуется время, чтобы отражение пришло в соответствие. Это место примет, но только через принятие самого себя.

Я безоговорочно доверял мастеру, следуя указаниям очень добросовестно — сомнений не возникало. Как и у Кру никогда не было сомнений в своем учителе, обучившего Кру подобным образом у этой же хижины.

Утро начиналось с уборки лагеря от ржавеющих листьев. Просто невообразимо, какое количество листвы опадает за сутки. Несколько дней, и на земле стелется пышный оранжевый ковер, под которым прячутся скорпионы. В земле, в норах и под валунами обитают тысячножки. Привычка не поднимать бесхозные камни и ветки вырабатывается очень быстро.

Первые недели я ходил в сапогах, старательно всматриваясь под ноги. Но позже понял, что пытаюсь разглядеть опасность, только делаю хуже. В сумерках всегда прячется что-то, шевелятся и сгущаются тени. А кусок лианы – разве отличишь от змеи? Воображение всякий раз играло злую шутку, оживляя худшие страхи. Пришлось признать, что самым опасным существом здесь являюсь я сам.

Кру говорит, что доверие к миру начинается с доверия к себе. Теперь вот хожу босиком, и будь, что будет. Кроме того, не приходится вытряхивать обувь по утрам, проверяя, что внутри не затаился тарантул. В джунглях ведь – чем проще, тем лучше. Чем меньше держишь вещей в голове, тем безопаснее.

Сны обрушились камнепадом, пробудив ударами в грудь. Приподнимаюсь, глотая воздух, вслушиваюсь в черноту ночи. Резкие порывы ветра носятся вдоль обрыва. Сквозь шум деревьев слышались шаги.

Кто-то бродил у хижины, приближаясь, всматриваясь в щели. И это точно не заблудшая собака, а что-то другое. Но голодное. Настырно ищущее проем, чтобы просочиться внутрь.

Вздрагиваю от хруста ветки, затаенного, будто выдирают зуб. Поворачиваю голову вслед за мелькнувшей тенью. Существо замерло в тот же миг, как мои глаза устремились к нему.

На секунду появилась бредовая, но способная объяснить все мысль. Наверное, это Кру! Бродит тайком, испытывая страхи ученика. Но я так и не решился повернуть голову, чтобы убедиться, что Кру спит на своем месте.

Мысли лопнули от скрипа входной ступеньки. Что-то грузное

заползло на ступеньку и надавило на дверь; до треска, пробежавшего током сквозь сухожилия.

Все снаружи затихло, и даже ветер.

Какое-то время ничего не происходило, но я чувствовал, нескончаемо долго, как что-то нечеловеческое смотрит на меня. Затем оно удалилось, оставив душу покрытую инеем.

Последующие дни меня не покидала мысль о побеге. Не проходило и часа, чтобы я не планировал удрать. Но всякий раз приходил к выводу, что не смогу предать Кру. Разве бросают того, кто поверил в тебя? Кроме того, спастись-то некуда — джунгли и были местом, куда я убежал.

Давление прошлого испытывает тот, кто слишком серьезно себя воспринимает. Фразы мастера были окутаны метафизической дымкой и с трудом влезали в мою треугольную голову. Между тем, внутренний посыл всегда чувствовался, вдохновляя на битву.

Время от времени я задавался вопросом, что привело меня в этот ад.

Еще недавно я стоял на маленькой, но оживленной улице Бангкока. Смотрел с моста на коричневую воду, дурно пахнущую, и, наверняка, полную пиявок. Вдоль берега скопился слой мусора. В душе сосало — я был обескровлен и мертв.

Вдруг из воды вынырнула узкая чешуйчатая морда. Она двинулась к берегу, при этом тела не было видно, и казалось, что морда плавает сама по себе. Вскоре на сушу выползло хвостатое существо, перебирая мокрыми лапами. Размером оно было с крокодила, только шея узкая, а морда вытянутая, как у муравьеда. Рептилия повернула голову боком, глядя на меня одним глазом. Из закрытой пасти

выскользнул узкий, как змея, язык — черный и раздвоенный на конце. Стало не по себе. Я перегнулся через перила, и меня стошнило. Воздуха не хватало. Слезы обволокли глаза, а из открытого рта тянулись слюни.

В этот момент тонкая рука протянула салфетку. Подняв глаза, я увидел размытый силуэт в белом.

— В тебе плачет маленький мальчик, — слышался голос.

Я испытал раздражение, что посторонний человек позволяет себе подобные утверждения, и демонстративно не взял салфетку. Между тем, прозвучавшие слова воззвали к чему-то очень чувствительному глубоко внутри меня, побудив заговорить:

— Я потерял все, — еле сдерживаясь, чтобы не захныкать.

— Еще нет, — прозвучал ответ. — Ведь ты по-прежнему цепляешься за что-то.

Мне захотелось возразить, но язык не слушался. Окончательно расклеившись, я мямлил словно беззубый. Пока снова не поймал на себе тот глубокий взгляд — азиатские глаза терпеливо изучали дурачка-иностранца. Мне стало стыдно за свое поведение, я выхватил салфетку и отвернулся, судорожно обтирая горящие щеки.

— Ты запутан, — мягко коснувшись моего плеча. — Тебя надо распутать.

Я стоял, не решаясь повернуться, уставившись на мутную жижу цвета гнилой древесины.

— Помоги, — сказал я, не в состоянии поверить, что произношу это.

Ящерица на другом берегу рванулась с места и, заскользив брюхом, скрылась в воде. Тогда я еще не знал, что в канавах и канализации Бангкока обитают сотни гигантских варанов.

* * *

Стою на полусогнутой ноге, замер в неестественной позе, словно цапля. Центр тяжести как можно ниже, спина прямая. Занимаю оборонительную стойку, колено и локти в воздухе: становишься острый и опасный, как ананас. Перепрыгиваю с одной ноги на другую. Разворот.

Гравитация возросла в десятки раз. Мускулы, сведенные судорогами, не выдерживают. Когда нога непроизвольно опускается, Кру ударяет бамбуковой тростью, побуждая занять правильную стойку. Приходится терпеть изо всех сил.

Мы оттачиваем шестнадцать базовых движений, снова и снова, день за днем. Повторяем до бесконечности, пока солнце не укатится за угол соседнего склона. Утром все начинается снова.

В основе тренировок лежит древнее боевое искусство муай чайя, но не ограничивается только муай чайя, задействуя другие техники: тайский бокс, силат, вин-чунь, тайчи, а также ментальную тренировку и медитации.

Сначала я запаниковал.

Меня бросило в дрожь, как перепуганную псину, с которой сдирают шерсть.

— Для чего? — пожимаю плечами. — У меня нет навыков, я не гожусь для боевых искусств!

Хожу взад-вперед, непонимающе трясую головой.

– Ну какой смысл мне, культурному человеку, использовать кулаки, – развожу руками. – Глупость какая!

Кру утвердительно кивает.

– Между прочим, я университет закончил.

Стою, взъерошивая руками волосы.

– Мы не животные, чтобы драться. Конфликты нужно решать дипломатически!

Мастер внимательно выслушал до конца.

Стою в ожидании контр-аргументов, но вместо доводов последовал хлесткий подзатыльник. В недоумении глотаю куски воздуха.

– Вижу, что навыков нет, – прозвучал голос учителя, – зато у тебя есть самое главное качество воина.

Палец Кру с силой ткнул в мою грудь, туда, где находится сердце.

Приступ паники стух.

А голову, к слову, мне все же пришлось побрить. В результате чего я сделался похожим на босоногого буддийского монаха. Возвращенный годами образ успешного мужчины, бизнесмена, за несколько минут соскребло лезвие бритвы. Помимо обнуления личности, пришлось принять ряд ограничений: отказаться от мяса, отсеять сексуальные инстинкты и все лишнее, что отравляет разум, развлекает, рассеивает фокус.

Раз за разом мне напоминали, что я здесь не для того, чтобы впитывать знания, а чтобы от них отказаться. Сдрать без жалости, слой за слоем, всю шелуху, понятие за понятием, мысль за мыслью, пока не доберусь до сути – истинного Я. А затем и его выброшу на помойку.

Кру говорит, что в этом заключается настоящая свобода – возможность стать никем. Ибо являясь кем-то, мы всегда обречены на страдания.

Голова кругом, я не узнаю себя в зеркале – этого лысого крысеныша. Становится не по себе от осознания, что действительность сродни сумасшествию. И все это – происходящее – происходит на самом деле. Скручивает дрелью кишки, а-а-а! Между фильмом и жизнью нет разницы.

А знаете, уже не важно. Что дальше скажет Кру? Разбить черепом кокос или сесть на шпагат – да тьфу! Хоть задницей пилить бамбук! Отчаявшийся человек – тысячу раз уже мертвый, он подойдет и самой смерти плюнет в склизкую рожу.

Как и в тайском боксе, муай чайя задействует четыре вида оружия: кулак, локоть, колено, нога. Каждое имеет свои преимущества и особенности. В зависимости от длины оружия, меняются стойка и расстояние между ступнями. На каждое оружие мы изучили шесть ударов и блоков, день за днем доводя их до автоматизма.

Во всем прослеживалась четкая геометрия. Стойка представляет из себя устойчивую конструкцию, собранную из воображаемых треугольников. Контр-выпады начинаются с шага под углом в сорок пять градусов. Каждый удар использует энергию противника и импульс вращения.

Тактика ведения боя на одной ноге обеспечивает эффективную оборону. Она ломает ритм битвы и приводит противника в замешательство. Как это работает? Представь, что на тебя кидается собака на двух лапах. В таком случае тебя сокрушит не собака, а собственный разум.

Поэтому так необходимо формировать сильное сознание.

Конечно, многое у меня не получалось. Например, держать глаза открытыми при встречном ударе. Рефлекс, с которым ничего не поделать — всякий раз я зажмурился, и все внутри сжималось.

В какой-то момент мастер остановил тренировку:

— Тебе нужно кое-что понять о природе боли, — взяв меня за щеки и глядя в упор. — Это лучший учитель, не закрывайся. Разреши себе принять боль и обозреть. Затем на мягком выдохе отпусти.

Раздался свист бамбуковой трости, и живот обожгло. Я согнулся пополам, но, скорее, от неожиданности, чем от силы удара.

— Расслабиться, обозреть... — повторил голос, — на выдохе произносишь: «спасибо».

Последовал хлесткий удар.

— Спасибо, — скромно обронил я.

— Не слышу!

Снова свист трости, разрезающей воздух.

— Спасибо!

— Не забываем улыбаться.

Еще удар.

— Спасибо! — натягиваю улыбку.

— Смотри в глаза противнику.

И снова обжигающий удар.

— Спасибо!!

После сотни повторений это истязание закончилось. Живот горел, покрытый красными полосами.

Тогда мастер приблизился и прошептал на ухо:

— Точно также и с твоей внутренней болью. Открой глаза. Возьми свой урок и отпусти с благодарностью.

Больше учитель не произнес ничего.

Целые недели проходили в молчании. Общение потеряло смысл, ведь каждый знал распорядок и что полагается делать. Никогда бы не подумал, что истинное понимание основано на отсутствии слов.

В четвертую полную луну мы распрощались, ничего не сказав друг другу. Все было понятно без разговоров. Ученик должен в какой-то момент отделиться от учителя. Подняться и идти собственным путем. Теперь, благодаря Кру, у меня появилось самое необходимое – вера в себя.

Сердце наполнилось грустью, смешанной с теплом и любовью. Нас связывало гораздо большее, нежели обучение и тренировки. Больше, чем любая дружба. Тогда я еще не знал, что умею плакать, иначе бы обязательно заплакал.

Я смотрел на удаляющийся белый силуэт, пока джунгли окончательно не растворили его. И долго-долго после этого продолжал смотреть, ни о чем не думая.

* * *

Климат сменился на жаркий, духота нарастает. Переместился спать наружу, под навес. Действовал я, скорее, интуитивно, чувствуя настроение джунглей и в каком темпе они живут. Теперь я ночевал на открытом воздухе и дышал вместе с ними.

По вечерам ходил в сумерках с ведром, утоляя жажду фруктовых деревьев. Оказывается, на ветках личи поселилось семейство зеленых змей. Совсем под боком.

У меня нет проблем с новыми соседями. Змеи умные. Чувствуют присутствие человека и держат дистанцию. Я тоже их не беспокою. Так мы и уживаемся мирно, спим в десяти метрах друг от друга. Змеи

и я все понимаем.

Утром возобновляю тренировку. Начинаю с медитации, которая заключается в том, чтобы замедлиться до скорости улитки. Тогда начинаешь видеть мир по-другому, замечать гораздо больше. И чувствовать.

Ме-е-едленно переношу центр тяжести, совершая примерно пару шагов за пятьдесят ударов пульса. Блики рассыпались алмазами по листикам. Запах лаймовой свежести. По щекам пробегает ветерок, теребя растительность над губой; всосавшись в ноздри, щекоchet прохладой. Кончик носа чешется. Босые ноги мнут густой травяной ковер. Камушек впивается в пятку, и колено трясется, удерживаю баланс. Вокруг вьются москиты — шайка настырных гиен — постукивают по спине, жаждут свалить с ног. Сохраняю равновесие. Замираю на одной ноге. Продолжаю ползти.

Стало ясно, что учение Кру выходит далеко за рамки муай чайя, а также любые определения стиля. Это состояние разума, когда прекращаешь думание и отцепляешься от физического. Получается, все эти месяцы мы тренировали не боевые техники, а привычку находиться в потоке.

Сны значительно сбавили обороты, и поменялся их характер. Все реже я умирал, реже приходилось бежать без оглядки. Я понял: чтобы прошлое перестало терзать, нужно его перерастить. Не цепляться за старого себя, а преобразиться в качественно новую личность. Тогда прошлое останется с тем, прежним тобой, и будет мучить его, а не тебя.

Моя вчерашняя версия исчезала, здесь и сейчас писалась новая история.

Однажды, когда на лагерь пала тьма, джунгли проявили внешнее

беспокойство. Птицы кричали тревожной обычного, в воздухе зрело напряжение. Вспыхнула верхушка соседней горы. Огонь вязко полз вниз, напоминая извержение вулкана. Пожар двигался в сторону лагеря.

Собрав запасы воды, я замуровался в хижине. Законопатил окна и крупные щели, опасаясь вовсе не огня, а хаоса, который тот предвещает. Не было сомнений, что через лагерь, спасаясь, хлынет всякая живность.

Смочив кусок тряпки, обматываю его вокруг головы, как туарег. Закрываю глаза. Дышу через мокрую ткань. Жду. Сквозь щели стен проникают струйки ядовитого дыма. Джунгли оцепенели, все вокруг затихло. Кроме зловещего треска голодной пасти. Ветра нет – видимо, тоже испугался. Духота и тяжесть. Впервые с момента расставания с Кру, я по-настоящему ощутил, что остался один.

Утром вдоль хижины проплывают кислотные клочки облаков. Поднимаются откуда-то снизу, с подножия горы. Воздух сушит ноздри, царапает глаза. Тишина сдавливает уши.

Парит.

В рассеянном мутном сиянии не осталось даже теней. Сверху, из дымчатой невесомости, падают черные хлопья. Пепельный снегопад неспешно укрывает землю мертвыми ошметками.

Долго-долго-долго лежу в хижине на полу, напеваю под нос примитивные звуки, напоминающие скрип ржавых качелей. Что это, марш свадебный или похоронный?..

Зеваю. Погружаюсь в дремоту...

В сознании проносятся мутные картинки, черно-белая карусель

фотографий из прошлого. Мне захотелось найти лицо Кру, я попытался выловить его из безудержного потока, но тщетно. Лица мелькали быстро и запутанно: сменялись портреты, разбивались на тысячи пристальных взглядов. И все они выражали мучительную холодную глубину. Да, чередовались люди, перестраивались формы и декорации, но все это маски. Сущность, что примеряла их, была одна.

Тело вздрогнуло от ледящего чувства. Что-то вцепилось в мою правую лодыжку и с силой потащило с циновки. Хватаюсь ногтями за пол, отбиваюсь, кричу. Вскакиваю, запутавшись в москитной сетке.

Сковывает движения, ногу перепутало — упал. Голень цементирует, будто обвился питон. Дыхание сдавило. Нечеловеческим рывком выдираю ступню из капкана. Поднимаюсь. Прыгаю на одной ноге. Рву москитную сетку. Ударяюсь плечом в стену — громкий треск бамбука и суставов. Тело переваливается через дырку и мешком падает наружу.

Ветер вернулся и принес порцию воздуха. Дымка рассеивается. В хижину ни за что не вернусь!

Сижу, сгорбившись, под навесом. Запихиваю в рот противные комки риса. Костер хрустит. Чай греется, отказываясь закипать. В языках пламени корчатся коряги — торчат змеиными мумиями.

Однажды мы сидели с Кру у костра. Огонь разбавлял тишину треском поленьев.

— Как мне победить демона? — спросил я.

Из уст Кру слово «демон» произносилось однажды, в контексте терзающего меня прошлого. Затем мы всегда говорили о «прошлом». При этом не понятно, было прошлое синонимом демона или обозначало то, что обозначает. Так или иначе, Кру говорит, что ни

демон, ни прошлое не являются тем, чем являются — это лишь слова. А словами мы только искажаем суть.

Последовало долгое молчание. В конце концов я задумался, созерцая огонь, обгладывающий черные кости.

Вдруг тишину пронзил голос:

— Демона не победить, но можно с ним примириться.

— Не понимаю, — глядя сквозь пламя. — Как?

— Представь собаку, что кружится на месте, преследуя собственный хвост.

Промелькнула тень, и что-то тяжелое ударило в правое плечо. Показалось, что с дерева свалился кусок коры. Вскочив, я принялся отмахиваться. Тарелка упала, подпрыгнула. Рис рассыпался по земле белыми личинками. Я моментально занял оборонительную стойку — на одной ноге.

Тень забегала быстро и хаотично. Подвижные звенья сокращаются, подталкиваемые сотней быстрых ножек. На глянцевой поверхности отражаются блики. В горло забились страх, сухость, вата и омерзение. В животе сосет, словно проглотил пиявку.

Виляющая кишка бьется в несвойственном для живого ритме. Сколопендра в четверть метра кидается на меня. Бежит, будто слепая, по рваной траектории! С воплем пинаю ее. Увесистая тварь отлетает в сторону, перевернувшись на спину. Взбалтывает воздух тысячей ножек, дергается, пытаясь занять привычное положение, и ей это удается.

В тот же миг, ни секунды не думая, я бросился в темноту и со всей дури проткнул рыжее тело. Пригвожденная вилкой, сороконожка бьется в конвульсиях. Две ее половинки обрели независимость. Более длинная часть встает вертикально, другая тянет вбок, стараясь

оторваться от другой части себя.

Впиваюсь ногтями в камень и, упав на колени, с криками колочу по земле. Бью. Еще. Вилка согнулась, утонула в землю, разрубив сороконожку. Части тела рвутся под глухими ударами, плющатся, но продолжают сокращаться. Луплю без остановки, руки взлетают в воздух, вверх-вниз, мелькают перед глазами.

От сколопендры не осталось и следа.

Шатаюсь, я пошел за хижину, сел на камни и шесть дней сохранял неподвижность и молчание.

ЛЮБОВЬ

Стол задрезжал, по нему бегают вибрация. Будто за металлической стеной, поднимая пыль, проносится стадо бизонов. Вибрация и раньше присутствовала, все время скрываясь в стенах, но сейчас обнаглела — отделилась и поскакала по помещению.

Стол наклонился. Предметы, чашки, сахарница, манхар пришли в движение, заскользив вниз по скатерти. Пришлось выставить руки, чтобы все к чертям не повалилось в обрыв.

Подошел военный:

— Permiso!

И быстро расчистил стол. Скатерть тоже забрал.

Новые толчки.

Дыхание схватывает, похлеще чем на аттракционе.

— Прямо как в Сантьяго, — обронила женщина.

— Что там?

— Землетрясение.

Военный сухо попрощался и покинул комнату.

– Чао, – ответили они в один голос.

Помещение резко накренило, словно корабль вошел в затяжной поворот. Женщина испуганно посмотрела на мужчину. Попыталась что-то сказать, но ее губы выдали лишь вздох. Услышав стук за спиной, она обернулась. Картина с кувшинками громко билась о стену, толкаемая невидимой рукой.

Зашипел громкоговоритель. На фоне шума плевками прозвучали коды и инструкции.

И снова шипение – как потерянная радиостанция.

Как пальцы дождя, барабанищие по банановым листьям.

* * *

Я спустился с гор, оказавшись в ближайшем городке Чианг Дао. Поправил изъеденные лямки рюкзака. Охватил взором окрестности. Утро наполнило легкие свежестью и прохладой. Неподалеку выросла величественная гора, окутанная туманом. Ее подножие рассекает петляющая звонкая речушка. Тут же располагались горячие источники, от которых поднимался пар.

Бородатое лицо застыло безмолвным отражением в воде. Растительность продавила щеки и свисает спиральками. Два глаза, необычно яркие, светятся голубым...

Кто я теперь?

Почерневшие пальцы попытались дотронуться до отражения, но нарушили спокойствие воды.

Погружаюсь голым телом в горячую воду, отдающую яичным запахом. Жар обволакивает, кожа мокнет хлебным мякишем. Сознание парит. Боли больше нет – ни внутренней, ни физической.

Боль широко открывает глаза, сдирает старую кожу, покрытую пятнами сомнений и крошками проблем. Обновленный и отрезвленный, делаю глубокий вдох. Я все еще жив!

Набросав на влажную землю настил из пальмовых листьев, я провел остаток утра на берегу реки. Журчание подхватило сознание и унесло легким перышком. И сидел бы я так целую вечность...

– Do you want some papaya salad?

Мягкий голос побудил открыть глаза. Поворачиваю голову. По левую руку сидит женский силуэт, обведенный лучами солнца. Еле уловимый, светящийся ангел. Пытаюсь сфокусироваться, но глаза, как сломанный объектив, не могут слепить четкий образ.

Вот! Удалось разглядеть улыбку. Ожила как бабочка, севшая на лепесток лотоса. Ровный ряд жемчужных зубов. Блики солнца подсветили персиковую кожу. Такой нежный, ренуаровский образ. Небрежно упавшая на левый глаз челка.

Смотрит, изучает с любопытством, как необычного зверька.
Ну и зрачки! Два бездонных, утягивающих за собой водоворота.

Забираю у ангела картонную тарелку, кладу в рот щепотку струганной папайи. Девушка протягивает палочки для еды. Отмахиваюсь – пальцами вкуснее!

Свежесть зеленых стружек целует язык... Погоди-погоди. Что-то нарастает, тычет в язык, уже совсем рядом. Сквозь ноздри пробегает жгучая лавина, пронзающая остротой. Выдыхаю, еще раз выдыхаю. Кашляю. Корчу гримасу, по щекам текут слезы. Ух, уже успел позабыть ядреную остроту местной кухни.

Тайка звонко смеется.

Тянется, проводит ладонью по щеке, приглаживая упругий мох.

— Я знала, что ты появишься...

Осторожно и нежно трогает скулы, как бы убеждаясь, что я настоящий.

Падает, вцепляется в меня крепко-крепко, обнимая.

Упирается холодным носом в загорелую шею.

— Вик, ты... нет слов... я так надеялась...

Она часто-часто вдыхала, отчего концовки слов наполнились легкостью и пробелами, добавив мармеладной сладости азиатскому акценту.

— Как же я счастлива тебя видеть!

Солнце неторопливо перевалилось за полдень и спряталось за слипшимися тучами. Ливень обрушился плотной стеной. Мы бежали по улице босиком, держась за руки. Прыгали по лужам, промокшие насквозь, не в силах сдержать приступы смеха. Бежали по главной улице, рассекающей пополам двухэтажный город от заправки до рынка, пока нас не остановил единственный светофор. От горячего асфальта поднимается щекочущий жар. Дождь испачкал все вокруг, включая двух ликующих дурачков, мутной рябью. Очертания размылись. Автомобили проплывают кораблями, медленно-медленно, моргая фарами. Мир сделался ливнем.

Ангел стоит в водовороте огней и бликов. Оглядывается по сторонам с восторгом ребенка. Мокрую текстуру блузки измазал зеленцой неоновый язык. Помутневшая юбка облепила линию узких бедер. Блестящие капли падают с кончиков волос, заставляя дрожать тонкие плечи.

Встаю вплотную, прижав горячую ладонь к упругой талии.

Наблюдаю. Взгляд девушки смущенно падает на мокрый асфальт. Поднимаю милое личико за тонкий подбородок. Зрачки, набухшие до безумия, пульсируют чернотой. Веки подрагивают. Не пойму, эти глаза мокрые от дождя или плачут.

Да, она преобразилась, куда сильнее меня. Помню ее иной, совсем другой: независимой, твердой. От прежнего образа не осталось и следа – смыло блестящими каплями дождя. Сейчас передо мной стоит девушка, невообразимая, красивейшая из всех!

Смотрю и не утолить эту жажду, не хватает дыхания. Сжимаю ангела в согревающем объятии, чувствую пьянящий запах дождя в волосах. Пью соленые капли с мокрых губ – слаще инжира.

* * *

Дом, где живет тайка, находится у подножия горы. Туда ведет дорога, петляющая меж толстых стволов деревьев. Таких массивных и старых, что кора покрылась мхом, а ветви сомкнулись, закрыв небо. Едешь будто по зеленому туннелю. Сижу сзади, задрав голову, любуясь дырявым потолком. Пахнет древесиной и сыростью. Держусь руками за женскую талию, чуть выше бедер. Ее тело дрожит. Едем мы не быстрее тридцати, и все равно складки свинцовой одежды холодят, руки покрылись гусиной кожей.

На блестящем асфальте раскиданы сухие ветки, мокрые от дождя. Яркими пятнами налипли листья. Серая полоса, желто-оранжевая по бокам, обвивает стволы в самую притирку. Обочины просто нет. В нескольких гигантских стволах вырублена выемка, чтобы уместился автомобиль. За очередным таким стволом мы свернули на коричневую тропинку. Колеса окрасились грязью, оставляя за собой чешуйчатый шлейф. Повсюду вокруг блестела пушистая трава.

Пробившись сквозь низкие ряды банановых деревьев, белый мопед подъехал к компактному строению и встал под тряпичным навесом. Тайка заглушила мотор. Я спешился и окинул взглядом небольшую кухню. Здесь на щебеночном полу, помимо мопеда, расположились стол, газовая плита и умывальник. У стены приветственно постукивал холодильник.

Наши вещи, впитавшие литры дождевой воды, уставшие, повисли на бельевой веревке. Стою у раковины с голым торсом. На мне традиционные хлопковые шорты – из ее гардероба; в развороте настолько широкие, что, кажется, сшиты на детеныша слона. Шорты легко подгоняются до нужного размера и закрепляются веревками на талии. Точно в таких же я тренировался в джунглях.

Смотрю в осколок зеркала, бреюсь. Поглядываю через отражение на женские ножки, танцующие у плиты. Невысокое и стройное тело в рубаше на китайский манер, скрепленной на груди узелками. Рубаша, белая и широкая, свисает прямоугольником до бедер и резко обрывается. Рукава, как два хобота – приходится закатывать.

Тайка ловко орудует ножом, кроша овощи: цак-цак-цак. Нарезанные кусочки летят в разогретый вок. Пш-ш-ш. Подпрыгивают масляные капли. Над плитой поднимается пар и шипение. Воздух наполняется приятными нотками арахиса, имбиря и соевого соуса.

Вид этого милого повара напоминает эскимо. Всегда в ней присутствовала некая чарующая чужаковатость. В тот первый раз, когда мы встретились, она стояла во всем белом, а в руке было мороженое. Круглый мотоциклетный шлем скрывал волосы, делая ее похожую на мальчика. Глядя на непонятого пришельца, я растерялся. Но затем нервозность улетучилась, и появилось доверие. Кроме того, сам-то я был ничем не лучше – бездомный. Наверное, общая

ненормальность нас и сблизила.

Тайка встала на носки, балериной потянувшись за специями. Тонкие мускулы икр напряглись. Рубаха поднялась до самых ягодич, оголив округлые очертания. Я замер, парализованный моментом. Затем подол рубахи упал на прежнее место.

Уточняя по-тайски, неужто хозяйка готовит жареный рис с овощами.

– Не-ет, ты не так произносишь! – расхохоталась девушка, не отрываясь от готовки. – Правильно: «khaо phat rak»! А ты, как мокрая индюшка, издаешь бульканье: пак-пак-пак.

– Как слышу, так и произношу! Кто же виноват, что у вас все слова трехбуквенные.

– Сам ты трехбуквенный, Вик! – покачала волосами.

– Я говорю по-тайский так плохо, – подхожу ближе, – потому что меня обучала самая вредная училка!

– Ах так! – взмахнув рукой, она резко повернулась.

Мой взгляд устремился вверх на взлетевший металлический блеск. Нож сделал несколько быстрых оборотов, застыл на секунду под потолком, затем стремительно, как молния, воткнулся в деревянную доску. Цак! Две половинки авокадо закачались, оголив крупное разрезанное семечко.

Мы стояли вплотную. Наши взгляды переплелись в прочный клубок – до давящего ощущения в животе. И так щекотно вдруг стало, что мы без причины по-детски рассмеялись.

Тайка протянула руку, заботливо вытерев пятно мыльной пены с моей щеки.

Затем, почесав нос широким рукавом, радостно произнесла:

– Еда готова.

Лучи солнца пробились сквозь дырявые тучи. Небо кое-где прояснилось, но ватные обрывки облаков зацепились за вершину горы. Яркие блики упали на акварельную растительность. Тени банановых деревьев машут хвостами. Мы кушаем палочками.

Волосы ангела, еще влажные, свисают резиновыми нитями. Стрижка каре визуально удлиняет лебединую шею. Тайка кажется очень юной, хотя она старше меня на пять лет. Действительно, люди в этой части света выглядят молодо, но в данном случае причина в другом – необыкновенная легкость. Боже, как она сияет! Ангельская кожа словно светится изнутри.

– Передай-ка салфетку, – говорю.

Ее рука потянулась вперед, и я обхватил тонкое запястье. Кисть напряглась в попытке ускользнуть, но я удержал. Мне не хотелось отпускать. Я чувствовал как наши ладони тают, сливаясь в общее тепло. Приятное чувство разлилось по предплечью.

Глаза девушки закрылись, бросив длинную тень от ресниц. Затем, взмахом крыльев, ресницы распахнулись. И я увидел тот самый взгляд – ласкающий, женский, материнский. Шелковый взгляд. Пропитанный нежностью кошки и любовью к мужчине, на которого он направлен.

Так мы и сидели, держась за руки и перестав жевать. Во рту слюна обволокла и растворяет комок риса. В этом моменте заключено все, что не выразить словами. Дом, пропитанный запахом дождя. Блики на траве. Тепло ее ладони. Непринужденность. Все такое родное и близкое! Будто сладкий сон, где у меня снова есть семья, жена, дом. Стало ясно, в какую реальность я всегда держал путь.

* * *

Диванчик из лозы еле умещается на маленькой веранде второго этажа. На стене висят черно-белые фотографии – портреты пожилых азиатов. На чайном столике стопки книг.

Книги не навалены в кучу, как в прошлый раз, а стоят колоннами разной высоты. То, как организованы столбики, не выдало никакой последовательности, хотя поначалу показалось, что это Фибоначчи. Подобрал со стола «Искусство любить», лежавшую сама по себе, листаю растрепанные пожелтевшие странички.

Тайка приблизилась с двумя бокалами вина, наполовину красными и округлыми, как беременная газель. Поставила один передо мной и села на диванчик, подобрал под себя ногу. Теперь ее рубаха не свисает, а надулась бумажным фонариком. Тонкие пальцы удерживают хрустальную ножку, побалтывая. В бокале кружится бордовый водоворот.

Я протянул руку, и бокалы звонко встретились. Цам!

Все это время я не сводил с нее взгляда. Черт возьми, эта женщина – самая большая загадка из всех! Сводит с ума. Может, она вовсе не ангел, а колдунья, умеющая превращаться в дождь?

– Это какая-то проверка?

Она промолчала с момент, потупив взгляд.

– Может быть.

Взбалтывает вино.

– Почему мы пьем?

Глаза взлетели на меня.

– А почему нет?

– Ну, я думал, наш девиз: «жизнь – самый сильный наркотик».

– Наркотики, при желании, можно смешивать. А ты задаешь

слишком много вопросов.

– Знаешь, когда мы впервые встретились, я думал, что ты сумасшедшая.

– А сейчас?

– Сейчас я сам стал таким.

Она протянула бокал, и стеклышки снова встретились. Дзинь!

Голова кругом.

Собеседница наклоняется в мою сторону:

– Когда мы впервые встретились, у тебя был взгляд смертельно раненного пса. Не знаю как ты вообще выжил.

Откидывается назад и хихикает.

– Ты меня сделала сильным, – говорю.

– А ты меня делаешь уязвимой, – ставит бокал на стол.

Ее улыбка меняется.

– Это какая-то игра? – спрашиваю.

– Ты снова задаешь вопросы.

Делаю терпкий глоток.

– Расскажи о себе, ведь я почти ничего не знаю.

– Тебе по-прежнему, непременно, все хочется знать?

Я ничего не ответил, разрываемый смешанными чувствами. Действительно, знать не хотелось, а лишь любить и безвозмездно делиться. Но, в то же время, я желал эту женщину всю, целиком, вместе с ее таинственным прошлым.

– В тебе всегда жила доброта, – она подобрала бокал со стола. – Правда, ты слишком заиклился на своей драме. Но не только у тебя была трагедия, она есть у каждого, и у меня тоже. Видишь эти фотографии на стене? В шесть лет меня отдали в секцию тренироваться тайскому боксу, это было в Бангкоке.

Она замолчала, рассматривая фотографии, словно видит впервые. Азиаты глядели на нас строго и укоризненно. Будто сами никогда не пробовали вино.

Тут же перед глазами ярко вспыхнул образ маленькой девочки: со стрижкой каре и огромными перчатками на тонких ручках. В сердце что-то дрогнуло.

— Мой отец всегда хотел сына. А я так желала, чтобы он гордился мной. Старалась доказать, что девочка ничем не хуже. Но не так-то просто заполучить любовь отца. Я тренировалась, каждый день, пытаюсь оправдать его ожидания. Приходила первая на тренировку, уходила последней. Начала выступать на ринге, появились первые награды. А он, он все равно смотрел не так, не видел во мне равную.

Она прикоснулась губами к тонкому хрусталу, оставив на краю красный след, как от помады.

— Затем все пошло наперекосяк. Тот бой, на арене в Чианг Май, шестнадцатое декабря. Против меня на ринг вышла соперница, невероятно красивая. Весь зал рукоплескал ей, и стало ясно, что она успешнее и сильнее, превосходит меня во всем. Если бы я была такой, отец точно бы меня полюбил. Я заглянула противнице в глаза, и что-то замкнулось внутри. Бой был проигран. В первом же раунде, когда мы сцепились в клинче, меня сокрушил ее удар коленом. Ноги подкосились. Непонятно каким чудом, но я устояла. Наверное, мысль о том, что отец где-то там, смотрит, удерживала обмякшее тело от падения. Я повисла на ниточке, умоляя, чтобы вот-вот прозвучал гонг. Но гонг молчал, вместо него прилетел локоть — темнота, нокаун. Я провалилась во мрак.

Тайка отодвинула нависшую челку, демонстрируя бровь, от которой тянулся вертикальный шрам. Этого шрама я прежде

не замечал.

– Затем у меня был бойфренд. Ты знаешь, как тайские мужчины иногда обращаются с женщинами. А я была слабой, податливой. Старалась быть покорной, а он избивал меня. Каждый день я просыпалась и продолжала быть с ним, ненавидя себя за это. Чувствовала, что я здесь чужая, не принадлежу этому миру. Что-то неистовое пожирало изнутри, я перестала спать – жуткая бессонница. Принимала таблетки. А однажды выпила все разом, весь бутылек.

Она опустошила бокал и подняла со стола мой.
Затем взмахнула куда-то на север.

– Я оказалась в том монастыре, неподалеку отсюда. Очень спокойный монастырь: вокруг виноградники, холмы, речка, вдоль которой поднимаются кельи на худых бамбуковых ножках – напоминают слонов с картины Дали. Целыми днями медитировала. Однажды мимо проходил странствующий монах. Не знаю почему, но я последовала за ним. Стала его ученицей, возобновила тренировки. Но больше никогда не выходила на ринг. Сейчас я понимаю – нас свела та же сила, что организовала мою встречу с тобой.

Поставив на место недопитый бокал, азиатка взяла мою ладонь.

– С тех пор, как я встретила тебя, все поменялось... Пришло освобождение, больше не приходится бороться и что-либо доказывать. Я кое-что поняла про отношения – это крылья. Когда тебя подкидывает в воздух, и ты расправляешь их. Крылья, которые всегда были. Но я в них не верила, и все вокруг, даже собственный отец, не верили. А ты, оказывается, умеешь летать.

Она потянула меня за руку, поднявшись. Я последовал за ней.

Мы зашли в темную комнату – келья, в которой хватало места лишь на матрас и на то, чтобы подступиться к нему с одного края. Девушка встала на фоне решетчатого окна, из которого вяло сочились бледные лучи. Я почувствовал, как быстро мои глаза адаптировались к темноте и отчетливо различают предметы.

Приблизившись сзади, вплотную, я обвил рукой ее талию. Положил ладонь на упругий живот, касаюсь горячими губами основания сахарной шеи. Она трется виском о мою щеку. Запах волос и ванили. Дыхание разгоняется.

Некая сила, крепко ухватив за предплечье, дернула вверх – оторвала от пола. Диафрагму сжало. Через секунду я уже лежал на матрасе, пытаюсь снова дышать, но получилось не сразу.

Тайка сидела сверху, ее прическа растрепалась. Широкая рубаша расстегнулась и сползла с левого плеча, оголив небольшую грудь, на которую лег решетчатый узор. Темный заостренный сосок поднимался вверх-вниз от учащенного дыхания.

Она наклонилась и поцеловала меня.

– Эта наша последняя ночь.

Цепенею.

– Ты знаешь, – шепчет на ухо, – это только начало пути.

– Нет, ты не понимаешь, – говорю, – ты и я, этот дом, это и есть мечта!

– Иногда нужно отдалиться от мечты, чтобы приблизиться к ней.

Молчу.

– Вик, ты должен помнить, что нет неправильного выбора. В нужное время ты придешь туда, куда всегда шел. Это неизбежно.

Тишина.

Слышно лишь наше совместное дыхание.

В глухоте ночи, где-то очень далеко, в гуще деревьев на вершине горы, послышался затяжной скулящий вой.

– Кру...

– А?

– Мне страшно.

Той ночью я видел сон, где играл с собакой. Собака была добрая и светлая, как лабрадор. Делая широкий взмах, рука бросала мячик, так далеко, насколько можно закинуть. Мячик летел по дуге, ударялся о землю и продолжал скакать по траве. Быстро и весело катился, как колобок.

А я бежал следом, очень быстро, туда, неизвестно куда, за мячиком, прыгая по траве и кочкам. Несся с высунутым языком. Уши гнулись в потоке ветра. Из-под лап вылетали вырванные клочки травы. Ничего не было нужно – только радостно бежать.

Когда я нагонял мячик, еще скачущий, то с хрипом вгрызался. И, беспокойно дыша, возвращался, капая слюнями. Довольный, мол, смотрите: «У меня мячик во рту!».

Махал хвостом как бешеный. И это был хвост, дополняющий меня. Счастье струилось и распирало. Хотелось пометить все деревья вокруг.

Гляжу на мячик добрыми глазами. На языке слюни. Машу хвостом. Таким родным хвостом...

Высшее проявление Любви заключается в том, чтобы предоставить человеку свободу – быть собой и двигаться собственным путем. Так говорит Кру.

ГЛАВА 2: ОСЕНЬ

СТРАХ

Что такое приключение? Это не побояться и оседлать волну. Можно прятаться, лениться, закрывать глаза и считать, что тебе это не нужно. Но волны все равно там, накатывают, бьются о бежевое основание мечети. Двухсотметровым гигантом поднимается та из воды и, выпрямив спину, устремляется высоко в небо, чиркая макушкой самые облака.

Мечеть стоит, вопреки неудержимому натиску океана. Словно корабль, навсегда бросивший якорь. Разрезает монолитным носом наглые волны. Ребятишки, дюжина коричневых точек в шортах, похватав самодельные доски, похожие на туалетные сидения, прыгают со стены прямо в бурлящую воду.

Волны поднимаются одна за одной, шипят, пенятся барашками. Те, что не разбились о мечеть, продолжают движение к берегу и падают там, обессиленные, прямо на острые камни, раскатисто, подобно тропическому грому. Брызги повсюду.

Говорят, время от времени кто-то не выплывает. Когда ударяет головой о валун – теряешь сознание, и океан забирает с собой. Воды здесь такие прожорливые, что человека уже не найти.

И вот, спрыгнув с мечети, ты оказываешься в бурлящей пасти и дожидаясь волны, той самой, своей волны. Из всех сил гребешь руками, пытаешься оседлать прозрачную акулю спину. И когда у тебя

получается — захватывает дух. Время замирает, ты растворяешься, сам становишься волной, стихией. Испытываешь откровение, которое становится частью тебя, уже нового человека.

К вечеру океан отступает, медленно, как наевшийся зверь, оставив после себя обглоданный берег. Обнажает каменистое дно. И, конечно, никаких утонувших не находят. Их с собой забирает глубина и вечность Атлантики. На месте ушедших волн чернота, в неровностях которой блестят лужи. Зеркальные поверхности отражают краски заката.

Народ снимает обувь, закатывает штанины и, подняв подол джеллобы, идет туда, в каменистое поле из луж, где можно поймать краба. Или морскую звезду. Все эти люди в длинных нарядах собирают ракушки, ищут жемчужину и что-то еще. А что это — еще, никто толком не сможет ответить, но каждый надеется это найти.

Провожая багровый закат, ты стоишь на берегу Касабланки с рюкзаком на плечах. Ничего не знаешь, но многое понимаешь; и отправляешься в путь, за шальной волной, на собственный поиск.

У мечети собираются марокканцы — стекаются на вечернюю молитву. Со всех концов города доносится пение, протяжно, как гул военной сирены. А ты идешь вспять, покидая белокаменный город, и держишь путь строго на юг — в дьявольскую глотку Сахары.

Сутки в душном автобусе, и ты никуда не приехал. И все думаешь, когда же появится эта проклятая Дахла, зажатая в тисках бесконечности, между пустыней и океаном. Наконец в окне проплывают безлюдные улочки, припорошенные желтой пудрой. Этот город будто слеплен из крошек, а дома из тростникового сахара; и, кажется, рассыпятся, чуть польет дождь. Настолько Дахла сухая и желтая — до хруста во рту.

Там ты находишь толстого мавра, жующего лакричную палочку. Контрабандист везет тебя дальше на юг — в толщу дюн, в самое кострище, где поднимается песчаная буря. Воздух рябит белым шумом. Мелкие крупы, размером в одну восьмую миллиметра, кружатся плотным роем, скачут блохами, сочатся тлей сквозь стыки автомобиля. Забираются под одежду и в уши, а особенно в щели между зубов. Жар. В ноздрях сухость и запах пыли. Дышать нет желания, но не дышать еще хуже.

Пустыня проглатывает целиком, с костями, так, что ничего не остается. Ты растворился. Пропал с наземных радаров.

Каким-то чудом всплываешь в Мавритании, неподалеку от Нуадибу, где на песчаный берег выброшены гигантские ржавые монстры; корабли гниют на солнце китовыми тушами.

Стоишь с рюкзаком у дороги. Вдалеке по песку ползет чугунная гусеница, растянувшись на два километра. Выжженные солнцем вагоны катятся по сухой желтизне. Состав такой длинный — не сосчитать. Всякий раз добираешься до тридцати двух и сбиваешься — картинка расплывается. А вагонов, ну точно больше двухсот! И что-то блестит там, под самым брюхом состава, словно вагоны перевозят не руду, а светлячков, которые крупой сыпятся наружу. Свежий, только что срезанный металл рельс ярко-ярко блестит на солнце.

Неожиданно перед тобой тормозит дырявое ведро с мотором. В нем сидят мужики с сухими, как изюм, лицами. Ты спешишь запрыгнуть внутрь разбитой колесницы и убраться прочь.

Вечером, когда солнце расплавилось на сковороде горизонта, автобус съехал на обочину. Мавры гурьбой высыпали наружу.

Умывают лицо, руки, а также шею и ноги. Развертывают коврики, встают перед ними и молятся, упершись чистыми лицами вдаль – в направлении бамбуковой рощи, в которой жалятся змеи.

Ближе к Нуакшоту дюны мельчают. Раскиданы круглые кустики, и торчат сухие деревья. Вдоль обочины стоят черные шатры. Здесь больше жизни. И блокпостов, кстати, тоже. Где военные с автоматами пялятся на тебя верблюжьими взглядами.

И вот ты в столице. Вместо тротуаров песок. Мужички в разноцветных тюрбанах передвигаются на уставших ослах. Сидят на телегах, и голова их качается в такт. Везут хворост, а кто-то печаль, а многие не везут ничего.

«Выпьешь молочка, и в путь!», – говорит засохшая бабка, что сидит на картонной коробке. В верблюьем молоке много жира. Оно растеклось по нутру и ползет, будто живое. Желудок урчит недовольный, посыпая проклятьями бабку. А сам ты хрипишь как верблюд, и хочется смачно плевать.

На пути в Сенегал дюн совсем не осталось. Вокруг грязная пустошь – саванна и черная жижа, из которой лакают животные. Никаких тебе зебр, жирафов, газелей, нет даже слонов. Вместо них морды коровьи, что без остановки жуют. Пасутся козы с ослами. Вот в окне убегает чья-то грязная задница, к ней пришит тонкий хвостик.

Плетемся. Машина качается, переваливаясь, по бездорожью. Объезжаем кабаньи ямы и сырые места. С веток голого деревца роем рассыпались птицы. Вдалеке семейство верблюдов: папа, мама и верблюжонок.

На границе с Сенегалом возникает дорога, с таким драгоценным асфальтом. И дома из бетона. Сначала один, потом два, потом много. Вырастают большие районы с неуклюжими серыми стенами. Грубые

цементные блоки царапают тонкую душу. Дома никому не достроить, поэтому — как получилось. В каждом недостроенном доме живет большая семья. Настолько огромная, что быстрее сосчитать все вагоны у мазутного мавританского поезда.

Вокруг стен, унылых и серых, расстелен ковер из яркого мусора. Отходов навалено больше, чем на запущенной свалке. Горы цветастого пластика, автомобильные шины, пакеты, целлофан, полиэтилен, рубероид, пенополистирол и труп сбитой собаки.

В этой помойке шагает влюбленная пара. Тут же играют детишки, меж детишек пасутся животные — коровы и козы, снова коровы — все с торчащими ребрами.

В Дакаре машин — тьма как много, и каждая под завязку. Нафаршированы африканцами любых возрастов и профессий. Вот бы покушать долмы или, на худой конец, равиоли. Лишь бы не молока от верблюда. Не переставая мечтать о еде, изучаешь обочину, вдоль которой продаются фрукты, напитки, тысяча и одна дребедень. Шагают высокие женщины: сенегалийки в цветастых нарядах, сережки в ушах и прямая, как мачта, спина. На голове тащат груз неподъемный, мешок иль корзину, а иногда сразу все — выбирать не приходится.

Поздравляю, ты проехал три тысячи километров. Четыре дня сквозь Сахару.

В Дакаре стоишь на холме, охлаждаемый бризом; под монументом из меди и бронзы — папа, мама, ребенок. Монумент тот гигантский. И все же мечеть Касабланки выше раза в четыре.

Если возьмем каждый метр от той высочайшей мечети и представим, что метр — это ржавый вагон, вот ровно столько частей содержал мавританский тот поезд.

Фу-х, наконец-то удалось сосчитать!

Смотришь вдаль. У океана сверкает маяк желтым светом, напоминая: «Перевалило, дружище, уже за середину июля». Стало быть, закончился месяц священный, который зовут Рамадан. А к твоему возрасту добавился год – тридцать третий.

Да! Тридцать второй был отличный. И вовсе не кажется годом, скорее – отдельная жизнь. И, вообще говоря, что есть год?

Ведь когда повторяешь одинаковый год, раз за разом, крутясь в той же рутине – разве можно назвать это годом. А вот если поймал ты волну, хоть одну, или сделал шажочек к мечте – тогда, действительно, это год, молодчина! Значит, ты – уже вовсе не ты. А стихия, которая течет и меняется; абсорбирует опыт, вбирает в себя целый мир.

Ты – невероятней и больше, чем думаешь: океан и пустыня; джунгли, хижина, дождь; нырнувший с мечети мальчишка; туарег с винтовкой, принимающий роды у умирающей самки верблюда; африканка, кормящая грудью, что помешивает рис в котелке. Солнце и луна. Весь мир – это Ты.

А что дальше? Снова в путь. Впереди невероятная Африка – сухая, желтая, дикая, черная.

* * *

– ¿Qué estás buscando?

Чилийка уперлась подбородком в ладонь, разглядывая небритое лицо собеседника.

Мужчина молчал.

– Ты не боишься потеряться? – сказала она.

— Мне кажется, мы все уже в какой-то мере потеряны. Как сорванные листики, которые разносит ветер, — мужчина смахнул со стола невидимые крошки. — Вот скажи, чтобы найтись, разве не нужно сначала потеряться?

— Ну не знаю. Можно жить спокойно, как все. Не испытывать лишний раз судьбу. А то закончишь где-нибудь на верхушке горы, одинокий, насмерть окоченевший; и все, что от тебя останется — иссохшая тушка.

Собеседник вопросительно поднял брови.

— Труп леопарда! — уточнила она. — Я читала в рассказах про Африку. Там, на вершине Килиманджаро, лежит пятнистый зверь, весь замерзший, и никто не знает что его туда привело. Прямо как ты!

Поправив челку, чилийка продолжила:

— Мне тогда этот вопрос не давал покоя, и сейчас, хоть убей, не понимаю. Вот что он искал, этот леопард, так далеко в снегах?

— Как по мне, знать, что ищешь — вредно. Лучше не знать. Ведь когда знаешь, ты только об этом и думаешь, старательно надеешься это найти. Так ведь можно упустить что-то другое, настоящее. Но я понимаю того леопарда, это тяжело объяснить... Это когда слышишь зов, — прижимает кулак к сердцу, — прям отсюда, и не можешь не следовать ему, понимаешь? Не можешь бездействовать, ни минуты находиться в неволе — лучше уж умереть!

— Мне не хватит куража, я трусиха, — женщина вздохнула. — Говорят, чтобы преодолеть страх, нужно встретиться с ним. Подойти близко-близко и взять за руку!

— Чего ты боишься?

– Ничего, – отводит взгляд.

Тусклый свет на потолке задрезжал и погас. Включилось ночное освещение, красное и еще более тусклое. Комната стала похожа на лабораторию для проявки фотопленок. Картина на стене сменила оттенки, загустела, в нее забралось еще больше теней; сбились плотной кучей, как в вагоне с углем.

– Уже поздно, – чилийка поднялась, держась за стол.
Собеседник встал следом.

В этот момент комната пришла в движение. Корабль завалился вбок, как падающий бегемот. Мужчина и женщина сцепились взглядами, держась друг за друга, связанные одной мыслью: «Если падать, то вместе».

– Осень, – прошептали ее пухлые губы. – Безжизненно сыпятся листья...

Мужчина молчал, глядя на покрывшийся антрацитовым блеском платок собеседницы.

Помещение вернулось в горизонтальное положение, и женщина плюхнулась на стул:

– Поговори со мной, – она сбивчиво дышала, – Мне страшно, скажи что-нибудь.

– Что?

– Научи. Как потеряться, чтобы найтись?

* * *

Неподвижный зной. Запах гари. Вверх карабкаются столбы дыма, растекаясь по небу ядовитыми чернилами. На перекрестках раскиданы костры, в которых пылают автомобильные покрышки.

Тихий городок Бобо-Диуласо охватили беспорядки. Сквозь стену шума летят камни и мусор. Резко и беспокойно бегают силуэты. Продовольственные бараки закрыты.

Позади одного из барakov покосился дряхлый сарай, где я кантовался за пятьсот франков. Тут же, во дворе, пасутся животные. В загоне костлявая корова ударяет по решетчатым бокам плеткой хвоста. Вокруг ни травы, ни зелени. Раз в день африканец привозит тележку сухого сена, но сегодня не появился.

С голодухи козлы взобрались на кривое деревце, обгладывая ветки. Мне нравятся козлы – умеют карабкаться по горам, снегам и деревьям. В них живет дух приключений.

Бросив прощальный взгляд на бородатых друзей, я пролез через дыру в полуразрушенной глиняной стене и двинулся прочь окольными путями.

Капюшон скрывает лицо, но это помогает отчасти. Белый человек с рюкзаком привлекает больше внимания, чем инопланетянин. Пробираюсь мимо лачуг, неумело сбитых из бесполезного хлама. Под подошвой хрустит глина с укатанным в нее пластиком. Поворачиваю за угол. В нос ударяет затхлый запах мочи. Резкий лай за забором обнаруживает меня. Ускоряю шаг.

Поодаль, на перекрестке, пылает гигантское кострище, из которого торчат палки и прочая ерунда. С десятков силуэтов возбужденно скачет вокруг, как кучка горилл у приползшей змеи.

Одна из них замерла, глядя на меня. Ее примеру последовала другая, затем еще одна, и еще. Все внимание фигур приковалось к чужеземцу. Делают взмахи длинными руками, что-то выкрикивают. Рядом падает брошенный ими камень. Не сбавляю шаг, наблюдаю краем глаза, скрываюсь в задворках. Крики остаются позади.

Доковылял до автостоянки. Толпы африканцев сгрудились вокруг автобусов, образовав гигантский муравейник. Жужжание, ажиотаж и жалобный плач. Прорываюсь вперед. Залезаю в первый автобус до границы.

– Нервов никаких не хватит! – задрожал женский голос, дополняя вибрацию в стенах. – Как тебе удастся сохранять спокойствие?

Подавшись вперед, мужчина прошептал:

– Когда вокруг творится что-то неладное, я представляю, что меня сопровождает паук, – вытягивает руку на уровне стола, – во-от такого размера.

Женщина смотрит удивленно.

– Люди боятся пауков, – пояснил мужчина.

– Но он же не настоящий! – усмехнулась. – Выдуманный.

– Не более, чем мы с тобой.

– Неужели действует?

– Уверяю тебя, никто не приблизится к человеку в капюшоне и с метровым пауком.

– Невероятно. Ну так это же не из-за паука!

– Думаешь, из-за капюшона?

– Нет же! Враги чувствуют твою уверенность, думают, что у тебя в кармане пистолет или нож. Но паука-то они не видят!

– Если ты чего-то не видишь, не значит, что этого нет. То, до чего дотрагивается воображение, оживает.

Начался ливень. Струйки воды просачиваются внутрь и печально стекают по стеклу изнутри.

Автобус старый, уставший автобус. На крыше куча сумок с мешками, пережатых брезентом и паутиной веревок. Проход забит: несколько старых телевизоров, стройматериалы, балконная дверь и двухметровый католический крест. Железные сидения, словно орудие пытки, сдавливают колени. Между потертым металлом зажат

человеческий материал, набит плотнее, чем в консервах. Дым сгоревшего бензина летит внутрь. С верхних полок сыпятся перья, кудахтают курицы.

Когда дождь утихает, поднимается духота. Растет духота, и рождаются мухи. Из задней части автобуса тянет гнильцой. Мухи обожают гниль и дерьмо. Потому охотно заполняют остатки пространства.

Вонь и жара высасывают последние силы. Слабость в желудке нарастает. Зудящая кожа пытается поймать дуновение ветерка, но тщетно. Воздуха мало, гораздо меньше, чем мух. Упираюсь мокрым лицом в рюкзак, сдавливающий колени. Чувствую еле уловимый аромат лаванды – где-то внутри благоухает кусок мыла. Во рту копятся слюни. Этот мыльный обрубок с налипшими волосами – единственное, что позволяет не потерять сознание.

Позади стучат барабаны, ни звонко, ни весело – как на галере. Автобус ползет так натужно, что хочется помочь ему веслами. Затем железное судно встает, упершись в блокпост.

Заходит военный. Расстегнул кобуру. Пистолет весь в царапинах и с предохранителя снят. Человек в камуфляже недоверчиво ползет по проходу, широко перешагивая, прижав к носу платок и морщась от вони. Останавливается у креста, светит фонариком в почерневшие от усталости лица. Разворачивается и быстро уходит. Ни документов, ни денег не требовал.

Следом в автобус влезает тучные женщины с тазами, едой и закусками. Предлагают напитки, каркаде, баобаб, сигареты, вареный ямс и бананы.

Вложив в черную руку монеты, получаю имбирный напиток.

Вспотевшая бутылка, использованная тысячи раз. Холодный пластик прикладываю к расплавленной шее. Остужает.

Автобус пыхтит, выплевывает сажу, еле-еле приходит в движение. Продавщицы, закончив транзакции, прыгают на ходу со ступеньки автобуса. Пошли прочь, жопастые ниндзи! Дайте пространство и воздух.

Добравшись почти до полуночи, железяка сломалась. Народ высыпает наружу, разминает ржавые косточки. Испражняется, тут и там, на обочину. Женщины садятся на корточки.

Отхожу в сторону. Пробираюсь мимо кустов, что раскинули колючие когти и цепляют за кожу. Натыкаюсь на силуэт в темноте, тот шевелится. В тишине прохладного вечера свистит и пенится струйка. Толстуха машет рукой – прогоняет, словно отбиваясь от мухи цеце. Вместе с тем, из глубин ее тела пробивается газ, испускаясь наружу. Жирное тело трясется – курица сидит и хохочет. Не остановить цепную реакцию, крещендо и бульканье. Смех вперемешку с хлопками, громче, чем трубы автобуса.

Убегаю прочь и прячусь за кустиком. Поднимаю уставшую голову, повесив взгляд на месяц, что застыл ехидной улыбкой. Чувствую слабость, жар и озноб.

Автобус лежит в темноте и воняет бензином. Всей толпой мы уперлись руками – толкаем непослушную тушу. А та все кряхтит, лентясь заводиться. Толкаем во тьме, гурьба черных и белый. Дотащили мертвого мамонта практически до самой границы. Наконец, задрезав, железный зверь ожил – успешно покидаем страну.

Добравшись до Ганы, я лечился от малярии три дня. Но осталось

что-то еще. Другое, отравляющее ум паранойей. Все сломалось – тело скрипело, разваливаясь. С каждым днем хуже. Болезнь берет вверх, лупит тяжелым хвостом, глушит, тащит на дно – теряю концентрацию. Как победить того, кого ты не видишь? Шансы один к десяти.

Боль включает черно-белое восприятие. Пью антибиотики – не помогает. Наверное, инфекция не внутри, а снаружи. Местный менталитет изматывает, африканцы так и вьются вокруг. Какие же они шумные, терпения нет! Проехал четверть континента, а от страны к стране ничего не меняется. Та же грязь, невежество, беднота и разруха. Мой поток бросил меня, оставил догнывать в черной клоаке.

На узкой улочке Аккры, в трущобном районе Нима, стучат барабаны. Под огромным шатром африканцы веселятся, пьют и танцуют. Так здесь выглядят похороны. Поминают почившего парня. Говорят, отравился едой, другие – ядовитый укус жуткой твари. Впрочем, дело обычное, похороны каждую пятницу. Люди здесь мрут чаще мух, повод потанцевать и напиться.

Много одинаковых лиц. Подходят, все хотят познакомиться с белым. Каждый лезет и несет ахиною. Говорят на английском, но слышится мыльный шум. Голову давит до треска, по ушам хлещет плеткой. Прячусь в сторонке, но негры снова подходят – повторяется попытка. Ну что им всем нужно?!

Укрываюсь в каком-то бараке, здесь меньше шума. Сижусь, облокотившись на липкую столешницу.

Потягиваю безвкусную мальту. Звонко ударяют бутылки. В заднем углу притаились и лакают из горла нигерийцы. Тошнота, черная кожа, бляение, смесь пота, грязи и алкогольных паров.

За соседним столом сидят клерк в пиджаке, старикан и взлохмаченная пузатая девка. Старикан – кощей с противными бычьими глазками, распухшими, с паутиной красных подтеков. Достает баночку от конфет и втягивает ноздрями порошок. Глаза наполняются кровью. Перетертая моринга, смешанная с белой дрянью, превращает мозг в красный суп. Стало ясно, что старик этот молодой, просто сгнивший до состояния дряхлого пня.

Клерк гладит пухлой ладошкой ляжку беременной девки. Этим двух убивает другое: десятичасовая работа и похоть.

Беременная бочка на ножках, готовая виснуть на всяком, обхватила шею соседа. Жадно поглядывает в мою сторону. Не хочу пересекаться с ней взглядом. Ведь внутри меня, внизу живота, шевелится что-то животное, готовое возжелать падения на самое дно. В инстинктах легко потеряться, только дай им волю. Похотливые шлюшкины глазки теребят, не давая покоя...

Щемящая боль пронзила шею. Спазм. По позвоночнику пробежал разряд. Тело обмякло, упало. Не помню.

Лежу, щекой на полу. Смотрю на дырявые доски. Почерневшие от грязи, измученные. За долгие годы дерево впитало капли пота, алкоголя и крови. Стертые половицы подобны вшивой собаке, которую день изо дня пинают африканские пятки. А она – свидетель всех похорон, видевший разложение человека.

И сейчас дребезжат половицы, мелькают костяшки и пожелтевшие ногти. Под ногтями твердая грязь. Пробегают черные пятки, будто проезжает грузовой состав.

Сквозь светлые промежутки вагонов вижу толстого негра. Он единственный, кто здесь в ботинках. Рубаха на нем расстегнулась. Резиновыми покрышками торчат пласты живота. Беременная шлюха

на нем. Сидит, вцепившись в твидовые мятые плечи. Ее живот скользит по животу толстяка. Его живот обсасывает слюнявыми складками черный шарик с пупком.

Совокупаются на хлипком стуле из пластика.

На босой женской ступне, болтаясь качелями, повисла тряпка с разводами. Мужик врезался пальцами в пышный зад черной самки. Из рваного платья вывалилась грудь и повисла блестящей лепешкой с растянутым резиновым соском.

Прыгали все они вместе: жирдяй, шлюха и сиська. Но сиська активной всего — мелко, быстро и мелко, как скачет секундная стрелка. Вверх-вниз, иногда застывая на месте. Вверх-вниз.

Босоногий состав, бежавший по полу, дробил картинку на серию кадров.

Головы любовников повернулись. В глазах женщины читалось отчаяние. Мужское лицо кривилось в блаженстве, стекающем медом по трем подбородкам. Оба уставились на меня, позабыв, что находятся друг в друге. Слипшиеся дворняги с ошарашенным взглядом, не понимающие как расцепиться.

Пожелтевшие трусики упали и валяются на полу, придавленные ножкой от стула. А там, за пластиковым стулом, лежит костлявое тело, как отражение в зеркале. Вдулись мелкие кровавые глазки, изо рта течет пена. Сухое тело наркомана извивается в кокаиновом танце, так и сяк: выгнув спину, делает мостик; теперь эмбрионом лежит, поджав ноги.

Так на улочке весенней Памплоны бык догоняет испанца; рогом впивается в печень, цепляет за ребра, подкидывая с легкостью в воздух; затем добивает беднягу, возя тряпичную куклу по каменистому грубому полу. Ватные руки загнулись, кости сломались, салат из внутренностей плескается в кожном кульке.

И, кажется, наркоману одному все равно, что по полу, в переполохе, мечется тысяча ног.

Кру говорит, если тебя отправили в нокаут – это лишь начало следующего раунда.

Ничего не снимает боль лучше, чем другая боль. Пронизывает, отрезвляет, напоминает о том, кто мы есть. Трясет за плечи и громко орет в лицо: «Ты все еще жив, поднимайся!».

Боль – лучший учитель. Не сопротивляться, принять. Если ты способен обнять боль, сознание становится непобедимым.

В бою всегда, в первую очередь, происходит схватка ментальная. Крепкое сознание способно выиграть бой еще до первого взмаха. И даже тогда, когда все кажется безнадежно потерянным – сознание, вопреки обстоятельствам, берет верх.

Четыре тактики ведения боя на земле носят имена животных, обеспечивая эффективную оборону, а также контр-выпады. Самая яростная и атакующая называется «леопард». Самая жуткая и подвижная – паук.

Паук призван вселять ужас в противника. Сначала паук сидит на полу, обороняясь, и использует длину ног для блоков. В любой момент, подняв тело над полом, опираясь на руки и ноги, паук приходит в стремительное движение.

Все длилось где-то секунду.

Перевернувшись на спину, дрыгаю ногами как таракан, расчищая пространство вокруг. Отрываю задницу от пола, бегая на четырех ногах, зигзагами, по кривой траектории.

Шлюха, задыхаясь, орет: «Mon dieu!».
Сыпятся бутылки. Шум, крики, топот.
Падают стулья. Бьется стекло, разлетаясь шипами по полу.

Надвигается силуэт, уже совсем рядом, заносит мачете. Подбрасываю ногу в воздух. С тяжестью кувалды бью пяткой по его ступне. Хруст ногтей и костяшек. Вопль. Нападавший запрыгал на здоровой ноге, и, наступив на бутылочный осколок, повалился на пол. Грохот, дребезжание, кровь, негр корчится в спазмах.

Намечаю путь к отступлению. Быстрее, к задней двери! На четырех конечностях, пауком, выбегаю наружу. Вскикиваю на ноги и даю деру.

В темноте виляющие ноги сбиваются о камни, коробки и мусор. Наступаю в лужицы грязи. Лабиринт темный и узкий, вдоль стен разносится топот. С разбега влетаю в кого-то, сбиваю с ног. Бегу дальше.

Страх впился в сердце, выковыривая дыхание.

Слева, в стороне, пустое строение, напоминающее коровник. У входа мигает тусклая лампочка. Рядом никого. Влетаю в пустоту дверного проема.

Темно. Под потолком узкие окна, путей к отступлению нет.
Прячусь в закуток. Замираю.

Пытаюсь осознать повреждения — никак. Дышать трудно. Адреналин кочует по телу. На ладонях порезы. Раз смог пробежать километр, кости целы.

Острый запах дерьма. Ощупываю штаны — не мое. Дерьмо, что

воняет — повсюду. Все помещение — навозная яма. Очко забито пирамидой фекалий. Обрывки черно-белых газет, исчерканные коричневыми штрихами.

На улице крики и голоса. Нарастают шаги — быстро шаркают, забегают в туалет.

Жмусь в кабинке. Практически впечатался в стену. Под ступней разъезжается что-то скользкое. Большие глянцевые тараканы заползают на пальцы ног. Из живота карабкается блевотина. Громадным слизняком пытается вылезти, но соскальзывает. Зажимаю кровавыми ладонями нос. Задержи дыхание!

Тень мечется, скользит поверх кусков кафеля. Удлиняется, набухает до невозможности и влетает в кабинку.

Стена мокрая. Холодная. Ледяная, холодная.

Я вжат плечом в стену.

Ступнями в скользком болотце. Сочится между пальцев, проводит склизким языком.

Поскуливаю.

Дышу.

Хрип, снова хрип. Странный хрип — не совпадает с дыханием, выбивается, будто чужой.

Медленно поворачиваю голову.

Сидит рядом. Черный. Африканец. Пристроился, и как бы не замечает меня. Ноги его скрылись в куче использованных газет. Отчего он походит на ворона, севшего на охапку осенней листвы.

Круглое мускулистое плечо упирается в бок. Мы сжаты, намертво, в кабинке, впритирку, слипшись плотно. Нет места.

Пальцы незнакомца шевелятся, как червяки, трогают мое запястье, находят ладонь. Его пальцы проскальзывают меж моими и сжимают руку. Ощущаю противную ладонь, скользкий сгусток.

Стены кабинки давят тисками. Так мы и сидим. Вприсядку. Крепко взявшись за руки, как влюбленная парочка. Между нами куча дерьма, отдающая кислятиной и желчью. На негритянском лбу блестят жирные капли — грязное масло во фритюрнице; конденсат на поверхности канализационной трубы.

Выпученные белые зрачки хаотично дергаются в темноте. Бегают кругами, вьются. Белые шарики так и скачут — пинг-понг, пинг-понг. Резко замирают, выпучиваются на меня, смотрят с секунду, и снова судорожно вьются.

В этот сумбурный миг, когда глаза наши встретились, пластиковый взгляд африканца выразил ужас. Смертельный ужас, за пределами человеческого. Африканец хрипел как кабан с пробитым легким, заполненным кровью. Кровь пузырится и гуляет вверх-вниз по трахее. Дыхание вот-вот откажет.

Мои мысли, одна за другой, возвращаются.

Шепчу сухими губами:

— *Qu'est-ce qui c'est passé?*

Но вопрос затерялся среди всхлипов. Что случилось — не ясно.

Незнакомец рыдает. Захлебывается желтым тестом из слез и соплей. Вязкие соленые нити тянутся изо рта и носа. С гладкого подбородка свисают жидкие сосульки. Вряд ли способен вымолвить даже букву.

Потеет и трясется как сомалийская шлюха. Пот воняет. Сладковатой пряной говниной, закупоривающей ноздри. Черная кожа

резка, а пропитанная страхом, способна перебить запах дерьма. Потому и тараканы то ли разбежались, то ли сдохли – не лезут на пальцы.

Расслабляю ладонь, пытаюсь отцепиться, но рука соседа крепко держит. Незнакомец глядит умоляюще. Похоже, от этого зависит его жизнь. Сжимаю мокрую ладошку. Действует – мускулистая шлюха перестает рыдать.

Выждав время, повторяю вопрос.

А вскоре еще.

– Putain de merde, reponds-moi!!

Наконец слова доползли до черных раковин по бокам курчавого черепа.

Дребезжащие губы пузырятся, выплевывают писк. Пузыри и писк, и пузыри, и вот на губах, помимо пузырей, появились звуки:

– Пп... Пп... П-паук...

– Что паук?!

– Пп... Пп...

– Ну же, гадина!

– П-паук... огромный п-паук...

Больше из негра не выдавилось ни звука.

На рассвете, когда первые холодные лучи солнца проткнули тело ознобом, я выехал из города в сторону границы. Влез в машину и распластался на заднем сидении.

Лихорадка клыками вцепилась в череп. Тело обмякло обездвиженной птичкой.

Машину качает, будто гроб плывет по волнам.

Бывает, богомолы охотятся на маленьких птичек. Хватают крепко за голову. Пернатая тушка обвисает. Богомол держит, медленно, мало-помалу, выедает мозг, начисто, пока ничего не останется.

Вот как так?.. чтобы богомолы...

Блядские богомолы.

СМЕРТЬ

Женщина, осознав, что сжимает ладонь собеседника, отдернула руку; вцепилась в стол с восковым выражением лица.

— Что-то нехорошо, — простонала.

— Тебя укачало, пойдём.

Мужчина помог спутнице подняться и вывел в коридор. Тот растянулся узким тоннелем и казался нескончаемо длинным. Добравшись до ее каюты, они быстро распрощались.

Шатаясь, побрел мужчина к себе. Тусклый свет пятнал стены багрянцем. Приходилось держаться за поручень, и все равно болтало. Казалось, что в стенах магниты, а карманы одежды забиты железными скрепками. То и дело приходилось останавливаться, упершись руками в металлическую стену, и дожидаться пока пол займет угол, позволяющий продвинуться еще на пару шагов. Гравитация слетела с катушек, взбунтовалась. Швыряет, вдавливая в стену, а затем выталкивает обратно.

Наконец, отворив дверь каюты, он бесшумно проник в темноту. Не включая свет, лег на кровать. Деревянные веки закрылись. Уставшее тело болтали обезумевшие волны.

* * *

Со всех сторон напирают дюны. Желтый океан набросал песок на правую сторону дороги, обглодав нагретый асфальт. Такой горячий, что прозрачный воздух аж шевелится, и вдалеке все размывается в лужу.

Звук старого мотора неумолимо бьется о пустоту. Белый «пежо» идет на скорости, уклоняясь от наносов. Всякий раз, налетая на песчаную кучу, колесо ударяет – машина болтается, начинает вилять. Кузов трещит и поскрипывает. И снова стук мотора. Пейзаж не меняется. Встречных машин нет. Ничего нет. Небо глухонемое.

Мы выбрались из Дахлы на рассвете. Песчаный город на краю мира проводил сытным таджином. Пришлось плотно поесть, ведь предстояло провести целый день без еды и питья. Тяжело пересекать Сахару, особенно в Рамадан.

Да еще с таким попутчиком.

Мавр, зажав в зубах лакричную палочку, обхватил сосисками пальцев тонкий обруч. Похож на контрабандиста. За все время не обронил ни слова. Периодически поворачивает голову и бросает на заднее сидение косой взгляд.

Вокруг головы и шеи слоями навинчена ткань – распустилась пышная черная роза. Нос прилеплен картофелиной. Верблюжьи зубы, огромные щели и налет с гнильцой у каждого основания. Посасывает лакричную палочку, иногда высовывает изо рта, смотрит на изжеванный конец-кисточку; и снова втыкает лакрицу в желтые керамические лопасти.

Заднее пространство машины забито под завязку. Тут же, среди багажа, втиснуто мое худощавое тело. Переднее сидение сдвинуто назад настолько, что упирается в колени. На это сидение нагружены баулы с продуктами, а на полу перед ним завал из сумок и книг.

Сверху этого бардака покачивается крупный арбуз.

Видимо, там, куда направляется мавр, арбуз ценится больше всего, иначе лежал бы он на заднем сидении, также как я. Но мавр держит ценный груз при себе, время от времени поглаживает пухлой рукой полосатую корочку.

Сбоку в плечо давит рюкзак, навалился всем весом. В рюкзаке у меня и палатка, и газ — тащу свой дом на себе, подобно улитке. Конечно, я бы мог легко выбросить кучу вещей, в которых не шибко нуждаюсь, но тут как и с болью — груз в рюкзаке ни на что не влияет. Настоящие камни — они ведь в сознании.

Смотрю сквозь боковое стекло, мутное от старости, и ничего не понятно — сплошное желтоватое сияние. Выглядываю через подголовник сидения. Там, за потрескавшимся кусочком лобового стекла, простирается пустота. Асфальтовая линия, воткнутая ножом в горизонт. Больше ничего.

Пустыня учит спокойствию.

Знаешь, остаться одному, наедине с собой, иногда становится невыносимой пыткой. Что требуется делать в таких случаях, я открою секрет: нужно наблюдать за ноздрями.

И все? Когда я услышал это наставление от Кру, во мне вспыхнула кипящая смесь разочарования с негодованием. Ведь мне предстояло жить в джунглях одному! И я ожидал, что Кру откроет какой-нибудь древний секрет, тайное знание, которое возвысит и наделит могуществом. Но нет. Все свелось к такой банальщине — наблюдать за ноздрями. И, ладно бы, созерцать облака или, на худой конец, жизнь колонии муравьев — в этом хоть какая-то романтика.

После моей схватки со сколопендрой, от нее ничего

не осталось — мокрое пятно. Тогда я отправился за хижину и сел на камни, сохраняя неподвижность так долго, что сам стал походить на глыбу. Другого не оставалось, я обратил внимание на ноздри.

Но сразу же о них забывал, подхваченный неудержимым потоком мыслей. Затем опять вспоминал. И через миг снова забывал. Все это напоминало попытку поймать за хвост тень бабочки. Мной завладел интерес. Хотелось уже только этого, удерживать фокус на ноздрях, но все равно не получалось. Как же так!

Обрывки воспоминаний, образы, мысли — все взбунтовалось, придя в хаотичное движение. И оно было сильнее меня, ничего не поделает. Эта сумасшедшая горилла тащила за поводок в ментальные дебри. Я попросту не контролировал происходящее в голове.

На следующий день внутренний фокус стал острее, получилось удерживать концентрацию чуть дольше. Я следил за потоком воздуха, как он входит и выходит из ноздрей. Сначала прохладный, щекочущий волоски, а на выходе теплее. В области над губой появилось ощущение: что-то свербило. Затем стало давить и вкручиваться. Ощущение перетекало, непрерывно меняясь, и мало-помалу растеклось по всему лицу.

Постепенно ощущения обволокли все тело, каждый миллиметр кожи сделался живым. Кости стали легче пенопласта, и все внутри ожило. Будто разом раскрылись и заблагоухали мириады акаций. Я мог чувствовать внутренние органы, каждую клеточку. Внутри струились и бегали вибрации.

Ничего себе, у меня, оказывается, есть тело! Живое, полное энергии. Все эти годы с места на место передвигалась черствая котлета — говорящий труп.

Наблюдаю. Не цепляюсь, не придаю окраски, позволяю энергии

течь...

Водила бьет по рулю. С протяжным гулом проносимся мимо своры диких верблюдов, что обгладывают единичные кустики вдоль обочины. Мавр злится, ерзает, втирается в скрипучее кресло.

Снова песок. Песок, помноженный на песок. Везде – на земле и в воздухе. Ветер разбрасывает крупички, образуя маленькие водовороты. Пустыня движется, переползает с места на место. Вдалеке небо пожелтело – поднимается туча из пыли, и это точно не стадо бизонов.

Вечером третьего дня пришла боль и воткнула в позвоночник раскаленный кинжал. Сидеть стало невыносимо. Спина назойливо зудела, будто расцарапанная. Хотелось рыдать.

Мне стало очень жалко себя. За всю несправедливость и страдания, выпавшие на мою участь.

Но вспомнились слова Кру, что потакая себе, мы кормим демона. Не получится все время бежать. Демон – не бык, никогда не устанет. Рано иль поздно нам придется встретиться лицом к лицу.

Боль покрыла спину твердой коркой. Зубы онемели. Я терпел из последних сил, пока не наступил момент, когда череп вскрыли отверткой и затушили грязный окурок. Это был предел...

Мысленно сдавшись, я начал заваливаться набок, готовый распластаться на камнях никчемной лепешкой.

В ту же секунду изнутри пробилась воля, заявив: «Еще чуть-чуть». Возникло нерушимое намерение продержаться, еще немного, преодолеть последний миг.

Тикнула секунда, и я по-прежнему сидел на камнях.

Стало ясно, что есть силы продержаться еще.

И еще.

Боль разом испарилась, будто никогда не существовала. Меня как шарик раздуло легкостью и пустотой.

Теперь я мог сидеть в неподвижности сколь угодно долго, но это стало не нужно. Я поднялся и отправился бродить по джунглям, чувствуя себя как под мощным наркотиком. Всякое движение превратилось в медитацию, наполнилось осознанием. Зрение, запах и вкус обострились. Звуки, даже самые далекие, вибрацией отдавались внутри. Никакой усталости.

Сознание больше не спало. Иногда, по дыханию, его глубине и характеру, можно было заключить, что тело спит, но что-то вне меня продолжало наблюдать, улавливая малейшие движения и шорохи. При этом, что бы не происходило вокруг, я не реагировал, оставаясь невозмутимым.

На другой день тело вспыхнуло, охваченное пламенем. Границы размылись, я сделался прозрачней воздуха и занимал огромное пространство. Если плеснуть из ведра – вода бы прошла сквозь меня не задерживаясь.

В области живота я почувствовал шевеление. Сделалось не по себе. Еще бы, в животе что-то ползает! Бегающее ощущение росло и растягивалось. Оно стало плотным, обвило сердце. Сдавило, готовое убить.

Только сейчас, глядя глубоко внутрь, получилось распознать это токсичное чувство, уходящее корнями в прошлое. Вспомнился момент, когда оно впервые зародилось, обожгло страданием, заразило тревогой, оставило ядовитый шрам.

Я ощутил тахикардию. Казалось, сердце вот-вот не выдержит.

Вопреки страху, я продолжил наблюдение. Давящая сущность постепенно ослабела. Размякла. Растеклась. И окончательно растворилась, не оставив ничего, кроме легкости.

В области поясницы что-то щелкнуло, и меня вбросило в состояние Спокойствия. Мысленный конвейер встал. Я больше не являлся ни телом, ни мыслью и, в принципе, не был кем-то. Слов и понятий не осталось. Ничего. Безмолвие.

Когда пежо миновал марокканский пограничный пункт, дорога исчезла — о ней можно забыть.

Песчаная буря двинулась прямо на нас.

Рябит, все затянуло пеленой. Песчинки кружатся, сбились в дребезжащую стену.

Впереди торчат железные останки. Черные, сожженные солнцем, погрязшие в песках каркасы машин. Разбросаны там и сям, будто сотни павших драконов. Откуда они?

На неровностях скребем бампером. Пролезаем мимо железных скелетов, их торчащие кости цепляют обшивку.

Буря усиливается, стучит коготками по пассажирской двери. Крупицы пробираются внутрь, уже в салоне. Кашляю. Совершенно не видно куда едем. Впереди сплошная дымка, да размытые очертания драконов.

Вдруг один из скелетов дергается — оживает! Бросается в нашу сторону. Мавр, испугавшись, вдавил педаль газа. Мотор взревел. Пежо устремился вперед, рассекая наносы. Песок летит на капот, кузов дребезжит. Вещи в салоне пошли кувырком, посыпались на голову.

Дракон сбоку! Перепрыгивает с места на место. Летит наперерез, чернеет, нарастает, становится четче. Уже совсем рядом. Он кидается

на нас с диким ревом, идет на таран!

Кричу.

Пежо ударяется носом. Грохот металла, летят осколки.

Из военного джипа выскакивают три силуэта в камуфляже. Гнутся под тяжестью пыльного потока.

Лица перевязаны платками. Целятся, тычут взведенными палками, напоминающими АК-47.

Что-то орут, но звуки поглощаются ветром. Двое подбегают к водительской двери и вытаскивают мавра. Тащат бедолагу за шкуру, а он все никак не отпустит зубами лакричную палку. Пухлое тело брыкается. Контрабандист открывает рот, но тот мгновенно набивается песком. Закидывают толстяка в джип, будто мешок грецких орехов.

Давят на газ. От колес взлетает фонтан пыли, который тут же разносится ветром.

Сижу, моргаю. Водительская дверь болтается, поскрипывая.

Песчинки бьют по металлу.

Хватаюсь за ручку, упираюсь плечом. Дверца не поддается. Бью изо всех сил. Вываливаюсь наружу. Рюкзак падает следом. Хватаюсь за лямки и карабкаюсь прочь, за ближайшую дюну.

На ноги не подняться. Песок слепит, забивает глаза.

Желтизна.

* * *

Буря ушла и виднеется пыльным облаком вдалеке. Дышу сквозь платок, капюшон не снимаю.

Солнце обжигает кипящим маслом. Во рту моток колючей проволоки, больно сделать глоток.

Песок забрался под одежду, смешался с потом, разъедает кислотой кожу. Крупицы везде – в уголках глаз, на ресницах и зубах. Песку очень нравятся щели, особенно между зубов.

Рюкзак потяжелел вдвое. Бросаю на землю.

Связываю веревку из одежды. В пустыне нет дерева – не повеситься.

Тащу рюкзак за собой на поводке из одежды. Тот, как тяжеленный гроб, упирается, прорывает борозду.

Ноги буксуют, спотыкаются, уходят в песок по щиколотку. Икры ноют. Каждая новая дюна дается труднее. Вниз прыжками – отталкиваюсь как астронавт. Падаю на задницу, гребу руками и ногами.

Затем следует новый, долгий и изматывающий подъем.

Оказавшись на вершине бархана, обессиленный, плюхаюсь на песок. Оглядываюсь по сторонам.

Бесконечные желтые гребни уходят к горизонту.

Пустыня плывет. Дюны скользят, неспешно, словно миллионы гигантских улиток. По несколько метров в год.

Передо мной лежит камушек. Что он тут делает?

Поднимаю. Действительно, камушек. Может, я на одной из тех дюн, что убывает? Обнажила то, что прятала долгое время.

Солнце медленно течет к горизонту. Сплющилось желтком и краснеет. Поднимается марсианский океан. Все запачкалось, одежда побагровела. Сгоревшие кисти рук сделались свекольными.

Смачиваю глотку горячей водой. Есть не хочется – сразу

наедаешься водой.

Закрываю веки.

Волнистые узоры, как пьяные, гуляют перед глазами.

Делаю еще глоток, вода проходит насквозь.

Тишина.

Что-то перебегает с места на место. Замирает, и снова бежит.

Вот оно оказалось совсем близко, остановилось.

— Ас-салям алейкум!

Открываю глаза.

Совсем уж стемнело, на небе висит желтый блин.

— И тебе мир, ящерица, — отвечаю.

Та стоит черная, с плоским хвостом и ирокезом вдоль позвоночника. Толстая морда повернута профилем — смотрит правым глазом.

— Ты не поешь и не танцуешь? — интересуется дракончик.

Изучает пришельца желтым глазом, теперь уже левым.

— Почему ты грустишь?

— Я потерялся, — говорю.

— Тот, кто следует сердцу — не теряется.

— А я вот заблудился!

— Ты в правильном месте, разве ты не видишь?

— Оставь меня, — отмахиваюсь, — я устал, где цель?

— Ладно, — сказала ящерица, перебежав на новое место. — Ты сам. И есть цель.

— Погоди.

Застыл черный хвост.

— А ты почему не поешь, почему не танцуешь?

Сквозь потрескивание песчинок пробивается какая-то мелодия. Вроде бы.

Не разобрать.

— Жизнь — моя песня.
— Тогда что твой танец?
Ящерица промолчала.
Перебежала в темноту, растворившись.

Ночь веет прохладой. В небе вспыхивают падающие звезды. Луна позолотила треугольные крыши. Я — тот, кто шагает по маргариновым дюнам. Ступаю легко и беззвучно, звериными лапами, навстречу мелодии. Ведомый шальной красотой. Мне никуда и не нужно, а просто есть ноги, которыми приятно шагать. Шагать — все равно, что дышать.

За очередным барханом вижу шатер, у подножия. Из узкой тряпичной щели сочится приветливый свет. Кто-то играет на лютне. Верблюды, почуяв присутствие гостя, издали протяжные крики, необычные, словно они — переселенцы с далекой планеты.

В шатре были настелены ковры, висела картина. Меня там тепло приняли и налили горячий чай.

МУДРОСТЬ

Рассветное зарево осыпало лепестками роз холодные волны. Те поднимаются, скользят беспорядочно, как акульки спины. Иногда сталкиваются друг с другом, и в воздух взлетает столб брызг.

Акилес бороздил темную поверхность океана, взбивая пышную пену. От кормы корабля далеко назад растянулся лазурный шлейф. Над вывернутой наизнанку бороздой парила одинокая птица, растопырив длинные и худые, в форме бумеранга, крылья.

Взмахов она практически не делала. Птица то вздымалась вверх, то штопором падала в самую гущу. Затем ее снова подбрасывало воздушным потоком.

Утренний свет окропил румянцем женские щеки. Чилийка стояла на левом борту корабля, укутанная в платок, в куртке цвета хаки с меховым капюшоном. Глядела вдаль. От ее легкого дыхания поднимался пар.

За сутки корабль продвинулся еще на полтысячи километров южнее. Заметно похолодало. Веет как из открытого утром холодильника. Значит, льды уже близко.

Женщина достала блокнот из вязаной сумочки и чиркнула пару быстрых дрожащих строчек.

Прошло двое моряков в камуфляже, крепких, хорошо утепленных. Поздоровались.

— Buenos días, — ответила та.

Вскоре подошел мужчина с термосом, и женщина приветливо улыбнулась. Они ничего не сказали друг другу, лишь перекинулись взглядами, как двое детишек, обменявшихся игрушками.

Путешественник налил кипяток в стакан с трубочкой и протянул женщине. Она осторожно прикоснулась губами к металлической соломинке. Поднялся горячий чай и лег на язык обжигающей терпкостью.

— Ух какой! — возвращает. — Отличный мате!

Мужчина залил новую порцию кипятка в железный стаканчик. Некоторое время он потягивал крепкий напиток, глядя вдаль.

Пробились первые желтые лучики, согревая щеки. Чилийка непроизвольно вздрогнула. Затем принялась натирать ладошки, словно между ними трубочка корицы.

Неожиданно она вскинула руку:

– Смотри, кит!

* * *

Алый фонтанчик бьет плевками. Капли падают на сухую поверхность и разбегаются ртутными шариками. Кровь абсорбирует пылинки и песок. Пернатый комок бросает из стороны в сторону, он беспокойно прыгает, ударяясь о землю. Разлетаются перья. Обезглавленная тушка скачет, иногда замирает. И кажется, что мучения закончились, но нет – снова совершает прыжок.

А что, если вся наша жизнь – это такая же затяжная агония. Мы уже мертвы, просто осознание не успело дойти. Потому и мечемся, беспокоимся о куче ненужных вещей.

Африканцы сбились плотным кругом и хлопают в ладоши под конвульсии мертвой курицы. Седой дед стучит у костра в барабан, двигая костлявыми плечами. Что-то выкрикивает, остальные хором подпевают. Я тоже хлопаю и молча открываю рот.

В этой части Африки ритуалы вуду распространены повсеместно. Утром, если отправиться на рынок, можно купить все необходимое: головы, клювы, лапки и хвосты, что-то крысячье и еще тысячу ярчайших фантазий живодера. Там же продаются продукты в дар духам. В лавке на углу сидят курицы в грязной, измазанной пометом клетке – жертвы.

Мать семейства, старая и сморщенная женщина, обезглавила курицу легко, как и предыдущие семь. Сначала схватила кудахтающую птицу, та забрыкалась и начала махать крыльями. Затем согнула тонкую шею в петлю, и жертва вдруг успокоилась. Одной рукой удерживая курицу, колдунья аккуратно ввела лезвие ножа прямо в петельку. И дернула резко, с хрустом, как электрик кусачками перегрызает провода.

Сухую землю цвета охры оросили водой, сверху на мокрое пятно насыпали белую пудру. Крылатый труп подняли за вялые лапки. Из шеи капает кровь. Красное смешивается с белым. Красного становится все больше, растекается лужицей.

Меня отводят в сторону. Стою в белой простыне, повязанной вокруг бедер. Подходит девочка, в ее руке две половинки кокоса – с белой и красной жидкостями.

Длинный палец с алым наконечником прикасается к коже. Чувствую тепло пальца и тепло еще неостывшей крови. На языке привкус монеты. Девочка покрывает все тело красными точками, отчего я становлюсь похожим на больного лихорадкой Зика.

А чувствую себя еще отвратительнее.

Голова кружится. Цепляюсь взглядом за короткие африканские кудряшки, лишь бы не рухнуть на землю. Закончив с красным цветом, девочка наносит белые пятна. Теперь я – леопард на детском утреннике.

Захожу в узкий коридор и тут же упираюсь в алтарь. Цветки, ветки и какой-то мусор, сбитые в чучело. От свечей медленно поднимается дым. Прохожу дальше, в квадратное и темное помещение. Сажусь на пол. Окна комнаты заколочены кривыми досками. В щели просачиваются струйки уходящего солнца.

Здесь еще три алтаря, к которым поднесены продукты. Под низким потолком стелется плотный туман. Колдунья сидит в несуразной шляпе, скрестив ноги, напоминая сморщенный гриб. Машет какой-то щеткой, по форме – колокольчик, а по мягкости – конская грива. Что-то напевает, произносит заклинания. Чиркает белым мелом линию передо мной. Протягивает тарелку с сухой стружкой.

Жую. Во рту обжигающая горечь. Затем вообще ничего, будто вкололи анестезию. Ни языка, ни щек. Двигаю челюстью медленно, аккуратно, не пережевать бы собственные губы.

Колдунья закатывает глаза. Трясет кулаком, выкидывая на пол четыре косточки. Собирает, трясет, снова выбрасывает. Много раз повторяет это действие, с пустыми зрачками. Поджигает веник и окуривает дымом. Шаманы считают, что дым очищает, а еще через него можно видеть.

Не знаю сколько времени прошло. За заколоченным окном чернота.

Дым все размыл. Больше не пытаюсь разглядеть и что-либо запомнить. Болтовня в голове прекратилась. Расслабляю веки. Но, вот какое дело, даже не глядя, я продолжаю наблюдать — не глазами, а между ними, внутренним взором.

Вдруг. Из дымки выглянуло несколько рож. Непонятные существа, жуткие и перекошенные. Покачиваются как на волнах. Пялятся.

Одно из них подплыло близко, худощавое и высокое, с парализованным ртом. Тянет крючковатое щупальце, обхватывая мою ногу.

Леденящее ощущение.

Не реагирую. Понимаю, что покуда не цепляюсь за человеческую форму, эта сущность не способна навредить.

Сижу. Думать в тягость. Пытаться что-то объяснить — слишком мелко и тяжеловесно.

Наконец, развернувшись, существо медленно уплывает в туман. Остальные растворились следом, будто ушли под воду.

Всматриваюсь в пустоту. Тишина обволакивает. Но не тишина как отсутствие, а тишина, полная звенящей вибрации.

Теперь я смог увидеть тишину, состоящую из золотых песчинок. Каждая песчинка живая — звенящий колокольчик. Из них соткана вся материя. Время от времени волнами проходят вибрации, и система перестраивается. Будто некто встряхивает скатерть, стараясь смахнуть крошки. Но они остаются, образуя новые узоры: песчинки рассеиваются и сбиваются вместе, формируя плотные объекты.

Кое-где образуются области пустоты, черные, где нет колокольчиков. Мое внимание привлекает такое пятно. Всматриваюсь, пытаюсь заглянуть внутрь. Вдруг темнота хватает, сдавливая волю. Скручивает сверлом, затягивает в водоворот — не вырваться. Пытаюсь открыть глаза, физические глаза, но никак. Тело немое. Не пробудиться.

Обволакивает черный холод — ледяная река.

Теряю сознание.

* * *

Толкаем тележку, дребезжат канистры с водой. Иногда тележка идет гладко, но чаще попадает в рытвины, упирается. Водопровода нет, потому каждый день ходим на колонку.

Маленькая негритянка трудится со мной наравне. Вцепилась хрупкими ручками и толкает усердно, черные ноздри раздуваются. Сквозь гладкость кожи напрягаются прожилки мускул. Босые пальцы ног упираются в засохший грунт, напоминающий черствый зефир.

Женщины и дети в Африке работают усердно. По сути, весь африканский мир тащится усилиями женщин и детей.

Тонкие смоляные ножки торчат из-под короткого платья с оранжевыми кленовыми листьями. Африканка из него давно выросла, но донашивает за сестрами. А раньше платье носил кто-то еще. В Африке все только так и работает – на донашивании.

Смотрю на округлое лицо. Улыбается. Всегда, как не посмотрю – улыбается. Не помню когда не улыбалась.

Эта юная африканка ничего не имеет. Всю жизнь она живет в доме из глины, вместе с семьей из шестнадцати человек, с тех самых пор, как в четыре года от нее отказались родные из-за невозможности прокормить. Ходит в переносном платье и, представьте себе, улыбается! Выглядит гораздо счастливее, чем люди, у которых все есть. Этим черный континент и подкупает – в людях живет искра.

Девочка что-то мурлычет под нос, напевает. И, кажется, готова пуститься в пляс, как веселая обезьянка.

– Comment ça va? – спрашиваю.

– Ça va, – улыбается.

– Зачем резать куриц?

– А что, тебе жалко? – смеется.

Тележка скрипит, толкаем.

– Все зависит от ритуала, – говорит. – Могут быть не только курицы, а также щенки, котята, барашки и животные покрупнее. Если проводить ритуал у океана, тогда щенков нельзя, для этого только птицы.

– И что за ритуал был в прошлый раз? – спрашиваю.

Смотрит на меня.

– Для защиты.

– От кого?

– От злых духов. Когда жертва умирает, духи забирают ее,

оставляя тебя в покое.

– И сколько нужно жертв?

Смеется.

– Бабуля предупреждала, что ты будешь задавать кучу вопросов.

Поэтому просила передать, чтобы ты не переживал.

Девочка проговорила внятно, по слогам, будто поясняет глухому:

– И-бога избавит те-бя от власти де-мона.

– Ибога?

– Кора корня, которую ты съел.

– А-а, – киваю, морщась. – Ибогу я помню. А что произошло дальше?

– Да кто ж тебя знает! – качнув деревянными сережками. – Ты видел сны наяву. Сидел, пялился в пустоту, а затем рухнул на пол без остатка сил.

– И сколько времени я так сидел?

– Сорок два часа.

– Что! – отпрыгиваю от тележки.

Стою побледневший. Мне казалось, ритуал длился от силы часа четыре.

– Ау, ты в порядке? – спрашивает африканка.

– Словно два дня бродил по пустыне, – вытираю лоб.

Киа становится рядом.

Пристально разглядывает.

– Бабуля говорит, что ты – особенный. Не совсем обычный белый человек и, вообще, человек. Тебя сопровождает сила, которая привела сюда, велела принять и сделала частью семьи.

– Велела принять?

– Да. Когда тебя привезли, ты был совсем плох – лежал мертвый на заднем сидении. Сначала, еще до границы, водитель развернулся и повез тебя обратно в Аккру. И дальше, по его словам, ему перегородили путь.

Девочка улыбается, ожидая, чтобы я попросил продолжения истории.

— И кто же перегородил путь? — говорю.

— Козы.

— Какие такие козы?

— Самые обычные козы, что общипывают обочину, — рассмеялась африканка. — Но обычными они казались только с виду. Пришлось сбавить скорость — козы, одна за другой, вставали перед автомобилем. Глядели неприятельским взглядом, не прекращая жевать траву. Вот прямо так.

Девочка изо всех сил выпучила глаза и задвигала челюстью.

Я засмеялся.

Она тоже не сдержалась.

Так мы оба хохотали около минуты, схватившись за животы у неподвижной тележки.

— Ладно, что было дальше? — вытираю слезы.

— Машина сигналила, расталкивая животных, и уже почти миновала всех, как на пути встал козел. Крупный, с черной лоснящейся шерстью. Козел тяжело дышал, испуская пар. Было еще самое утро, и воздух не прогрелся. Оттого козлиные ноздри дымели как паровоз. Рогатый тряхнул пышной бородкой и наклонил голову. Затем как ударит в машину. Бах! — девочка с размаху хлопнула по канистре с водой.

— Затем попятился назад, отошел на пяток метров, и с разберу снова. Хрящ! Посыпались кусочки! Зверь готов был разнести все вдребезги. Ни за что на свете не дал бы машине проехать. Водитель испугался, что чем-то разгневал духов. Повернул и окольной дорогой провез тебя в Того. Когда бабуля услышала эту историю, она сразу все

поняла. А водитель, дурачок, хотел тебя продать, чтобы мы ему заплатили.

Округляю глаза.

– В итоге мы тебя обменяли на связку бананов, – африканка закрыла лицо ладошками и хихикает.

Открываю рот, но не подобрать нужных слов. Щеки горят.

Девочка придвинулась вплотную и шепчет:

– Бывает, некоторые колдуны приносят человеческую жертву, – она оглянулась по сторонам, – а затем съедают. Совершают ритуальное людоедство, чтобы выпить силу жертвы. Поэтому на белого человека ведется охота.

Показывает на меня.

– Ты не замечал, как на тебя смотрят? Ты сковываешь взгляды. Все считают, что ты наделен красотой и богатством. Смотрят снизу вверх, как на идола. Я раньше не верила и не понимала, ведь никогда не видела европейца, только в фильме. А затем тебя увидела, и сразу все стало ясно.

Она вдруг смутилась, так явно и непосредственно.
Затем нахмурила лоб.

– Поэтому и охотятся. Убивают или, еще проще, отрубают кисти рук. Потом переправляют в Нигерию и продают. В Нигерии все, что угодно продается. Поэтому мало кто им, нигерийцам, доверяет.

Она тихонько толкнула меня в плечо.

– Ой, что с твоим лицом! – рассмеявшись. – Не пугайся, я тебя

не съем.

Мне какое-то время не хотелось говорить. Мы молча стояли у тележки, облокотившись на пластиковые канистры, остужающие спину.

– Неужели жизнь одного человека важнее жизни другого? – разрушил я долгую паузу.

– Откуда мне знать! Я такими вопросами не задаюсь, зачем ты меня спрашиваешь? Спроси у бабули или другого колдуна, они все знают.

Показывает худое запястье, окольцованное браслетами, с одного из которых свисает деревянный крестик.

– Видишь, я по воскресениям в церковь хожу. А всю неделю работаю, занимаюсь тем, что требуется. Много дел: убираю, стираю, готовлю, а еще нужно сходить на рынок и за водой. У меня нет времени, чтобы размышлять. А когда есть, я лучше буду думать о чем-то приятном.

– О чем приятном?

Она отвела взгляд, повернулась и принялась толкать тележку. Но та никак не сдвигалась с места.

Тогда я приложил усилие, и мы двинулись дальше.

– Тебе разве не хочется иметь свободное время?

– Зачем?

– Ну поехать в город, посмотреть что там.

– Да что там смотреть – все одно и то же. Собери сегодня вещи, я завтра утром постираю.

– Почувствовать свободу, что ты можешь отправиться куда угодно и делать что угодно. Узнавать новое, творить любые шалости – все, что взбредет в голову. Понимаешь? Свобода.

– Для меня свобода – это никуда не ходить. Я делаю то, что

у меня получается. Готовлю – всем нравится. Или вот так сходить до колонки – тоже хорошо. Мне приятно разговаривать с тобой. Ко мне так никто не относится, ты мягкий как вода. И твои волосы, посмотри какие мягкие!

Тянется рукой.

– Поэтому влился в нашу семью, будто всегда тут жил. Разделяешь с нами кров и еду. Ходишь в туалет, в который даже местные боятся заходить. Ты все принимаешь как есть и не жалуешься.

Затем быстро и взволнованно добавила:

– Но если тебе не хочется толкать тележку, ты только скажи. Я продолжу тянуть одна.

– Киа, мне нравится толкать тележку, – улыбаюсь.

Остаток пути мы провели в тишине, разрезаемой скрипом виляющих колес.

Меня все не покидала мысль: у демона ведь нет формы и никаких границ. Разве восемь жертв способны умерить его аппетит?

* * *

На ужин женщины приготовили рис и куриную подливку.

Стемнело. Вся семья сидела во дворе под светом лампы. Мужчины за столом, кушая из общего таза. Женщины в сторонке на земле, со своим тазом.

Комкаю рис пальцами, скатываю в шарик. Макаю в соус и кладу в рот.

Поглядываю на Киа, та смотрит и улыбается. Кладу в рот липкий рисовый шарик и облизываю пальцы. Она тихонько смеется.

Колдунья тычет на Киа пальцем, потом указывает на меня. Что-то произносит на своем диалекте. На французском она не разговаривает.

Африканцы хохочут.

Киа опустила взгляд и смущенно улыбается.

Утром я вышел из комнаты во дворик. На веревках сушится одежда и простыни. На земле трое детишек играют с сухими щепками.

Киа сидит у большого железного таза и стирает. Руки по локоть в белой пене. Тонкие ноги расставлены по бокам, и из-под короткого платья видны трусики. Белоснежные маленькие трусики. Киа не замечает меня. Бьет тряпкой по камню.

Разворачиваюсь, спешу укрыться в комнате.

Многое, что касается быта в африканской семье, я не понимал, да и насчет жизни в целом. Душа ржавела, требовала какого-то глубокого пересмотра. Меланхоличное настроение, когда хочется дождя, а им за окном даже не пахнет. И окна никакого нет, от чего становится еще безнадежнее.

В дверном проеме висит марля, медленно покачиваясь. Целый день я провожу в комнате, читая «Темные аллеи». Затем закрываю глаза и слушаю деревья. Падающие листья лип. Когда идешь по хрустящему ковру, распиная и подкидывая в воздух.

Вошла Киа, ставит передо мной чашку чая. Села на спинку кресла с дряхлой обшивкой, а в подлокотнике кто-то пальцем расковырял дырку.

Сидит, покачивая гладкой ножкой, практически облокотившись на меня. Чего-то ждет. Сейчас на ней другое платье – янтарное

с белыми аистами.

Оторвавшись от чтения, смотрю на гостью. Тянет руку вверх, как школьница за партой. Замечаю курчавую подмышку. Опускает ладонь на мою голову и поглаживает волосы.

По телу пробежала приятная волна.

– Такие прямые и мягкие, – говорит.

Настолько естественно себя ведет, будто никаких условностей не существует.

Осматриваю ее юные ноги, ничем не стесненную налитую грудь. Смотрю на летящих белых аистов. В штанах все пережало.

.

– Про что там? – спрашивает.

– Любовь.

– Ого! И она, любовь, прямо там, в словах?

– Скорее, где-то между, в их отсутствии.

– Не понимаю, зачем тогда все эти слова?

– Чтобы появились «между ними».

– То есть ты читаешь пустоту?

– Получается так.

– И зачем читать пустоту?

– Потому, что любовь никак иначе, кроме как через пустоту, не выражается.

Девушка чешет курчавый затылок.

– Как-то чересчур сложно. Я вот не умею читать, и что тогда, любовь что ли не для меня?

Поднимаю удивленный взгляд.

– Когда я стираю вещи, – заговорила она, водя пальцем по моему плечу, – сначала тщательно натираю мылом. Затем бью о камень, и летит пышная пена. И в этом не меньше любви, чем в книге.

Рисует пальцем невидимые звездочки.

– Поэтому любовь – это гораздо проще, когда не требуется быть умным и образованным. Настолько каждому доступное... ты просто трешь, и летит пена!

Она наклонилась, поцеловав меня в щеку.

И убежала также быстро и неожиданно, как появилась.

Смачиваю горло имбирным чаем.

Да, насколько же она настоящая! Чистая. Легкая. Будто жизнь – это кинотеатр с поп-корном.

Через столько лет поисков я насобирал знаний, научился учиться. Но как научиться разучиваться?

* * *

Мы набились в душную маршрутку, где нет свободного места, и ехали в центр по очень узкой и опасной дороге. Выезжая на встречную полосу, перегоняя грохочущие грузовики и проклятые мотоциклы, уваливая на обочину от встречных такси.

Киа сидит на коленях, в джинсах и белой футболке. Удерживаю ее за талию.

Зажатый вот так, в душной тарактелке, сразу вспоминаю Конакри – столица Гвинеи, которая вовсе не столица, а одна сплошная пробка. Даже когда обе полосы движения открывают в одном направлении, ты все равно торчишь в пробке. На обочине кучкуются толпы людей после работы, ожидающие хоть какой-нибудь транспорт. Когда в машине есть свободное место, толпа бежит и дерется за право стать пассажиром. Но обычно мест нет.

Страшно подумать, а ведь когда-то и я жил так, в непрерывной

толкотне за свободное место.

Машины упираются друг в друга, сигналият. Вдоль рядов ходят продавцы печенья, яблок и мелкого барахла. Альбиносы-попрошайки тянут руки в открытую форточку. С их лиц будто соскребли прежнюю кожу, оставив черные куски, как пригоревшие пятна на сковородке. Повсюду висят плакаты, призывающие на борьбу с лихорадкой Эбола. По десять раз в день моешь руки хлоркой, и у тебя проверяют температуру.

К черту! Даже думать не хочу о Конакри. Ведь сейчас мою ладонь греет не хлорка, а гибкая талия, перетекающая в джинсовую попу.

Мы спешили у океана и бродили вдоль набережной. Тут и там из песка торчали высокие пальмы. Океан бросал на пустой берег тяжелые волны. Находиться здесь приятно.

– Так ты на самом деле пересек пустыню? – говорит Киа.

– Да.

– Ты в своем уме?

– Не думаю, – усмехнувшись.

– И как там, в пустыне, похоже на этот пляж?

– Немного. Только без пальм, и песка в миллионы больше.

– Говорят, пересечь Сахару, это как приблизиться к дьяволу и поцеловать его в самые губы!

Смеюсь.

– Один из моих братьев тоже пересек, – продолжает она. – Отсюда ведь многие мечтают уехать. Жить в Европе, хорошо жить, как показывают по телевизору.

Она выпрямила три длинных пальца.

– Чтобы осуществить мечту, нужно три вещи: преодолеть войну, пустыню и шторм. Так что это путешествие для самых отчаявшихся. Мой брат отправился на север через Сахару. Пересек пустыню, затем

пылающую Ливию. Оттуда долго плыл на лодке до Италии. Практически все его товарищи погибли. Добрались только он и еще трое.

— И что было потом?

— В Италии его держали около года, а затем он мог спокойно жить в Европе. Мечта сбылась. Кажется, он перебрался в Германию, вроде, Кельн называется. Женился. Мы теперь плохо знаем, что с ним. По правде, мы с этим гадом вообще не общаемся! Ведь знаешь что? Вся эта Европа его развратила, он стал другой! Когда сестренка серьезно заболела, и нужны были лекарства, он мог купить их там у себя и отправить почтой. Мы просили, но он нас и знать не хочет. Так что смерть сестры на его совести.

Шагаем по пляжу, оставляя следы голых пяток.

— Пойдем под эту пальму, — тащит меня за руку.

— Хорошо. А чем вон та не устраивает?

— У этой тень красивая.

Садимся.

Тень напоминает волосатую морскую звезду.

— А бывает так, что кокос падает прямо на голову?

— Все время, — смеется.

Высокие пальмы шелестят щетками, помахивая вслед уплывающим облакам. На горизонте стоят корабли. Вытянулись караваном верблюдов, ожидая входа в порт.

— Хочешь поплаваем?

— Я не умею.

— Пойдем, я научу.

— Нет, не хочу, я боюсь. Говорят, там, в глубине, прячутся демоны.

— Пойду поздороваюсь.

Скинув футболку, я побежал по горячему песку, зашлепал по воде,

перепрыгивая через пенящиеся ступеньки, и нырнул в выросшую коброй волну.

Вернулся, капая на песок с волос и кончика носа. Разбрызгивая капли, словно мокрый лабрадор.

– Ай! – завизжала африканка. – Не трогай меня, ты холодный, как жабина!

Я лег на песок, пытаюсь отдышаться. Горячие крупыццы облепили спину.

– Каково это?

– Велико-лепно, – расслабляюсь.

– Нет, дурачок, я про другое.

– Что? – приподнимаюсь.

– Поцеловать дьявола в губы.

– На вкус как селедка, – смеюсь.

– Покажи.

– Не думаю, что это...

Я просто замолк на полуслове.

Смотрю на ее кожу оттенка лакричной конфеты, невероятно гладкую и кое-где с родинками. Длинные ресницы опустились, обдуваемые бризом. Полуулыбка обнажила глубокие уголки по краям больших губ.

Я склонился, медленно, не посмев потревожить бриз. И поцеловал. Прямо в уголок черных губ. Тихонько и сладко. Будто тяну за паутинку, поднимая отражение луны с поверхности имбирного чая.

Длинные ресницы широко распахнулись. Она начала глубоко-глубоко вдыхать и... А-апчих!

Тяжелые сережки на растопыренных ушах брякнули.

Киа почесала нос и широко улыбнулась, снова походя на шаловливую обезьянку.

Сердце подпрыгнуло. Все внутри защекотало.

– Пойду принесу нам кокос, – поднимаюсь.

Одобрительно кивает.

Мы пили кокосовую воду и валялись в волосатой тени до самого заката, время от времени, переползая снова в тень, как только ту отодвигало солнце. Затем солнце, покраснев от усталости, само развалилось лепешкой на горизонте.

Блики апельсинового заката целовали щеки.

– У меня есть кое-что, – повернулась она. – Дай руку.

Девушка несколько секунд колдовала с моим запястьем, повязав самодельный браслет. Черные ракушки, нанизанные на нить, чередовались с гремящими костяшками, сухими клювами и черепками.

Обнимаю африканку, прижав крепко-крепко к себе.

Кокетливо поглядывает на меня.

– Чего? – спрашиваю.

– Ничего, – смущается, отводит взгляд, но продолжает стрелять глазками.

Но что-то ведь хочет сказать.

– Ну же, что происходит?

Молчит.

Вдоль берега пролетела жирная чайка.

Слышу:

– Ты женишься на мне?

Испуг.

Волнение.

Когда-то я уже был женат, и многое пошло наперекосяк.

– Перестань. Я в два раза старше тебя.

– И что?

– Возможно, нам нужно время, чтобы узнать друг друга.

– Мне не нужно ничего узнавать. Ты добрый, самый лучший, и этого достаточно!

Ее фраза прозвучала по-детски, но, в то же время, невероятно серьезно.

Может на самом деле жизнь гораздо проще, чем мы ее воспринимаем?

Тут же я ощутил нечто необычное, что этот сценарий уже проигрывался. Он всегда был записан, и все происходящее – киноплёнка.

Достаю из кармана камушек, который утащил из пустыни. Переминаю пальцами. Камушек быстро впитал тепло ладони.

А ведь ящерица права, все происходит так, как должно; я в нужном для себя месте. Нет ничего неправильного.

Закинув взгляд, как удочку, далеко к горизонту, смотрю на черные точки, похожие на веснушки – вереницу кораблей поглотило огненное пламя заката. Выше над заревом густеет лиловое небо. Прямо над нашими головами высокие пальмы, застыли взрывами фейерверков. Их длинные щетки неподвижны.

Гляжу на Кию, облокотившуюся на гладкий ствол, в футболке, по которой растекается лужица заката. На груди вышит маленький значок – крокодильчик.

Она сидит, повзрослевшая. Собирает песок в кулак, а тот непослушно высыпается наружу.

Дожидаюсь, долго дожидаюсь ее взгляда. Наконец. Вот. Сейчас!

Протягиваю ей камушек.

– Да.

* * *

Через несколько дней мы пошли в кино. Чтобы туда добраться, нужно пройти три километра до асфальтовой дороги. У сломанного грузовика без колес повернуть налево. Шагать по неровной и разбитой, словно от бомбардировки, обочине; до двух мальчишек, которые держат за хвост мертвую крысу, продавая задешево. В этом месте перебежать дорогу и следовать вдоль ржавых труб. Пока не появится недостроенная церковь, вокруг которой разбросаны щепки, камни и строительный мусор, а у входа лежит коричневая бутылка без горлышка.

Фасад церкви частично оштукатурен и окрашен цветом лимонной цедры, а в остальных местах торчат цементные блоки. Колокольня возведена наполовину и накрыта пальмовыми листьями. Входная дверь сбита из металлических листов с ржавыми разводами.

Когда мы подошли вплотную, изнутри послышалось хоровое пение. Kia несколько раз ударила кулаком по металлу. Двери оглушительно задрезжали, разнося стук по округе. Вдалеке залаяли собаки.

Наконец дверь приоткрылась, и мы протиснулись внутрь.

Внутри сумеречно, из оконных дыр падают кривые диагонали света. Пахнет мускусом, камфорой и клеем. По неровному земляному полу расставлены потертые школьные скамейки. Вместо алтаря на длинной тумбе стоят в ряд телевизоры, старые и трубчатые, с пузатым экраном. В детстве я на таких смотрел боевики.

Здесь никого не было, кроме пожилого однорукого африканца в соломенной шляпе. Он сидел, словно статуя, примкнув взглядом к экрану с помехами, по которому транслировали футбол.

На другом телевизоре крутился фильм, и из него доносилась та церковная музыка с пением.

Сев на ближайшую скамейку, мы продолжили смотреть фильм. Достали кукурузу, которую принесли с собой, и бутылку мальты.

— Мне нравится этот актер, — сказала Киа, прилипнув к экрану, — на тебя похож.

Но я смотрел совсем не туда, вернее, откуда-то не оттуда. Наблюдая другую сцену: там, где мы с Киа сидим в недостроенной церкви. Рядом безрукий дед, уж задремал. А я смотрю на всю эту проекцию с расстояния.

Затем это абстрактное состояние растворилось, и у меня все же получилось сфокусироваться на фильме.

Шла сцена в готической церкви. Вот, камера птицей пролетела под потолком. Замелькали ряды деревянных скамеек. Затем кадр переключился на влюбленных, сидящих на краю лавки — они прощались.

Изображение чувствовалось таким объемным, будто происходит на самом деле. Меня полностью увлекла сцена.

Ракурс сменился.

Теперь, близко-близко, показали заплаканное лицо девушки. По щекам текли слезы, живые и яркие, как жидкие бриллианты. Они двигались, переливаясь, околдовывая меня. Эти слезы были прекрасны, божественны! Совсем не горькие, не соленые, а радужные и благоухающие. Глаза актрисы напомнили взгляд Кру.

В ту же секунду на меня нахлынул необузданный поток

переживаний. Хотелось смеяться и плакать одновременно. Тело тряслось, будто кто-то пытается выбраться из него наружу. Все смешалось: кувшинки, прохлада, авокадо, мухи, ладан, Киа...

Экран телевизора задрожал, пошел полосками и схлопнулся в точку.

В потухшей картинке, еще на несколько секунд, фантомом застыло остаточное изображение – плачущий взгляд.

Время от времени во всем районе пропадает электричество, потому темнеет быстрее обычного.

Вспыхнула сочная луна, с неба свисают капельки звезд. Москитная сетка покачивается от прикосновений воздуха.

Золотые мазки ложатся на гладкость мазутной кожи. Ни единого волоска. Абсолютно гладкая, покрытая холодной испариной, африканка лежит, налившись вулканическим блеском. В темноте она кажется обритой налысо. Точеная статуэтка с округлой грудью и высоко торчащими сосками.

Покусываю твердые наконечники. Юркое тело изгибается. Кожа, как тонкое эбонитовое стеклышко, дрожит от прикосновения больших мужских рук. Между ног у нее горячо и мокро, она не следит за растительностью. Нахожу набухшую рисинку. Блестящая кожа натягивается тетивой.

Скольжу языком по черному кипящему льду, от пупка до шеи, собирая капли. Впитываю вкус, чуть лакричный и перченый. Аромат сенегалийского кофе с гвинейским перцем, свежим утром на берегу соленого океана. В районе Сукута, что внутри Гамбии, а та глубоко внутри Сенегала, а тот глубже, в черной Африке, что лежит под знойной Сахарой. Прожаренные зерна обжигают кислинкой. Шумят волны. Горячо разлились по сердцу, в конечностях пульсирует экстаз.

Растворяется кусочек сахара.

Я стал капелькой.

В небе летит белый аист.

Теплой ночью тяжело отдышаться. Шум насекомых снаружи. Мы лежим, ничем не прикрытые — только воздухом, неподвижным и плотным. Киа часто дышит, ноздри широко раздуваются. Смотрит на меня, светится в улыбке:

— Хочу еще.

Прижимаю крепко к себе маленькое влажное тело. Трогаю, целую уши, перебираю кудряшки — упругие, как северный мох.

Замечаю краем глаза что-то скользнувшее под крышей.

Вскакиваю на ноги:

— Ты видела? — уставившись в черный угол.

— Эй, ты чего? — поднимается с кровати.

— Ты видела или, или нет?

— Ну, видела.

— Что, что ты видела?

— Ящерка пробежала.

— Нет, это была тень!

— Да нет же, обычная ящерица.

— Нет нет, это это это другое, все, что угодно, но не ящерица!

Крепко обнимает меня.

Смотрю на кровать: на крахмальной простыне застыло кровавое пятно.

Утром я все еще спал, блуждая в задворках подсознания. Киа шагала по улице, направляясь на пятничный рынок за ямсом. Все случилось там, на перекрестке у лавки. Той самой, где в загаженной клетке сидят курицы, ожидая смертельного часа.

Говорят, мотоциклист ехал пьяный. Говорят, занесло, ехал быстро.

Протаранил корзины с продуктами. Сбил Киа, впечатался в клетку. Повсюду разлетелась мука, а сверху красные специи. На землю неспешно падали куриные перья.

ГЛАВА 3. ЗИМА

НЕНАВИСТЬ

Липкий снег летел с неба, разгоняемый ветром. Над капитанским мостиком, между крутящихся радаров и длинных антенн, бились хлопками два флага: чилийский и черное знамя Акилеса.

Волны качают плоскую баржу, привязанную к стальному борту корабля. Люди в оранжевых комбинезонах, блестящие и мокрые от брызг, пытаются закрепить железный контейнер на платформе.

Две резиновых лодки, упершись носом в баржу, работают на полную мощность. Жгут моторы, изрыгая дым с гарью. Пытаются удержать баржу вплотную к борту, но та поднимает и опускает, кидает туда-сюда. Взлетают фонтаны брызг. Снег настолько плотный и резкий, что царапает кожу. Больно кусает глаза.

Лазурный платок, как и флаги, реет в рваных потоках ветра. Чилийка стоит в капюшоне, спиной к мужчине, и не решается обернуться.

Вытирает рукавом щеки. Неслышно всхлипывает.

Мужчина встает сбоку, пытается заглянуть в лицо спутнице, но та отворачивается.

От резкого порыва ветра платок соскальзывает с ее шеи. Брыкается в воздухе как змея. Ветер крепко схватил ткань, скрутив сверлом. Лазурная змея полетела вдоль палубы, беспокойно изгибаясь. Мужчина поспешил следом, но уперся в перила кормы. Палуба стометрового корабля кончилась.

Ветер подбросил платок вверх и вперед, метров на десять, в снежную гущу. Затем порыв затих, и ткань, обмякшая, безжизненно опустилась на поверхность воды. Волны тут же накинулись голодной стаей.

Падающие хлопья замечают следы. Мужчина всматривается, пытается что-то разглядеть, но снег слепит, колет иглами, как проклятую куклу вуду.

Безумный снег, леденящий, подгоняемый влажным ветром. Прямо как тогда, в Декабре...

* * *

Две тысячи тринадцатый год. Из черной бездны, день и ночь, валятся хлопья, блестящие и сырые. Мороз щиплет замерзший нос, лезет в ноздри. Щеки покрылись восковой коркой. Температура опустилась ниже двадцати одного.

Из всех декаблей самые безжалостные – сырые, те, что под Питером. И не важно на какой отметке застыла ртуть. В этой влажности даже незначительный мороз пробирается под кожу, выжигая плоть.

Деревянная лопата втыкается в сугроб и откусывает куб снега. Подкидываю вверх, к стене дома. Оказавшись в невесомости, белый ком рассыпается на тысячи осколков. Выгрызаю лопатой еще кусок снега. Подкидываю. Нужно закопать окна, в идеале всю стену. Но, главное, окна – через них уходит тепло.

Дом стоит на невысоком склоне посреди дюжины сосен. Задняя стена и крыша скрылись под метровой белой мантией. С боков дом

засыпан наполовину, но и окон там мало. А вот фасадная, длинная сторона с эркером – самая трудная. Вдоль нее со свистом бегают ветер. Ветер пожирает сугробы – за ночь ничего не оставит. Приходится снова накидывать снег на окна. Махать лопатой, как каторжник. Кормить прожорливого гада. Закапывать окна, через них уходит тепло.

Пальцы и ступни оловянные. Втыкаю лопату в снег и спешу укрыться в доме.

Внутри мерцает пламя, выглядывая из ржавой бочки. Огонь бросает на стены дрожащие тени. Тени танцуют по всему этажу. Им нравится, что дом не достроен. В недостроенном доме помещается больше теней.

Дом строился из расчета на большую семью. Ну как большую – для России большую. Два взрослых и пара детей, желательно мальчик и девочка.

Первый этаж девяносто квадратных метров. Повсюду строительный мусор и проволока. Там, где по проекту камин, свалены груды железа, арматура, кишка дренажной трубы, рубероид и фотографии в рамках. В стенах протянуты вены двухжильного кабеля сечением два миллиметра.

Задний угол завешен полиэтиленовой пленкой, которая свисает в несколько слоев. Лоскуты пластика тянутся с потолка полупрозрачным шатром. По этому пластиковому конусу дым от огня вытягивается на второй этаж.

Подхожу к стене. Поддев лезвием топора дощечку, беспощадно отдираю ее от стойки. Упав, кусок обшивки звонко скачет по бетону. Пол здесь – стяжка сто миллиметров. С трубами теплого пола,

которые сейчас ледяные, ведь дом не отапливается. Нечем. Нет электричества, газа, надежды и дров.

До этого я сжег стулья и мебель. Сжег деревянный мольберт. Теперь жгу что попало — все, что умеет гореть. Бросаю кусок обшивки в бочку. Кривые гвозди издают детский плач. Доска чернеет, сначала с боков, а потом целиком. Держу непослушные руки над дрожащим огнем. Холодное пламя дребезжит, облизывая стеклянные суставы.

Заваливаюсь спать на лежанку, неровную, высотой в полуметр, собранную из бумажных столбиков. Сбитые вместе стопки книг скрипят, гнутся обложки. Накрываюсь обрывками пленки и дырявым брезентом. Неровности и угловатости книг покусывают спину. Чувствую, как в поясницу впился «Степной волк». Под головой у меня «Сто лет одиночества». А под ними еще триста пятьдесят килограмм макулатуры.

Бумажный кирпич — хорошо. Греет лучше брезента. Жаль, что книги не штампуют одинаковой толщиной.

Закрываю замерзшие веки.

* * *

— Давай-давай, заходи, не стесняйся! Квартира у меня небольшая, но уютная. Тут обувь сними, а то ведь грязь на улицах. Вот что это был за август? Жуткая слякоть.

Спутница повернулась спиной, помогаю снять намокший плащ.

Теперь она в яркой блузке с подсолнухами, а на голове бежевый берет, из-под которого вытекают русые волосы — падают водопадом к линиям лопаток и приятно пахнут.

— Знаешь шутку про бледного мальчика? — вешаю одежду

в шкаф. — Приезжий подходит и говорит: «Мальчик, а когда в Питере была хорошая погода?». А тот пожимает плечами: «Откуда мне знать, дядя, мне всего шесть лет». Ха!

Скидываю с себя кожаную куртку.

— Так вот, во дворе полно глины, особенно на детской площадке. А в песочнице коричневая жижа. Туда только если в резиновых сапогах, и то провалишься по колено. Уверен, копнешь глубже — найдешь утонувшего мальчика. Или кошку. В ту песочницу кошки со всей округи ходят справлять нужду. Потому там и воняет, и засасывает похлеще зыбучего песка. Так что осторожно, одна туда не ходи.

Полина хихикает.

— И да, вот тут сапоги сними. Запачкаешь пол — не знаю что с тобой сделаю! У меня хоть и квартира холостяка, и полно беспорядка, но он творческий. А творческий беспорядок — это особый вид энергии и ни в какие сравнения не идет с другим типом беспорядка.

Не развязывая шнурки, сбрасываю ботинки и запинываю их под табуретку.

— Эту квартиру однажды обокрали. Приезжаю в пятницу, а дверь нараспашку — уже пару дней как. При этом жильцам всем наплевать. У нас же сосед как мыслит: «Творится неладное, так, слава богу, что не со мной». И дальше сидит перед телевизором, ухмыляется, катарсис, сволочь, испытывает. А дверь металлическая — это же не консервная банка! Ее только болгаркой и дрелью вскрывать.

Полина возится с застежкой на высоких глянцевых сапогах. Встаю

на колени, помогая расстегнуть.

– Так вот, в квартире был такой бардак, не описать словами – все вверх дном. Звоню в милицию. Приезжают с угрюмыми лицами, мол, я их от чего-то важного оторвал. Говорят: «Гражданин, зачем вызывал, все равно ничего не вернуть». Но раз вызвал, придется заполнять протокол. И начали меня бюрократией мучить, инквизиторы в фуражках! Искали отпечатки – все сильнее переполошили, обмазали дверные косяки чернилами. Вспоминать дурно.

Хватаю гостью за ладошку.

– Давай я тебе экскурсию проведу! Смотри, тут туалет...

Открываю дверь, но тут же захлопываю.

– Хотя, пойдём лучше на кухню, – тащу за собой, – надо найти штопор и оливки. Без них вино пить нельзя. Тебе ведь нравятся оливки?

– Оливки... – слышится голос позади, – просто обожаю.

Резко поворачиваюсь:

– Говорят, если человек сходит с ума от оливок, это диагноз, похуже шизофрении!

Не дожидаясь ответа, включаю свет и направляюсь к стоящему в углу кальяну.

– Обрати внимание на это чудо египетской ручной работы... – поднимаю с пола полуметровый стержень в стеклянной вазе, – нержавеющая монолитная шах...

Смотрю на Полину.

Она застыла посреди кухни, перед мольбертом, под желтым светильником, позолотившим волосы и блузку.

Тихонько приближаюсь. Встаю вплотную, чуть сзади, чуть касаясь

подбородком хрупкого плеча. Рассматриваю картину под тем же углом.

Холст еще не высох, пестрит и пахнет масляными красками. В центре композиции женщина, стоящая спиной: в руке держит солнце — подсолнух, а вокруг сказочный мир, растут грибочки и творится волшебство.

Волшебство, правда, вершится не только на холсте. Полина ворвалась в мою жизнь, словно вспышка. Тропическая молния, осветившая серость офисных будней программиста. Зарядила вдохновением, включила второе дыхание.

Последние ночи я не сомкнул глаз. Сидел на кухне, дирижируя кистью. Как псих. Зарос щетиной, чуть не поранился мастихином.

Ведь эту девушку так хочется удивлять! И то, как она принимает ухаживания, через какие планки я перепрыгиваю — все пропитано ощущением чуда. Рядом с Полиной я становлюсь другим.

— Картина еще не закончена, — шепчу на ухо.

Гостья стоит замороженная, изучает холст. Глаза налились блеском, улыбка обнажила сладкие ямочки на кремовых щеках.

— Это... это я? — наконец произнесла она.

В ее голосе читалось восхищение. Да, Полина не была лишена мужского внимания, за ней щедро ухаживали, но столь чувственный акт, видимо, она принимает впервые.

— Невероятно! — поворачивается. — Не знала, что ты пишешь маслом.

Наши лица оказались совсем близко. Ее голубые глаза в желтом свете лампы стали фисташковыми. По позвоночнику побежали искры, горло и губы пересохли. Я не решился поцеловать. А через секунду стало поздно – энергия момента ушла. Тогда Полина подошла к окну и кротко забралась на широкий подоконник.

Не свожу с госты восхищенного взгляда. Ощущение волшебства потрескивает на кончиках пальцев. Вкручиваю дрожащими руками штопор в горлышко бутылки.

Это наша третья встреча. Ну как встреча – свидание! Настоящее свидание.

Первое получилось скомканным, совсем коротким, сорок две минуты, если точнее. В кафе на Чернышевской после работы, а заканчиваю я в шесть.

Тогда я совсем переволновался. Тараторил как полоумный и подумал, что все безнадежно испоганил. Но когда проводил Полину до метро, она сказала, что было забавно. Тогда, набравшись смелости, я предложил пойти в кино, и она согласилась.

В кино шел фильм, от которого в памяти не осталось и следа. Наверное потому, что я практически не смотрел на экран, а любовался скольжением картинок по ее профилю. И все ждал, когда рука спутницы нырнет в корзинку с поп-корном, чтобы тоже туда залезть и невзначай дотронуться пальцев, с такими гладкими ногтями.

Во вторую нашу встречу я приехал на машине, к общежитию на юге города. Припарковался во дворе, неподалеку от двух железных контейнеров, зеленого и коричневого. В зеленом копался бомж с рыжей бородой.

Я немного опоздал, ведь все в этот день пошло кувырком: какая-то сволочь слила из бензобака бензин, потому пришлось бежать с канистрой до заправки. Даже не успел переодеться!

Облокотившись на капот, я встал в лучах фар, в спортивном костюме, и неотрывно глядел на дверь подъезда, томно-томно, как мальчик в ожидании деда Мороза.

Смеркалось. Бомж закончил с контейнерами и побрел в следующий двор, гремя мешками, набитыми жестянками. Наконец пружинистая дверь многоэтажки распахнулась. Полина выпорхнула на высоких каблуках, одетая в строгое и изящное, стягивающее колени платье. Расшатанная дверь захлопала за ее спиной, готовая отвалиться.

Выпрямляюсь. Волнение одолевает.

Полина сбавляет шаг. Кокетливо подходит, ступая по дорожке желтых бликов от фар.

Какая же она восхитительная, аж дурно!

Протягиваю цветок и пакет семечек.

– Люблю подсолнухи, – светится в улыбке.

Мне же нравятся семечки и Ван Гог. А больше всего, эти гипнотические ямочки на щеках.

Мы гуляли в парке на Крестовском острове, и к нам стекались голодные утки, а еще пушистые белки. Скормили наглым животным все семечки. Среди деревьев наткнулись на дряхлый пенек, поросший опятами, который издали напоминал спящего наркомана.

После полуночи, устроившись на набережной Васильевского острова, мы наблюдали за тем, как разводятся мосты. Белые ночи были такими бирюзовыми! Небо тихо светилось нежностью,

зеркально отражаясь в жестяных крышах домов. Безумное движение машин прекратилось. Город вздохнул.

Створки мостов нехотя поднимались. Полина положила голову на мое плечо. Ничего лучше этого в моей жизни еще не случилось.

Мосты открылись, и по Неве двинулись корабли, ожидавшие весь день. Мы остались на острове, отрезанные от всего мира. Наступила пятница. И мы, как два робинзона, сидящие в обнимку. Укутались в полосатый плед и глядели на длинную баржу, что утаскивала за собой последние обрывки августа.

И вот сейчас – третье свидание. Снаружи стынет дыхание сентября. Шумные косяки птиц улетают на юг.

Мы сидим на подоконнике третьего этажа, свесив ножки. Два шизофреника. Распиваем бордовое вино из пластиковых стаканчиков. Вылавливаем пальцами скользкие шарики из банки. Переглядываемся. Заедаем хмельную терпкость улыбками и соленостью оливок.

Окна многоэтажек постепенно чернеют, гаснет гигантская мозаика.

Во дворе, на детской площадке, кто-то лупит по струнам гитары. Пьяно и фальшиво вопит, словно кастрированный. Так, чтобы все слышали. Иногда, между песнями, жильцы соседних домов высовываются из форточек. Кричат дебоширу заткнуться. Но шальной маэстро продолжает концерт, чувствуя звездный час. Теревит гланды. Жажимает все те же четыре аккорда.

В небе застыли волнистые облака, подсвеченные огнями города.
– Жалко, что нет звезд, – вздохнула Полина.

Звезд в этом городе не увидишь. Даже с третьего этажа.

— Это все голодные кошки, — говорю. — Те, что живут в подвале. Поедают звезды и слизывают Млечный путь шершавыми языками.

Полина посмотрела на меня искренне и без тени сомнений. Взглядом, мягким как беличья кисточка.

Не выдержав, я наклонился к ней, так близко, что почувствовал теплое дыхание. И неуклюже нашел мягкие губы.

Затем поцеловал снова. Вышло удачнее.

На языке осталось долгое послевкусие.

В этот момент я знал, что она станет моей женой.

По двору разносилось: «...о-он готов дотяну-уться до звезд, не считая что это-о сон...».

А насчет кошек я соврал. Звезд на небе нет потому, что они все живут здесь, в многоэтажках: сидят на подоконниках, гуляют по крышам, поют и целуются.

Гитарист заглох на полуслове, провалившись в сон. Мы сидели в обнимку.

Было четыре часа утра, третье свидание, пять лет тому назад.

* * *

Открываю глаза. Наверху журчит женский смех. Полина? Приподнимаюсь, вскидываю голову. Там, над потолочным перекрытием, где-то в детской, ветер теребит железяку.

Ветер теперь мой сосед — обжился на втором этаже. Разорвал пленку балкона и заходит по ночам. Бродит по комнатам, шаркает, что-то бормочет.

Встаю, пинаю стоящий у стены рюкзак. Тот падает, и из него сыпятся пустые консервные банки. Звонко катаются по полу железные пираньи, гремят, отливая холодным блеском. Из зубастых пастей выползли тени.

Роюсь в рваных коробках. Ага! Тяжелая и нетронутая, последняя банка. Хотя есть еще горстка крупы, оставшаяся от таджиков, работавших здесь прошлой весной. Не важно, все равно еда вся – сплошная пресная масса.

Сажусь на столбики книг, растираю скрипучие веки.

Хуже всего – чай закончился. Вот как быть без чая в минус двадцать один? Чем-то ведь нужно согреть холодные внутренности. Хоть хвою кипятить.

Тыкаю пальцем, набивая труху в деревянную трубку. Чиркаю спичкой. Снова чиркаю. Да чтоб тебя! Лезу в железную бочку и достаю огонь.

Пламя дергается несколько секунд и нерешительно спрыгивает в желоб. Сухие крошки чернеют. Из маленького вулкана поднимается извилистый дым. Трубка приятно лежит на ладони, потрескивает, будто пенятся волны. Если прислушаться, в шипении тлеющих крошек слышны голоса.

Горение нивелирует эффект мухоморов и заставляет их тошно вонять. Сухие шляпки лучше заваривать. А с остатками – только так. И все равно дым этот, плотный и вонючий, помогает притупить боль. Рассеивает назойливые мысли, разъедает горло. Но кому важно горло? В такой мороз рот не захочется открывать.

Курю. На языке копится горькая слюна, сплевываю.

Опускаю веки.

* * *

Мы поженились в декабре на пляже под длинными и гладкими, как шеи динозавров, пальмами. Повсюду на песке были разбросаны кокосовые снаряды, зеленые и коричневые. Чернокожий босяк в лохмотьях бродил с рюкзаком, собирая зеленые.

Шумел прибой. Полина стояла на фоне моря, улыбаясь, в свадебном платье с красной атласной лентой, широко повязанной вокруг талии. Под ногами хрустел белый, как сахарная пудра, карибский песок. Вокруг кружили яркие желтые бабочки.

И больше никого. Это был наш день, только наш! Надев на ее тонкий палец обручальное кольцо, я поднял жену на руки и понес, не знаю куда. Просто шлепал голыми пятками по морской пене. Полина смеялась. Нас преследовали бабочки.

Шли годы.

Я уволился из офиса и начал собственное дело. Бизнес шел хорошо. Мы ни в чем себе не отказывали. Решили построить за городом дом.

Четвертый совместный наш декабрь оказался подозрительно теплым. Ни мороза тебе, ни ветра. С неба лениво падали клочья. Не иначе, кошки подрались в поле из одуванчиков. Белый пух лег на кончики ушей и облепил одежду.

Мы молча брели по пустой и заснеженной улице. Молодые рябины качались в мерцании фонарей, бросая на тротуар дрожащие тени. Неуклюжие снегири обгладывали ягоды с сахарных веток.

Там, в самом конце Камышовой улицы, заканчивается не только улица, но и город. Если перебраться через ров, то попадаешь в лесок.

Проследовав дальше, по сугробам, мимо деревьев, выбираешься на открытое пространство, полное неподвижных камышей с пушистыми шапками.

Никаких зданий. Лишь бескрайняя пустошь, покрытая ледяной коркой. Ширь такая, что глаза, совершенно не привыкшие смотреть вдаль, начинают слезиться.

Мы гуляли вдоль залива, и под ногами хрустело. Казалось, шагаем мы по краю мира, с которого можно свалиться, как с какой-нибудь скользкой крыши.

Снежный покров стер границу воды и берега, и мы даже не заметили, что идем по хрупкому льду. Пока тот не затрещал китайской хлопущей. С криками мы поскакали к твердому основанию.

Природа осталась невозмутимой. Снег сыпался кокосовой стружкой, замечая наше присутствие.

– Сюда, – веду жену в чащу деревьев.

Сугробы здесь глубже, ноги утопают в рыхлую подушку по колено.

Полина попыталась что-то спросить, но я не расслышал. Тяну за руку.

Останавливаемся среди худых осин.

– Как же красиво, – смотрю вверх на исцарапанное небо. – Необычное место!

Полина даже не оглянулась.

– Погоди, тут что-то есть, – опускаюсь на колени.

Раскидываю пушистый снег.

Из глубины сугроба показался уголок газеты.

– Не надо, – спешно проговорила жена. – Пойдем быстрее.

Действительно, никогда не знаешь что спрятано под коварным снегом. В лесополосе на окраине города.

Вытащив из-под снега находку, поднимаюсь.

— Это тебе, — протягиваю тюльпаны.

Полина резко убрала руки, словно перед ней не цветы, а трупики белых мышей.

Смотрит испуганно:

— От-куда?

— Говорю же, — встаю вплотную, — место магическое.

— Нет!

Она попятилась назад и, не удержавшись на ногах, плюхнулась в снег.

Полина сидела в сугробе, вздрагивая, закрыв лицо ладонями. Челку и рукава облепил сырой пух. Не сразу получилось разобрать, жена смеется или всхлипывает.

«Наверное, прогадал с тюльпанами», — подумалось мне.

Страхнув мокрым рукавом слезы, жена посмотрела на меня. Ее лицо выразило неописуемую горечь — смесь грусти, злости, отчаяния и вкуса гранатовой кожуры.

Мной завладел ужас. Череп проткнуло. Будто с высокой крыши свалилась сосулька, вскрыв кость. Глаза запеленало чем-то горячим и едким. Я умер. Там, в ту же секунду.

Растворяясь в небытие. Только бы не видеть этого взгляда — хуже пытки.

На меня смотрели глаза ненавидящей женщины.

* * *

От мухоморов сушняк, нужно запить. Выхожу с ведерком наружу, черпаю снежинки из горбатого сугроба.

Слышу шорох. Достая фонарь, всматриваюсь в темноту длинных сосен. Падающие клочья мерцают в луче света.

Там, в глубине шершавых стволов, две снежинки вдруг вспыхнули ярко. Застыли. Сдвинулись на пяток метров и снова замерли. Сверкают, что-то вынюхивают.

Я сходил в дом, вернувшись с консервной банкой.
Смотрю в темноту. Глаза еще там, по-прежнему смотрят.

Рассекаю холодный металл. Нож оставляет зубастую борозду. То же самое, что терять любимого человека: как не вскрывай жестянку, выходит уродство. Очередная пиранья, полная пустоты.

Срываю пластину, и ладонь вздрагивает. Пальцы наливаются теплом струящейся крови.

Кидаю банку на снег, подальше к соснам.
Достая платок, придавливая глубокий порез. Ткань темнеет.

Забиваю здоровым пальцем новую щепотку мухоморов.

Два ярких глаза осторожно выползают из сосен, приближаются.

В безмолвии падающих хлопьев чавкает острая морда, вылизывает рыбное лакомство. Снежинки на пушистом хвосте сверкают бриллиантами. Неуклюжие лисьи лапы возятся со скользкой жестянкой. Мокрый нос жует и облизывается.

Уставшие деревья, придавленные тяжестью снега, наблюдают. Где-то там, над зубчатой линией крон, застыло сияние от огней мегаполиса.

Дым, не успевая оторваться от трубки, проволокой застревает в тягучем воздухе.

Жадно всасываю ноздрями ледяной воздух.

Смотрю на небо гранатовым взглядом.

* * *

Что с нами стало? В какой момент нас раскидало по разным берегам?

Мы перестали понимать друг друга. Доверие пропиталось подлостью. Перекрикивались как чужие, с придирками и на повышенных тонах.

Полину отчислили из университета. Она не работала. По вечерам пропадала с подругами в барах.

А когда ночевала в квартире, мы разбегались по разным комнатам, как два проклятых соседа!

Однажды я вскочил посреди ночи от шума сигнализации. Через окно пробился мерцающий свет. Он упал на бежевые обои, растекаясь оранжевой кляксой. С третьего этажа я увидел, что перед домом горит машина.

Накинув на плечи халат, в трусах и тапках, с одеялом в руках, я скатывался по ступенькам вниз, хватаясь за скользкие перила.

Перед подъездом темно – фонарь разбит.

На парковке в ряд сверкают глянцевые кузова, отражая блики. Подбегаю к горящему автомобилю, скачу вокруг, луплю одеялом. Водительское стекло разбито, выглядывают языки пламени. Дерусь с языками, пытаюсь затушить. Салон автомобиля застлан черным дымом – не разглядеть. Глаза разъедает.

Крышка бензобака откинута, из желоба торчит горящая тряпка. Выдергиваю тряпичный комок, воняющий спиртом. Пальцы обдаёт

жгучей болью.

Из подъезда высыпали людские силуэты. Никто не помогает. Все садятся в свои машины и отгоняют подальше. И лишь кто-то один также борется с огнем, бок о бок, кричит и бежит с ведром, заливая воду внутрь салона.

Раздаются громкие сирены. Давит уши. В глаза и нос попала горчица.

Что-то обвило шею, крепко сжало и потащило вбок. Дышать нечем. Ничего не вижу, толкаюсь локтями, подпрыгиваю, пытаюсь вырваться, но никак.

Краем глаза вижу, как того, другого, моего помощника, скрутили двое в касках и тащат за шкуру к подъезду. Тот истерично вопит и размахивает руками. Пустое ведро упало и покатило по тротуару.

Сажу на бордюре.

По мокрому асфальту червями распластались шланги. Дымит обожженный металлический кузов. Рядом мужик — держится за голову и рыдает. К нему подходит женщина и пытается утешить, но ее дрожащий голос только усиливает нервозность.

Мужик поднимает на меня перекошенное лицо, и я узнаю в нем соседа. Того самого, что живет за стеной; чья дверь выходит прямо к моей двери, и мы еще никогда не здороваемся. Но не тот сосед, что слева, а другой, по правую сторону, который ютится с детьми в однокомнатной квартире, ну, тот, что ездит на поддержанном «галанте» и при удобном случае занимает мое парковочное место.

Поднимаюсь. Шаркая тапками, огибаю стену высотного дома. Выхожу на детскую площадку, где на газоне в кромешной темноте, рядом с большим деревянным мухомором, блестят очертания моего

доджа.

Выдыхаю.

Все вокруг летит в пропасть. Моя жизнь трещит по швам. Сегодня додж должен был сгореть. Но каким-то чудом автомобиль уцелел.

Возвращаюсь в квартиру, пустую и тихую. На часах без восьми четыре. Свет в ее комнате не горит.

Полина даже не вышла, не поинтересовалась в чем дело.

Будто во дворе каждую ночь горят машины.

ДРУЖБА

Июльской пятницей я поехал забрать жену у метро. Подвыпившую, около полуночи, а ее след простыл. Опросил таксистов. Сказали, села в белый джип. А один из них, смуглый и коренастый, добавил:

— ...с рисунком кинжала на капоте.

Долгими нескончаемыми часами я колесил по району. Изъездил все дворы. Умоляюще бросался к прохожим, показывал фотографию. Люди отскакивали как от чумного, сторонились — никто не пытался помочь.

На чугунной оградке у ларька сидел мужик и пил из горла.

— Какая красавица, — говорит. — Пойдем, вместе поищем.

Он был пьян и бесполезен. Но мне не хотелось оставаться одному.

— Хороший у тебя додж, — закуривает тот на соседнем сидении.

— У меня здесь не курят, — кручу руль, осматривая пустой тротуар.

— Да ладно, расслабься. На, затянись.

Протягивает папиросу, грубую и без фильтра.

Отказываюсь.

– Повар, – представляется тот и присасывается к стеклянному горлышку.

После этой ужасной ночи мы с Полиной разъехались. Не мог я. Не хватало мужества заглянуть ей в глаза.

На какое-то время я поселился у Повара. На самом деле его звали Вася, а Повар – потому, что закончил техникум по профессии повар. Но не работал он поваром, и вообще не работал, а был спиногрызом, сидящим на шее у престарелых родителей.

Год назад Васю бросила жена, которой захотелось другой жизни. Более яркой, чем жизнь жены повара. И она променяла Повара на юриста. Конечно, юрист ведь – не повар. С тех пор Вася не просыхает. Обитает в пьяном угаре: просыпается в полдень и пьет, якобы сглаживая похмелье, а это запускает очередной виток порочного цикла.

К Повару обычно испытываешь либо жалость, либо отвращение. Что же касается моего отношения, эх... даже не знаю. Не будь Васи, этого тошнотворного примера перед глазами, наверняка я сделался бы таким, как он, даже хуже. А так, еще каким-то чудом держусь.

Жить с Поваром грустно и противно. Противно и грустно жить с Поваром. С Поваром грустно и противно жить. И вообще, вряд ли это крысячество можно назвать жизнью. Ютились мы в затхлой комнатухе в десять квадратов, где на стене растянута изъеденный молью ковер. По паркетному полу, куда не поставишь ногу, катаются бутылки. Многие из них в итоге застревают в выемках от выпавших дощечек. На пыльном подлокотнике дивана стояла пепельница – пустая банка от шпрот, набитая окурками. Весь этот ежик вонял

рыбной кислятиной. В углу, среди груды барахла и старых трусов, сгорбился засохший кактус.

Полина подала на развод.

Мне не хотелось до последнего верить. Надежда еще теплилась. Казалось, вот-вот появится волшебник на единороге, потрясет за плечо и разбудит. Тогда все вернется на свои места, станет как прежде.

Но развод состоялся.

Сразу же после этого я потерял бизнес. Ну как потерял – его отжали, самым гадким образом. Кто-то предал меня. И я утратил доверие ко всем.

Почему-то когда человек падает, остальные стремятся его подтолкнуть. Кажется, в этом городе все, вплоть до подвальных крыс, читают Ницше.

Сойти с ума. Происходящее – лихорадочный бред. Это чужая жизнь. Меня запихнули в шкуру полного неудачника!

Вскоре мой автомобиль подрезала «газель». Зацепила рельсом с грязными стоп-огнями, выбив доджу правую фару. Водила-таджик, болтавший по телефону, вышел и пожал плечами. Хотелось заорать ему в лицо: «Ну почему я?!».

Ответы на вопросы я искал в квантовой физике. Попутно читал Кастанеду.

Вася заметил, что лучше б я пил.

* * *

Наступила холодная осень. Такая холодная, что крысы сожрали клубни растений на клумбе перед домом. Стало ясно, что весной цветы не взойдут. Любимое лакомство грызунов – луковицы тюльпанов. Крахмальные и сахарные, луковицы особенно хороши в запеченном виде, но крысы, естественно, об этом не знают.

Покончив с растениями, зубастые твари приноровились лазить по ночам под капоты машин. Когда мотор еще теплый. Там, в горячем сердце автомобиля, они размножаются, как черви, и обгладывают изоляцию проводов. Периодически крысу убивает ток. Об этом ты узнаешь лишь на следующий день, когда из-под капота пробивается запах шашлыка: волосатое тельце запеклось на кипящем моторе мощностью сто сорок девять лошадиных сил.

Выбрасывая обугленный труп, можно уловить нотки тюльпанов, запекшихся в крысиных кишках.

Температура в городе падала постепенно, каждый день на полградуса. По вечерам мы с Поваром сидели за домом на детских качелях. Лузгали семечки, сплевывая в темноту приставучую шелуху.

– ...и затем обвинила в измене. Представляешь, нашла у меня в машине женскую сережку! А я, разумеется, и знать ничего не знаю. До этого Полина утверждала, что от меня духами пахнет, и не обычными духами, а «этой бесстыдницы Насти», моей подчиненной. Вот как такое можно унюхать?

Пожимаю плечами.

– Машину десять раз в химчистку отдал, и все равно что-то находила. Я до того привык оправдываться, что подумал: а что, если жена права? Ведь улики-то убедительные! Что, если я на самом деле ей изменял? Только не помню. Вообще-то, у меня память идеальная.

Но наверняка тот я, оказавшийся в этом новом говенном мире — у него есть свое прошлое, отличающееся от моего.

— Че?

— Вселенная сдвинулась, ты разве не видишь? Мы теперь в новом времени и пространстве.

Вася смотрит непонимающе.

— Ну, на сервере мапа сменилась. Был раньше «де даст», а сейчас «де нюк».

— А-а, — кивает.

— Солнце светит иначе. Помню такое теплое, желтоватое солнышко. А сейчас, что за белая хрень? Лампа дневного света в ангаре. Другая звезда, ярче старого солнца в разы!

Повар достает папиросу. Огонь на секунду освещает сощурившееся усатое лицо, затем схлопывается в красную точку.

— Дай, — говорит, — пятьдесят рублей до понедельника.

— У тебя нет понедельников, — отвечаю.

— Да ладно, друга-то поддержать.

Достаю мятую купюру.

Его долг уже одиннадцать тысяч шестьсот двадцать четыре рубля. И двадцать одна копейка. На эти деньги можно купить два куба обрезной доски или десять камазов ворованного чернозема.

Может, сознание мое никуда и не перемещалось, просто я идиот?

Вася передает папиросу. Затягиваюсь.

— Ты представь, что Вселенная работает как радио, — кашляю.

— Ну.

— Она меняется, происходят разрывы — скачки. Будто кто-то щелкает переключатель, меняя волну. Понимаешь? При этом все песни существуют всегда, параллельно, на разных частотах. Но твое сознание настроено только на одну конкретную волну.

— И че, епт?

— Как че? Мир сменил частоту!! Мы прыгнули в параллельную реальность, где Полина меня ненавидит. И мне приходится сидеть тут с тобой, алкоголиком.

Вася смачно отрыгивает и встает с качелей. Отходит на десяток метров, остановился. Поднявшись на носки, глубоко почесал между ягодиц, понюхал ладонь и побрел дальше к ларьку.

Через пятнадцать минут возвращается с горячительной жидкостью.

Влезает обвисшими брюками в узкие качели, те скрипуче поскуливают.

— Знаешь, что это за дым, — тычет в небо пальцем, — вон там.

— Крематорий?

— Нет, — срывает крышку с бутылки. — От крематория дым не клубится, и воняет горелыми костями, гадко, как сверлят зуб. А это, братуха, котельная. Она дымит, значит скоро зима.

— И что?

— А то, что не все выживут, — нюхает стеклянное горлышко. — Начинается сезон самоубийств. Многие, очень многие замерзнут. Бездомные собаки окончательно вымрут.

Чешет подмышку, задумчиво смотрит вдаль.

— Лучше всего зимой знаешь кому? Кошкам. Они укроются в подвалах, там крысы и горячие трубы. Дракон тоже переживет.

— Какой еще дракон, ты в своем уме?

— Эту зиму обещают суровой, — разглядывает изумрудную фею на этикетке, — для меня это будет вторая. Поэтому послушай внимательно, нужно запастись алкоголем и ненавистью. На месяцы вперед. Ненависть — живучая падла, преодолеет любой мороз.

Только так можно выжить. Это и есть дракон.

Протягивает бутылку.

Чувствую запах фенхеля вперемешку с застарелым потом васиной подмышки.

Мотаю головой.

– Я тебе скажу правду, брат, только не обижайся...

Делает глоток.

Занюхивает грязным рукавом, на котором повисли шарики репейника – видимо, упал в траву по дороге в ларек.

– Ты сам загубил все. Не услышал ее. Не помог искупить вину. Вот эта вина и поглотила сначала ее, а теперь уничтожает тебя.

– Какая вина?

– Более горькая, чем полынь. Так сильно ненавидят кого-то, когда невозможно ужиться с виной. Дракон питается виной. И растет быстро, как на дрожжах.

Повар икает, вздрагивая, будто от удара электричеством.

Морщится, сдерживая икоту:

– Ты вскормил ее ненависть, – тычет на меня пальцем. – Какие гадости только не делала, ты потакал. Вот и разбушевался огонь, и ты попал, дружок. Поэтому вся твоя жизнь пылает как спичка. Дракон не успокоится, пока не испепелит все.

Закидывает голову и хохочет.

– И как же я должен был ей помочь?

Вася хмурит брови, склоняется в мою сторону.

– Надо было наказать ее, самым жестким образом. Разбить мебель и посуду в квартире, сорвать шторы. Затем отшлепать жену, чтобы ягодицы горели. И взять ее с волчьей яростью, посреди руин и осколков. Только так приручается дракон – вытрахиванием. А ты

был мягким и пушистым.

— Да как ты... — вскакиваю на ноги. — Иди ты в жопу, Повар!

Ухожу в другой угол площадки, укрывшись в темноте деревянного мухомора.

Через несколько минут вдалеке снова вспыхивает красная точка. Приближается.

Повар встает рядом, облокотившись на шляпку гриба.

Смотрит заплывшими глазами, поглаживает усы.

— Ты это, извини, если что. Ты ведь хотел услышать правду, так?

Покачивается, дымит.

Закрываю лицо ладонями:

— Каким бы я был безвольным бесхребетным отцом...

Повар подходит к стоящему рядом розовому единорогу и тушит окурок о его глаз.

— Поехали, — говорит, — на проспект Испытателей, снимем фей.

— У тебя нет денег на шлюх.

— Заедем домой, займу у мамани.

— Не хочу проституток.

— Покурим гашиш?

Сижу молча.

Вася присасывается к бутылке. Травяная жидкость булькает, всплывают пузыри.

— У Ленки титьки на два размера больше, чем у Таньки, — вытирает рот ладонью. — И кормит ужином.

Поправляет обвисшие штаны.

— Пойду наведуясь к Светке.

Уходит.

Да-а, все же в нем гораздо больше от философа, чем во мне. И пышных усов, кстати, тоже.

Светке нравится Повар, ведь он умеет готовить, а это так романтично! Даже с учетом того, что он ей ни разу ни шиша не готовил.

А Танька и Ленка просто наивные дуры. Обожают его растрепанный вид, волосатое тело и грубые словечки. Им нравится дикий образ авантюриста и разбойника. В их представлении именно так выглядит страстный мужчина. Даже не возьмусь ответить, откуда берется эта фантазия.

Вот почему всем этим женщинам так нравится страдать в отношениях? Им просто необходимо это. Правильных, таких как я, им не надо – вытирают ноги. Им подавай говнюков, причем самых отпетых.

* * *

– За кем мы следим? – спрашивает Вася с соседнего сидения.

– Тихо ты, пей пиво и жри свой макдональдс, – приставив к глазам театральный бинокль.

– Ладно, – надкусывает гамбургер.

Дверь здания открылась. Появилось несколько силуэтов – курят и смеются.

Убираю бинокль. Поворачиваюсь к щетинистой роже:

– Ты знаешь, что электрон – одновременно и волна, и частица?

– Да какая, нахер, разница? Скоро Zenit играет, поехали, а то

пропустим.

Он хотел сделать глоток пива, но вдруг примкнул к лобовому стеклу:

– Ух, погляди, какая цыпа.

Из открытой двери появилась девушка на высоких каблуках.

– Жди здесь! – прокричал я, выскочив из машины.

Девушка быстро перебирала ножками, постукивая шпильками по мокрому тротуару. Золотистые волосы покачивались в такт звонким ударам. Она смотрела перед собой, перешагивая через размытости и блики на черном зеркале.

Дожидаюсь, когда приблизится.

Тяну руку.

– Отвали, нет мелочи, – проносится мимо.

Устремляюсь следом.

– Настя, стой!

Девушка поворачивается.

– Вик...

Оглядывает с ног до головы.

– Что ты, – морщит нос, – что это за шинель на тебе, ты что пил?

– Да нет же, – говорю, – я за рулем. Просто подвез пьяного приятеля.

Скрещивает руки на груди:

– Чего тебе?

– У меня это... – шмыгнув носом, – мы ведь с Полиной развелись, ты в курсе?

Молчит.

Мимо пронеслась машина, ослепляя фарами.

Скользнувшая по нашим лицам вспышка, вдруг побудила собеседницу смягчиться:

— Знаешь, — дрогнул женский голос, — не думала, что все так обернется. Я ведь мечтала, что у нас с тобой что-то получится, и сделала все ради этого.

Вздохнув, она повернула голову, всматриваясь в пустоту Суворовского проспекта.

Какое-то время она стояла задумчиво, поглаживая пальцами сережку в правом ухе.

Затем взволнованно продолжила:

— А ты, бестолковый, посмотри до чего скатился. Бизнес, все потерял... — вытирает щеку. — Ты уж меня извини.

Разворачивается.

— Значит, это ты! — удерживаю за локоть. — Ты помогла бандитам отобрать мой бизнес?

Настя поворачивает голову, глядя ошарашенно.

— Нет же, Господи, нет! — пятится назад. — Да как ты можешь...

Пренебрежительно качает головой.

— Катись ты к дьяволу, пьянчуга!

Спешит прочь.

Догоняю, схватив за рукав. Девушка закричала, вырвалась и поспешила прочь. Шпильки застучали как удаляющийся поезд.

Тут же, со скрипом, тормозит мокрыми колодками милицейский уазик. Выходят двое в форме, хлопнув железными дверями.

— Ребят, у меня документы в маш...

Дыхание пропало. Падаю на колени.

От плотного удара живот режет тысячей осколков.

Пока я корчился, задыхаясь, с мокрыми коленями, крысы в погонах обчистили карманы — забрали купюры, мелочь и все, что нашли. Среди мелочи было обручальное кольцо. Уазик уехал.

Кряхтя, поднимаюсь с тротуара. Шатаюсь, кое-как добираюсь

до машины. Василий сидит внутри, закинув голову, с открытым ртом и храпит. На щеке засохла капля кетчупа.

Бью в плечо.

— Ай! Ты чего?

— Ничего! Дай глотнуть.

— Слушай, — говорит он. — Займи полтинник, еще успею на второй тайм.

— Ага, погоди секунду...

Выбираюсь из машины, обхожу.

Открываю пассажирскую дверь и тащу подонка за шкирку — тяжелый, как кабан.

Упирается.

Вытаскиваю кое-как наружу.

Повар падает коленом на асфальт, затем медленно поднимается.

— Вот тебе полтинник! — наотмашь бью в скулу. — Ненавижу, мразь!

Вася, пошатнувшись, попятился назад, но устоял. Вытер нос.

Смотрит исподлобья. В глазницах сверкнули два угля.

Надвигается на меня.

Поднимаю кулаки, готовый сцепиться с усатым кабаном.

Подойдя вплотную, Повар вдруг расплылся в улыбке.

Кладет тяжелую руку на мое плечо и дружески похлопывает. Стоит довольный, с гордым видом, будто не по морде получил, а займы.

Затем разворачивается и направляется прочь.

Дойдя до арки, он обернулся и, разразившись хохотом, побрел дальше.

Из черноты тоннеля еще какое-то время доносился угасающий смех.

Через месяц, я слышал, Васю избили. Возвращался он домой ночью, как обычно пьяный. Во дворе, на улице Уточкина, на него налетели сзади. Ударили тяжелым в затылок. Затем долго пинали и прыгали на лицо. Вот такая русская забава.

Соскребли копейки из рваных карманов. Расстроились, что нет мобильного — помочились на истекающее кровью полуживое существо. В самом деле, откуда им знать, что телефон Василий пропил прошлой зимой.

В госпитале Повара долго сшивали обратно, по частям, как Франкенштейна. Он растолстел от медикаментов.

Затем пришла зима.

Самый злобный и беспощадный Декабрь.

С тех пор о Поваре ничего не слышно.

МЕСТЬ

Упав в снег, переворачиваюсь на спину. Смотрю на черное небо, изрезанное переплетением веток — как трещины на лобовом стекле. А что, если там наверху кто-то бродит по небу, как по тонкому исцарапанному льду?

Поднимаюсь. Ползу дальше, через сугробы. Ладонь, покрытая кровавой коркой, ноет.

Рюкзак давит на плечи. Руки и ноги проваливаются в снег. Утопаю по самую задницу, гребу руками. Ветер швыряет охапки снега в лицо. Снег набился в ботинки. Штаны, впитав сырость, склеились с кожей.

Снежные наносы преобразили очертания местности. Ползаю туда-сюда, распахивая сугробы. Не найти нужный.

Делаю взмах, протыкаю черенком лопаты рыхлую дюну —

деревяшка проваливается в пустоту.

Прорываюсь дальше. И дальше.

Снова пустота.

Взмах, дерево ударяется о металл. Да!

Раскидываю снег в стороны. Из снежной толщи показалась битая фара. Углубляюсь, обкапываю черный капот.

Водительская дверь поддается, забираюсь внутрь. Если бы не снег, укывший машину, дверь ни за что не отворить. Влажный ветер склеивает стыки кузова и держит крепче сварки.

Двигатель схватывается и тут же глохнет.

Один-два-три-четыре-пять.

Поворачиваю ключ.

Машина кашляет, трясется, но не оживает. Ну же, давай!

Один-два-три-четыре-пять...

Громкий рык мотора разлетается по округе.

Отлично! Сейчас прогреюсь, расчищу впереди лопатой и вырвусь из снежного плена. Заберусь на проселочную дорогу, в колею, и путь в город открыт.

Открываю бардачок. Дрожащими пальцами достаю распечатку билета.

Ночной рейс до Бангкока. Смотрю на часы.

* * *

Толстые хлопья тают, соприкасаясь с лобовым стеклом. Размывают очертания мира. Дворники смахивают воду со стекла: туда-сюда, туда-сюда. Тусклые огни сочатся в темноту салона.

В городе на шесть градусов теплее. Это создает иллюзию

безопасности. Ты не замечаешь, что город тоже остывает, каждый день, по чуть-чуть, как покойник.

В офисных зданиях еще горят окна, многоэтажки светятся клетчатым узором.

Машин много, но гораздо меньше, нежели обычно. В такой снегопад водители бросают автомобили и пересекаются на метро.

Въезжаю в индустриальную зону. Неподалеку дымит котельная. Пенистый дым из полосатой трубы застыл в морозном воздухе и не шевелится. Пустая темная дорога, укрытая снежным ковром. Электростанция. Мебельный завод. Упираюсь в ржавые ворота, напоминающие исцарапанный капот грузовика. Подаю гудок.

Тишина. В свете фар медленно сыпятся гипсовые крошки.

Выдаю еще пару гудков.

Выходит бородатый старик в серой ушанке. Какое-то время щурится, затем одобрительно поднимает варежку. Примыкает всем весом к воротам.

Огромные створки поддаются, но с трудом. Старику приходится прикладывать все усилия, его валенки скользят, но он держится – продолжает тянуть. Его не опрокинуть. Действует умело, будто за его горбатой спиной сотня ледяных декабрей. А ржавые створки он знает лучше, чем жену и детей.

Долго-долго наблюдал я за сгорбившимся силуэтом, отпирающим ворота. Казалось, это никогда не закончится...

Машина медленно взлетает к потолку ангара. Железные предплечья поднимают тяжелый кузов. Колеса, блестящие от вкраплений шипов, обвисли. С порогов падают налипшие куски грязного снега.

Таджики в комбинезонах ползают снизу. Светят фонариками, обстукивают подвеску. Выкрикивают что-то про рычаги, затем про шаровые.

Помещение заполнено автомобилями, сбитыми впритирку. Вдоль стены стоят черные колонны шин. Груды запчастей, запах керосина, гари и чего-то приторного. В сторонке рабочий жарит лук на огне.

На грязной столешнице кряхтит магнитофон. Пыльный динамик сбивчиво выплевывает обрывки радиоволн. Ловит то одну волну, то другую. Выдает какую-то ересь. Хриплые куски арабской мелодии перемежаются с новостной сводкой, и все это постукивает, троит, как старенький мотор с замасленными свечами.

Смотрю на часы. Рука снова кровоточит и капризно ноет. Роюсь в ящике с инструментами, нахожу чистую тряпку. Перевязываю рану.

Подходит азиат с тонкими, как у сома, усиками. На нем персидский халат, расписные тапочки и тубетейка.

Держит пакет с финиками.

— Рейкэ тичет, — говорит узбек, — и пороги гнилые.

Кладет финик в рот.

Затягиваю зубами повязку на ладони.

— Ско-ко? — бубню.

— Фара битая, — жует финик. — Сто шестьдесят.

— Епт, ты шутишь? — поднимаю глаза. — В прошлый раз говорил двести двадцать!

— Сегодня есть новый день, — шурится.

Он достает изо рта обсосанную косточку и тычет мне в лицо.

— Вчера не стоит и косточки.

Придвигаюсь вплотную к подлецу.

- Это же додж, а не жигули, – указываю под потолок.
- Ржавое дно, – ухмыляется тот, бросив косточку на пол.
Кладет в рот новый финик.
- Да мне плевать, цена минимум двести, ты понял?

Узбек замолчал. Задумался о чем-то своем, поглаживая усики.
Нервничаю.

- На все воля Аллаха, – заключает тот.
- И расплывается в хитрой улыбке, с щелью между резцов.
Стою в недоумении.

Узбек протягивает пакет.

Забираю финики.

Следом забираю пачку мятых купюр, пересчитываю и прячу
во внутренний карман.

Подхожу к столешнице и вытаскиваю из металлического ящика
разводной ключ:

- Это я тоже возьму.

Чумазые силуэты в комбинезонах, шумевшие все это время
в мастерской, вдруг затихли. Прекратили работу. Выползли из-под
машин и открытых капотов, злобно косятся.

Направляюсь к выходу.

- На все воля Аллаха, – провожает меня голос.

Металлическая дверь с дребезжанием захлопнулась.

Снаружи темно. Настырно падает тот же самый снег.

Забиваю трубку. Чиркаю мокрой спичкой.

Выпускаю дым.

«Ржавое дно», – сплевываю в сугроб.

В этой проклятой сырости все ржавеет, даже додж.

* * *

Под землей тепло, но руки все равно ледяные. Эскалатор медленно поднимается вверх, и конца ему не видно – растянулся бесконечной кишкой. Настолько метро здесь глубокое. И теплое.

Жую финики, рассматриваю прохожих, плывущих в обратном направлении. Серые, коричневые, черные силуэты в меховых шапках и с потухшими взглядами. Перевозят в руках брезент, замасленные канистры, лак и краску. Кто-то тащит на горбу выхлопную трубу.

Нет, все же мир – это не радио, а картина.

Вот что поменялось.

Сначала был Брейгель, а сейчас Босх. Только поглядите на этих чудищ на эскалаторе!

Нас всех поместили в адскую картину. Все мы – мазки.

Да, разного размера и оттенка, но физически – та же самая вонючая краска. Консистенция. Понимаете?

Каждый мазок, сам по себе, не несет ничего, кроме формы и цвета. Но вместе они составляют образ, законченное изображение. Это называется синергия. И то высшее сознание, наблюдатель в музее, который перешел в новый зал с Босхом – он-то, естественно, воспринимает не сумму мазков, а цельный образ.

Так вот, нам, как мазкам, какая, в сущности, разница? Можно находиться в любом углу полотна: стать частью фона, бликом, тенью. В конце концов все мы играем на единый образ, и никто нас как отдельный мазок не воспримет. Поэтому не все ли равно? Лежать снежинкой на пальто человечка у Брейгеля; или у страшного Босха торчать веткой из задницы пучеглазого существа. Успокойся, у мазков нет имен, и никто не узнает, что тот позорный штрих – это ты.

Но есть проблема – эстетика страдает. Вкус художника

не позволяет смириться. Именно в этом заключается фундаментальная разница между мной и каким-нибудь Поваром. Ему все равно. А мне нет. Я не согласен. Не стану мазком на заднице, и точка! Отказываюсь.

Выхожу из болтающихся створок станции Чернышевская.

Свет и ларьки. Мишурой сыпятся белые бабочки. Касаются тротуара и тут же становятся грязью. Коричневая жижа цепляется к ботинкам. Подхожу к точке с цветами, смотрю на тюльпаны. Дохлые.

Следую вдоль домов. Горящие окна многоэтажек косятся, провожая взглядом.

Ощущение, что город утонул и погряз в болоте. Первые этажи зданий ушли под землю. В бесчисленных подвалах живет память о голоде. Под толщей торфа закопаны мертвые.

Заглядываю в огромную витрину, украшенную новогодними блестками и серпантинном. Иней, расписавший узорами стекло, мешает разглядеть что внутри. За стеклом светло, доносятся людские голоса, движение, смех, звук ножа, ударившего по фарфору...

Чтоб я сдох, это то самое кафе!

Вслушиваюсь, пытаюсь поймать что-то ускользающее... какой-то затерявшийся во времени диалог... еле уловимый запах...

Продолжаю путь. Упершись в чугунную ограду, перекидываю рюкзак и перелезаю через препятствие. Плетусь вдоль аллеи, освещаемой тускнеющими фонарями, утюжу ботинками рыхлые наносы.

Прохожу мимо церкви, надавливаю на дверь — закрыта. Пальцы мерзнут.

Поворачиваю в арку, эхом разносятся шаги. Где-то здесь в облупленных, измазанных рисунками стенах, навсегда растворился Повар. Смутные очертания его усатого профиля отпечатались среди неумелых граффити.

Внутренний дворик зажат высокими стенами. Поднимаю голову, пытаюсь пробиться взглядом сквозь блестящие точки. Тускло светятся редкие окна, как остывающие клетки организма. Ячейки отмирают, скоро потухнут все. Эта зима — последняя. Съеденным луковицам не суждено взойти весной. Смотрю на часы.

Отпираю маленькую дверь, ведущую в подвал.

Темно. Под ногами слой воды. Следую вдоль переплетений труб. Из ржавых стыков сочится жидкость.

В свете фонаря мелькают крысы. Прячутся чумные в паутинах коммуникаций.

Добираюсь до нужной трубы. Все готово, чтобы запечь праздничный торт.

Смотрю на сырой потолок.

Помещение, что находится там, сверху — я все про него знаю. Поднял бизнес с нуля. Вложил душу, всего себя.

Бизнес был моим единственным ребенком, а эти суки забрали его!

Пирог перекрытия здесь вполне новогодний: бетонный каркас, деревянные лаги и настил дюймовки, а поверх влагостойкая фанера двенадцать миллиметров.

Да, чуть не забыл, и самая-самая сладкая начинка — пенопласт. Он плотно уложен между лагами. Спрессованные белые шарики при горении выделяют ядовитый дым, который задушит быстрее, чем успеешь опомниться.

К слову, пенопласт не только в полу, но и в стенах. Он буквально везде! Распихан по всему помещению. Спросите, почему так много пенопласта?

Спасибо белорусам с соседней стройки, которые воруют материалы, а прораб на это закрывает глаза. За две бутылки водки и мешок картошки я приобрел шестнадцать кубов сладкого зефира.

Обожаю сезон новогодних распродаж.

Глаза закрывает не только прораб на стройплощадке. А также пожарный инспектор, который никакой пенопласт не замечает. Почему? Купюра достоинством в пять тысяч рублей побуждает забыть о достоинстве. Инспектор совсем не видит пенопласт. И никто не видит пенопласт.

Только я его вижу, и не стану больше закрывать глаза.

* * *

Кальянный дым рисует узоры. В колбе булькает белая жидкость. Кальян на молоке идеально сочетается со вкусом лесных ягод.

Дагестанец, высокий, с удлиненным смуглым лицом, присосался к шлангу. Выдыхает струю дыма в форме брокколи. Округляет рот и пускает вдогонку два кольца. Потом резко разбивает дым кулаком. Узоры рассеиваются.

Сидит довольный. Волосатой кистью, с пушком на каждом фаланге, чешет бороду, кудрявую и запутанную, как проволока. Усов нет, отчего он походит на уродливого боцмана.

— Ищь, хорош кальян с малачком, да, братва?

Двое других одобрительно кивают: «Да-а, да-а». Они с такими же

курчавыми бородами.

Между дагестанцами сидит толстячок, облысевший, напоминающий бухгалтера. Ростом не выше метр шестидесяти. Вытирает платочком потный лоб и крепко сжимает в руках кожаный портфель.

– Молоко дает сил, – произносит главный дагестанец. – У нас в горах лучшее молоко. И коровы здоровые, и женщины тоже! Ух, вот как схватишь за курдюк, – врезается волосатыми пальцами в воздух, – не то, что ваши худощавые доски. Хотя, они тоже вкусные... Так-во, утром выпиваешь стакан парного, как только подоили корову. И бежишь с братьями десять километров. Кто быстрее прибежал выпивает еще стакан. Такие правила.

Говорящий разлегся на подушках с блаженным видом.

– Поэтому мы крепкие, борьбой занимаемся. Знаешь сколько у меня боев в клетке? Больше десяти. Два перелома носа, а вот эта рука... – показывает предплечье с синими разводами, – в трех местах раздроблена, пришлось пластину вставлять.

Смеется.

– Завтра у меня новый бой, – чешет ногтем прыщик на щеке, – с каким-то белобрысым. Покараю ублюдка, иншаллах.

– Иншаллах, брат, – вторят бородачи.

Толстячок подхалимски улыбается.

Дагестанец затягивается, вбирает в грудь много дыма, как пылесос. Никому другому не предлагает кальян.

– А если не ляжет белобрысы, то мы после боя с ним отдельно поговорим, ведь так?

Достает зачехленный на поясе нож и втыкает в деревянный столик.

Кальян трясется. Угли звонко попадали на стальную тарелку.

— Эй ты, сладенькая! — кричит девушке за барной стойкой. — Подай еще кальян, и чтобы арбуз чувствовался. И абсента мне и моим братьям.

Сукин сын. Ведет себя как хозяин.

И не платит.

Они никогда не платят. Чертовы паразиты.

Подаю кивок Насте, чтобы готовили кальян.

— Можно потише? — обращаюсь к бородачу. — Клиентов распугаешь.

— Че ты сказал? — выпрямляет спину. — Ты Дарвина читал?..

Вскакивает с подушек на ноги.

— Дай-ка я тебе поясню, дорогой. Это элементарно. Вчера у нас был день итальянской кухни, мы по четвергам кушаем пиццу, такая традиция. Нам даже не нужно звонить и заказывать, сечешь? Мы догоняем на Обводном канале одну из малолитражек, что доставляют еду, и прижимаем к обочине. Так-во, выходим мы вчера с братьями, а за рулем пиццы какой-то хилый студент в смешной шляпе. Вытаскиваем говнюка, а он весь трясется, как воробушек, и под ним образуется лужица, капает из-под штанины. Короче, обоссался студент!

Дагестанцы громко хохочут, схватившись за животы.

— Забрали у сосунка всю пиццу, ну, кроме той, что с анчоусами. А то хрен знает, что за анчоус такой, а у меня желудок деликатный.

Достает пачку сигарет и постукивает по ладони.

– Это называется пищевая цепочка, – зажигает сигарету.
Машет спичкой и бросает на пол.

– И все уважают эту цепочку. Так работает бизнес, так работает жизнь. Крупный плавает над мелким и поедает его.

Курит.

– Доставщик пиццы, – опускает ладонь к бедру, – находится здесь.

Кивает в сторону Насти.

– Вон та симпатия, – перемещает руку на уровень пояса, – вот тут она.

Усмехается. Поправляет толстый кожаный ремень.

– А ты со своим баром чуть выше, вот где-то здесь, ясно? А все, кто над тобой – тебе не обязательно видеть, но полагается уважать.

Подходит к висящей на стене картине. Разглядывает. Берется мохнатой рукой и снимает со стены.

Сжимаю челюсть, все мышцы напряглись.

Бородач пускает дым на картину. Вертит в руках, разглядывая так и сяк, под разными углами.

– Какая экспрессия! – меняет он тон. – А образ женщины, мм, такой манящий и опасный. И окровавленный нож – великолепно!

Сижу, не сводя с хищника глаз. Какой к лешему нож, думаю. В самом деле, придурку везде ножи чудятся.

Дагестанец поворачивается, и наши взгляды скрещиваются как сабли.

– Да ладно! – восклицает он. – Твое творчество? Ха, да ты – Ван Гог. Seriously! Я ведь это, в Эрмитаж частенько хожу. Вдохновляет меня перед боем. Хороший музей, отличное собрание Рембрандта... А ты знал, что сотни кошек живут там, охраняя картины от мышей? Ненавижу мерзких кошек! Но без них искусство испытало бы кризис.

Страхивает сигаретный пепел.

– Рембрандт, и вообще голландцы, слишком мрачные. А французы какие-то ванильные – педики все. Но твоя работа прям по мне. Здесь есть вкус, глубина, интрига...

Затягивается с задумчивым видом, но резко выплевывает дым:

– Слушай, я возьму твой шедевр на время.

– Исключено, – говорю сквозь зубы.

– Ладно...

Вешает картину на место.

– Честно скажу тебе, Ван Гог, мне нравится твой стиль.

Подходит к столику и отдирает торчащий нож.

Напрягаюсь.

– Потому я все время был так мягок с тобой, врубаешь?

Встает позади. Массажирует мерзкой лапой мое плечо, больно мнет крысиными пальцами.

Склоняется к уху:

– Но ты в этих джунглях сам за себя. У тебя нет ни братьев, ни

крыши. Ты – маленький и пушистый. И ты у нас в долгу. Потому сам рассуди, трезво оцени реалии.

Хватает за волосы, задрал мою голову. Холодная сталь упирается в кадык. Не глотнуть – во рту копится ртуть с горечью сгоревших семечек.

– Думаешь, мы не знаем твои слабые места? Мы все о тебе знаем. Знаем лучше, чем твоя жена. Я всегда получаю то, что причитается.

Нож скользит по горлу, обжигая. Падаю на пол. Корчусь в судорогах, схватившись за шею.

Дагестанцы хохочут.

Крови нет, всего пара капель. Тыльная сторона ножа оставила неглубокую царапину.

Главарь подает знак. Лысый толстяк открывает портфель и достает бумажки.

Слышу грубый голос:
– Подписывай!

Кто я? Кем являюсь в этой пищевой цепочке несправедливости?

* * *

Вцепляюсь разводным ключом в ржавую гайку. Та окислилась, отказывается сдвинуться, намертво прикипела. Бью несколько раз о проклятую железяку. По трубам разносится стальное эхо. Вгрызаюсь снова в гайку, упираюсь всем весом. Тщетно.

Снова ударяю, со всей силы. Ключ выскальзывает

из кровоточащей ладони и падает в грязную воду, бульк!
Твою ж мать!

Освещаю фонариком мутную жижу под ногами. Ныряю рукой под воду. Рукав пальто намок и потяжелел.

Мимо, извиваясь, проплывает жирная крыса.

За первой крысой появляется еще одна.

Затем еще. Что за чертовщина?

В один миг вода пришла в движение, будто закипев. Стая шерстяных спин барахтается, спешно уплывая прочь.

Ха! Чувствуют крысиные кишки, запахло жареным!

Фонарь погас.

И вдруг как тряхнет! Меня аж подбросило, но удалось удержаться на ногах.

Потолок опустился, все под ним заискрилось, нависли переплетения проводов.

Откуда-то сверху посыпались крысы. Писк повсюду. Одна крыса упала, обездвиженная, и плавает брюхом кверху.

Один-два-три-четыре-пять.

И снова встряска, землетрясение! Стены пришли в движение, сбоку вылезла цистерна. В другой стене – забитый грязью воздушный фильтр. Пахнет бензином, девяносто вторым.

Пытаюсь выбраться, бегу прочь по узкому коридору. Темно. Потолок давит. Падаю, перебираю лапами. Один-два-три...

Сейчас схлопнется.

Четыре-пять...

* * *

Тишина. Снег кончился, больше не падает. Темное небо загустело, проявив редкие звезды. Опускаю голову.

Над входом в бар горит неоновая вывеска: «Сахара». Шакалы, уже и название успели поменять!

Дверь открыта. Изнутри слышится марокканская музыка. Раздвигаю свисающий тюль и попадаю в задымленное помещение. Обволакивает теплом. Морозное жжение в ноздрях сменяется фруктовым запахом кальяна. На стенах висят гобелены, а на полу расстелены ковры. Ого!

Дагестанцы сидят в углу и что-то бурно обсуждают. Почуввав нового посетителя, все разом обернулись.

Стою, весь промокший.

Бородачи отвернулись, возобновив веселье.

Ладно. Направляюсь к барной стойке. Ковер под ступнями мягкий, продавливается, будто настелен на песок.

Сажусь. Осматриваюсь.

Как же тут все поменялось! Яркие ткани, аромат шафрана и мускатного ореха. Звуки арабской мелодии. «Не хватает танцовщиц», — усмехаюсь про себя.

Тонкая рука с пестрыми браслетами ставит передо мной чай в граненом стакане.

— За счет заведения, — улыбается Настя.

Киваю.

Пытаюсь поймать ее взгляд, но девушка занята — загружает на поднос сладости и узорчатый чайник. Выглядит прекрасно, никогда не видел ее такую счастливую!

Вдруг, вспомнив что-то, резко оборачиваюсь. Картина висит на месте.

Смотрю перед собой, в стакан. Пахнет долькой лимона и мятой. Внутри плавают чайники. Вздываются вверх и плавно опускаются вниз, окрашивая жидкость. Чай приобретает насыщенный оттенок и вкус.

ГЛАВА 4. ВЕСНА

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Акилес встал на якорь в бухте острова Гринвич. Вдоль берега растянулся гигантский ледник, текстурный, изъеденный глубокими трещинами; выросший сорока метровой стеной из воды. Шапка ледника, ослепительно белая и гладкая, отсвечивает солнечные лучи.

Водная гладь натянулась мембраной и даже не шевелится, как на тихом озере, отражая голубые краски.

Посреди бухты медленно плавает кит.

Его черная спина вырастает из зеркальной поверхности, горбясь, неспешно перекачивается как автомобильная крышка, стертая десятками тысяч километров. Слышится тяжелый выдох, и в воздух взлетает парус брызг, в котором несколько секунд переливается радуга. Затем брызги рассеиваются, и кит скрывается под водой. Долго-долго его нет. И кажется, что все — уплыл китяра. Но вдруг массивная спина снова появляется, уже в сотне метров от предыдущего места.

Мужчина стоит, облокотившись на поручень палубы. Подходит чилийка в спасательном жилете оранжевого цвета.

— ¿Estás lista?

— Sí, — улыбнулась женщина. — Жаль, что уже моя остановка. Мне бы хотелось продолжить, плыть дальше на юг, к самому полюсу!

Трет ладони, согревая:

— У моряков есть обычай: когда пересекаешь полярный круг, то

проводится крещение. Вот в такую резиновую лодку, — показывает на черный зодиак, — наливают воду прямо из океана. И тебя в этот ледяной бассейн окунают с головой, хрясь! И держат, не знаю, с дюжину секунд, а ты брыкаешься как поросенок и визжишь от холода. Пуча! Вот такое крещение, просто атас! Глядишь, и тебя ждет, если Акилес доплывет до шестьдесят четвертой параллели.

Смеется, прикладывая согретые ладошки к щекам.

— Знаешь, я ведь уже крещеный, — сказал путешественник, — я родился за полярным кругом.

Чилийка округлила глаза.

— Где?

Он посмотрел куда-то на север.

— Не важно. Этой страны больше нет на карте.

Оба они замолчали, любясь как беззаботно и величественно курсирует кит.

— Вот когда он там, под водой, и мы его не наблюдаем, этот кит существует? — спросила спутница.

— Только если ты в это веришь.

— А если не верить?

— Если не верить, то зачем тогда жить?

Женщина улыбнулась.

— Ты мне напоминаешь этого кита.

Послышался громовой грохот. Огромный кусок льда, срезанный ножом, покатился вниз, сокрушая все на своем пути. С треском и хлопками он рухнул в воду, подняв высокие волны; кувыркнулся несколько раз, взбивая пышную пену.

Еще с полминуты волны катились по гладкому зеркалу, бесшумно и быстро, и наконец достигли корабля. Акилес нехотя закачался, как улыбчивый ленивец, повисший на ветке церкопии.

Журналистка и путешественник обнялись. Поцеловали друг друга в холодные щеки. Дурацкий спасательный жилет надоедливо скрипел, путаясь между ними.

– Ну я пошла, – помахала она рукой.

Мужчина кивнул.

Сотни прощаний научили его расставаться с улыбкой.

Чилийка спускалась вниз, ища неуверенной ногой деревянную ступеньку. Снизу, стоя в лодке, веревочную лестницу удерживал военный, но та все равно непослушно раскачивалась и билась о металлический борт. Другой военный сидел у мотора, поддавая газ, дабы примкнуть резиновым боком к кораблю.

Женщине помогли спуститься, и она села на круглый резиновый край, толстый, как сарделька. Крепко ухватилась за веревку, протянутую вдоль борта.

Зодиак с десятком неподвижных фигур заскользил по зеркалу в сторону берега, где вдалеке виднелись красные строения антарктической станции «Прат». Никаких встречных волн, ничего не создавало помех. Лодка шла мягко, как едут санки, изредка отбрасывая в стороны белесые брызги.

Кит, потревоженный айсбергом, покинул бухту. Айсберг, потревоживший кита, покачивался в водяной толще. На его верхушку уселась крупная коричневая птица.

Журналистка думала о той истории, которую поведал путешественник: вспомнила русскую зиму, азиатские джунгли, черную Африку, затем путь через Южную Америку и до Антарктики. Она вдруг увидела в нем саму себя. Ощутила неуголимую тягу к жизни и безрассудству.

Обернувшись, женщина пробежала взглядом по всей длине

остроносого Акилеса.

На серой палубе никого.

Усыпанный ледяными осколками берег приближается.

Мотор лодки гудит.

* * *

«Boa noite, мои дорогие! Это что-то невероятное! Наш замечательный город, Рио-де-Жанейро, замер в ожидании. Как вы видите, все готово к новогодней феерии: улыбки на лицах людей, на сцене идет красочное представление. Люди стекаются со всех концов Бразилии, из других стран, сюда на Копакабану, самый знаменитый пляж в мире, где, по предварительным подсчетам, в эту ночь ожидается более двух миллионов человек! Просто невообразимо! Поток людей не прекращается, народ занимает места, танцует, залезает в океан поплескаться. Всего несколько часов остается до наступления волшебства, совсем скоро пробьют куранты. Ждем вас здесь, обязательно приходите и не забудьте, по традиции, нарядиться во все белое. Я вам обещаю, будет жарко. С праздником, дорогие кариоки, увидимся! Вам слово...»

«То ли зеркало полнит», — подумала девушка, — «то ли платье какое-то не такое...»

Поворачивается боком.

Схватив кулачком подол, оттопыривает вбок. Ткань растянулась веером к утонченным коленкам.

Отпускает подол. Поправляет чашечки на груди.

Наряд замечательно подчеркивает бедра, но что-то все равно не так; и цвет какой-то дурацкий.

Карамба!

Стягивает с себя платье, бросив на спинку стула.

Садится перед зеркалом.

Жует, быстро двигает челюстями.

Достает изо рта жвачку. Давит пальцем, приклеивая к отражению в зеркале.

Зажигает сигарету.

– При, да чтоб тебя! – доносится из соседней комнаты. – Поторапливайся, а то все пропустим!

Девушка кладет сигарету в пепельницу.

Суетится.

Возится с застежкой на сандалии. Золотистая пряжка не поддается – поддевает ногтем, но тот трескается.

– Поха! Каральо! – вскакивает, ругаясь.

Прислоняет пострадавший палец к губам.

Заходит Габи. На нем стильная шляпа и белая майка, подчеркивающая мускулистую грудь. Габи благоухает, комната тотчас наполняется ароматом цветочного парфюма.

– Дорогая, ты в порядке? – разгоняет ладонями дым, будто на него напали мошки.

Глядит удивленно.

Упирается запястьями в бок, восклицая:

– Меу деуш! Ты так и пойдешь, в одних трусиках?

«...остается ровно два часа до наступления нового две тысячи шш...». Экран телевизора гаснет, Габи откладывает пульт в сторону.

Подходит.

Нежно поправляет ее прямые и черные, как у индианки, волосы.

– Мне нравится твой животик, – говорит.

– Разве? – надув губы. – Он слишком толстый!

– Толстый? Ты совсем худышка, смотри как кости торчат!

А животик просто идеальный, я же не стану врать!

При тихонько улыбается.

– Погоди, у меня есть кое-что, – достает из кармана пурпурный цветок.

– Господи, где ты достал лелию?

Бразилец вплетает орхидею в смоляные волосы. Отходит на пару шагов, приценивается.

– Выглядишь восхитительно!

– Обригада, – опускает взгляд.

– Сегодня ты – королева ночи! Парни, как деревянные фигурки, попадают у твоих ног.

– Мне не нужны парни у ног, и вообще не нужны. Для чего? Больше проблем!

Тот смеется:

– Смотря с какой стороны посмотреть: проблема – она же и приключение.

– Ой, Габи, совсем вылетело из головы, – ударяет ладошкой по лбу, – как прошло твое свидание?

– Он мил, – закатывает глаза, – и он из Аргентины, из Росарио, если точнее. Работает в театре, представляешь? Ай! И он уже ждет нас на пляже, надо спешить! Я все приготовил...

Загибает пальцы:

– Взял полотенце, сигареты, орешки и капирию. Смешал много-много мяты и льда, как ты любишь.

– Ай, я уж и не знаю чего я люблю! – хватает со стола железную пепельницу с горящей сигаретой.

Садится на диван, закинув ногу на ногу. Желтая обшивка ярко оттеняет тело цвета какао. От шоколадных пальцев изящными струями поднимается дым.

Габи глубоко вздыхает и садится рядом. Заглядывает в кофейные глаза:

– Опять о Нем думаешь, да?

Мулатка молча курит.

– При, дорогая, жизнь продолжается. Надо дышать полной грудью, наслаждаться. Ты сама говорила, что Он тебя научил мечтать.

Девушка холодно отвела взгляд. Сочные губы, однако, выразили еле уловимую улыбку.

Габи тянется и забирает у При сигарету. Решительно давит окурок о пепельницу, как надоедливого таракана.

– Знаешь, – продолжает бразилец, – Он был даже слишком милый! Если бы ты Его проморгала, даже не знаю, я бы... я бы точно увел такого красавца. И к черту наш уговор не воровать парней!

При уставилась круглыми белыми глазами.

Попыталась сдержать смех, но не смогла.

– Да что ты, что ты такое говоришь, дурачок. Бабака! Он бы с тобой... нет! Ни за что, – ударяет собеседника в плечо.

– Эй, думаешь, я недостаточно привлекательный?

– Нет, то есть да. Да нет же! Его женщины привлекают, и только!..

Девушка замолчала, пробежав взглядом по потолку.

– Я ведь все о Нем знаю, но Он такой изменчивый... В следующий момент уже другой. Так что, возможно, ты и прав, дорогой Габи, все могло случиться, – широко улыбается, – но тогда мне бы пришлось тебя сейчас успокаивать, а я с такими вещами плохо справляюсь, так что лучше ты меня утешай!

Смеется.

– Это звучит странно, – продолжает тихим голосом, – я чувствую Его. Сегодня видела сон, и Он был там, на какой-то скале. Отовсюду поднимался дым, и огромный круглый кратер, как на Луне или Марсе, даже не знаю. Мы просто сидели рядом, улыбаясь, на краю кратера, представляешь? Свесив ножки. И настолько все легко и просто, что

невыносимо! Любовь бушевала как кипящая лава, меня чуть не разорвало! Я тут же проснулась, с горячими мокрыми щеками.

Поправляет дрожащей рукой волосы.

– Весь день меня трясет, и не понятно где сон, а где реальность, словно объелась мескалина. Прошел уже год, но будто все происходит сейчас. Только где оно происходит? Все поменялось, раньше я жила и видела лишь серые фавелы. И Рио, такой опасный – страшно выйти на улицу. Каждой ночью где-нибудь, да слышны выстрелы. А помнишь того соседа на углу, офицера? Вообще убили посреди дня, в шестьсот двадцать четвертом автобусе. Дурачок, не переоделся в гражданское. Все же знают, что в форме нельзя разгуливать.

Вздыхает.

– Все вокруг превратилось в какую-то иллюзию, где куча ниточек переплетены. И тот вулкан, на котором мы вдвоем, он ведь где-то существует!

Мулатка замолчала, разглядывая сломанный ноготь.

На улице раздался резкий шум, резонирующий по стеклам. Взбираясь на крутой подъем, автобус тужился и ревел, будто раненый буйвол. Затем что-то из него вдруг дважды хлопнуло.

– Слышишь? – она вскочила, указывая на окно. – Все это не просто так! Не знаю что происходит.

Габи поднимается:

– Не унывай, милая При, – крепко сжимает ладонь, – все будет хорошо.

Девушка обнимает друга.

– Дай мне еще две минутки, пожалуйста.

Габи кивнул.

Уже стоя в дверях, он расплылся в хитрой улыбке и послал воздушный поцелуй.

– Иди к черту! – расхохоталась девушка.

Схватила с дивана подушку, бросив вслед.

Снова посмотрела в зеркало.

Поворачивается боком.

Втягивает животик.

Надевает шифоновое платье цвета слоновой кости. Поправляет грудь. Смотрит несколько секунд. Запускает руку под платье, расстегивает застежку и выдергивает чашечки. Бросает лифчик на спинку стула. Так намного лучше!

Хватает черную винтажную футболку, потертую, с коровьим черепом на груди. Надевает поверх платья. Следом накидывает кожаный жакет.

Садится на стул. Запускает длинную руку в сумочку, роется, быстро и шумно, на запястье гремят тяжелые браслеты.

Достает тени. Нет. Снова запускает тонкую руку – ага!

Плавно и аккуратно водит помадой вдоль губ. Яркий фиолетовый след оттеняется миндальной кожей. Чмокает губами. Поправляет сережки. Тонкие обручи закачались, играя золотистым блеском.

Снова роется в сумочке.

Разжимает ладонь, на которой лежит деревянная фигурка. Шахматный король, такой кремовый-кремовый на фоне узких

пальцев цвета корицы.

– Ну же, При! – кричит Габи. – Пропустим салют!

Девушка вскакивает.

Бросает последний взгляд в зеркало.

Отклеивает и кидает в рот мятную жвачку.

Выбегает из комнаты.

* * *

На пляже не протолкнуться. Народ упирается друг в друга. Льется слепящий радужный свет. На сцене бойцы капоэйры раскачиваются вперед-назад, пританцовывают, делают широкие взмахи ногами.

Сквозь толпу пролезает темнокожий парень, останавливается рядом. Тянется, ухватив мулатку за талию. Кричит что-то в ухо.

Круглые глаза При наполнились хищной яростью. Стряхнув с себя наглуую руку, выплескивает в наглеца содержимое пивной банки.

Недоумок психует, злобно ругается. Уходит к следующей девушке – очередной идиот, ищущий подтверждения собственной красоты.

Габи стоит рядом, но не видит происходящего. Ничего не замечает, поглощенный своим кудрявым аргентинцем. Жадно облизывает губы, мнет его упругие ягодички. Мужчины горячо и страстно натирают друг друга, будто пенной мочалкой.

Допив остатки пива, девушка бросает жестянку на песок и давит подошвой. Щелкает капсулу сигаретного фильтра. Затягивается.

Заводная энергетика самбы побуждает двигаться. Бедрa виляют, коленки сгибаются, ступни переступают с места на место. Мулатка закрывает глаза, подхваченная жгучим ритмом.

Втягивает ментоловый дым.
Танцует.

Кожа вздрогнула от прикосновения. Кто-то обхватил запястье, деликатно и крепко. По предплечью узорами растеклось приятное тепло. Несколько мгновений девушка не решалась повернуться, поглощенная ярким ощущением – как в детстве, когда тебя ведут за руку на аттракционы, а в другой руке сахарная вата.

Оборачивается.

Стоит незнакомец: высокий, светлые глаза, закатанные рукава рубашки, широкие плечи, добрая улыбка.

При глубоко выдыхает.

Сигаретный дым ударяется мужчине в лицо.

– Ой! – смущенно прикрыла ладошкой губы.

Чувствует обжигающий холод его пальцев. Незнакомец убирает руку – похоже, обознался. Другую руку прикладывает к сердцу, извиняясь. Разворачивается и пытается увильнуть сквозь толпу.

Ну уж нет!

При хватает его, притягивая к себе.

Мужчина снова перед ней, смотрит.

– *Quem é você?* – глядя чуть снизу.

Тот мотает головой.

Ага, наверное, иностранец.

– *Você fala português?*

Незнакомец корчит гримасу.

Тянется и отнимает у нее сигарету.

Показалось, что он возмущен, как щепетильный отец, и вот-вот начнет ругаться. Вместо этого, он сам затаился. В уголках глаз побежали добрые паутинки.

Липнет взглядом к фиолетовым губам.

Ну наглец!

Что дальше?

Мужчина возвращает сигарету.

Хорошо.

Курят на двоих.

Он улыбается, уже как-то иначе, интригующе.

Да, это какая-то игра. Без правил, сбивает с толку. И то, как он смотрит – отрывает от земли. Обволакивающий, исследующий взгляд, полный восхищения, будто впервые видит женщину.

Парочка изучает друг друга. Без всяких слов: через улыбку и поочередное прикосновение губами к сигарете.

Мулатка подает легкий кивок, выражающий: «Ты мне нравишься».

Незнакомец склоняет голову. В его глазах читается: «Ты мне тоже».

Оба смеются.

Мужчина становится рядом, так близко, что ощущается жар его груди. Нюхает лиловый цветок в волосах. Девушка закрывает глаза.

Куранты отбивают двенадцать. Два миллиона силуэтов ликуют, ведут дружный отсчет. Людское многоголосие вибрацией проходит через диафрагму.

Дыхание незнакомца у виска.

Уже в районе щеки.

Так нежно. Безопасно.

Тает карамель.

Забыть все.

Небесную простыню сотрясают вспышки. Фейерверки взрываются так ярко, что чувствуется вкус фруктов.

Девушка в объятиях незнакомца, стоящего позади. Облокотилась

на него, положив затылок на крепкое плечо.

Салют хлопками расчерчивает пышные узоры. Сначала откуда-то из черноты вертикально взлетают головастики, шевеля хвостами. Затем на их месте набухают бутоны пионов. Все небо становится расшитым в пышный арабский ковер.

Краем глаза она замечает Габи. Тот радостно кивает, показывая большой палец. На лице неопишное счастье. Бразилец высовывает язык и облизывает палец по всей длине. При смущенно отворачивается, щеки горят. Вот же дурила!

Жарко. В теле копится щекочущее напряжение.

Сбросив лишнюю одежду, они протиснулись глубоко сквозь толпу и вошли в океан, тоже заполненный людьми. Сначала голени ощутили влажную прохладу. Затем накатила волна, и легкое платье сделалось прозрачным, проявив темные соски.

Оторвав ступни от песчаного дна, мулатка обвилась вокруг партнера.

Незнакомец удерживает ее в руках. Целует.

— Pare... — шепчут дрожащие фиолетовые губы, — temos que parar.

Тут же она ощутила горячее проникновение, сладкое, скользкое и приятное. И окончательно обезумела. Вцепилась ногтями, словно мокрая кошка на стволе дерева. Крепче обхватила ногами, стиснула мышцы в борьбе с партнером, пытаюсь раздавить его, убить, покусать, сломать кости. Но резко сдалась, расслабив бедра и отдаваясь пленяющему потоку. Мягкие ягодицы сели в горячие мужские пятерни. Ноги выпрямились и тянутся вперед, будто она раскачивается на качелях. Глодает воздух комками. Давление внизу живота усиливается, схватывает дыхание.

На миг, в кипящем безумстве, девушку пронзила холодная вспышка, хлопок, волнение, от встречи с пугающей неизвестностью, как в дождливый день, на кладбище, под плотный занавес ледяных струй, где она стоит с сырыми и колючими как чешуя волосами, пахнет порохом, скорбью и покрытой лаком древесиной, а новенький гроб медленно погружается в дыру, на дне которой пузырится дождливая грязь, бурлящая чернота оттенка бычьей крови, навсегда пожирающая жениха, убитого двумя подростками, серией револьверных хлопков, от первого из которых разлетелись голуби, и пуля застряла в плече, а последняя насквозь пробила скулу, словно рыбью кость.

Накатила сладкая лавина, обнулив чувства и воспоминания.

Настырные волны толкаются.

Прическа впитала соль, кончики волос затвердели, путаются, водорослями прилипают к коже. Девушка водит сырым подбородком по плечу, утыкается носом в упругую шею. Прерывисто дышит.

Вдруг она понимает, что под ягодицами больше нет рук партнера, и никаких качелей, и ничего под ней нет, кроме жидкой глубины. Сама она тоже не держится – руки висят двумя отсыревшими прядями. А ее тело, по которому от каждого толчка пробегает напряжение, вся она целиком нанизана на горящую пульсирующую жилу.

Густую грудь обдало жаром, сосочки скрутило. Хочется кричать, но воздуха нет. Девушка летает над пропастью как податливый пух. Не за что ухватиться. Вокруг пустота. Кости вспенились, плечи легче хлопка. Ее расщепляет, наматывает по ниточке на палку как сахарную вату. Липкая невесомость.

Простонав, мулатка обмякла. Непроизвольно вздрагивая, покачивается шифоновой тряпкой на прозрачных спинах. Руки, ноги, все окончательно утекло в океан. В ушах потрескивает таящая пена.

Пенное шипение сменяется далеким, постепенно нарастающим гулом: раскатистый гром, грохот возмущенных волн, уткнувшихся в стену.

Девушка поднимает ресницы, тяжелые от соли и наслаждения. Длинные волосы, как охапка сырой травы, облепили лицо. Взгляд постепенно пробивается через густое переплетение черных нитей и, бросившись вперед, упирается в заграждение.

Совсем рядом. Прямо из океана. Выросла стена.

Ч-то это?

Она судорожно карабкается взглядом по каменной преграде, все выше и выше. Стена переходит в квадратную башню с узорчатым орнаментом. Подсвеченная прожекторами, расписная вышка устремляется в пропасть ночного неба, так далеко, насколько удастся поднять взгляд. И там, на самой верхушке, мерцает луч света, убегающий лазером за горизонт.

* * *

Длинный кремовый автобус рассекает пустынные улицы, входит на скорости в повороты. Автобусы в Рио по ночам летают как чайки. Именно летают, словно в них вселился злой демон. А те, что под номером шестьсот двадцать четыре – самые пикирующие. Насквозь пропитаны безумием, от дворников до выхлопной трубы, и остается только чертыхаться.

На поворотах девушку прижимает к незнакомцу. Тот обнимает, ласково поглаживая ее волосы.

Как странно. Человек этот такой близкий, но она до сих пор даже не знает имени.

Вот так, ничего не понимая, как можно меньше, ее подбрасывает в невесомость.

Больше, чем говорить, иностранец предпочитает молчать. Она это уже поняла. Но молчит он не так, как молчат люди, и это рождает неловкость. Нет. Молчание является частью многословной игры. Всякий раз, обращаясь к нему, При слышит: «Você tem que fechar os olhos». Он говорит по-португальски чуть-чуть, с акцентом. Девушка повинуется – закрывает глаза. И будто не закрывает: тут же подхватывает поток, лишая контроля.

Иностранец делает все, чтобы она потерялась. При немного противится этому, но недостаточно сильно.

Вот, сейчас он продолжает смотреть, и этот взгляд побуждает чувствовать, заявляя: «Ты особенная, и ничего в мире больше не существует». Этот взгляд умеет дотрагиваться. И сейчас, ой, он плывет по губам. Пробует на вкус, окунается и резвится, разбрызгивая сиреневые капли.

Девушка пытается сдержать движение губ, но те, непослушные, сгибаются в улыбку.

Вот как он это делает? Всегда на шаг впереди.

В окне проносятся фонари, ускоряются и ускоряются, словно водитель вышел на финишную прямую. Белый свет ламп сливается в непрерывную линию. Становится светло, как днем.

Вдоль дороги растут пальмы. Проплывают белые дома с плоскими крышами, с некоторых свисают ковры. Какая красивая фавела!

Автобус притормаживает на светофоре. Рядом останавливается такси.

Как странно. Никто по ночам не тормозит на красный. По ночам в Рио светофоры как бы не существуют. И все это понимают, опасно же ночью стоять на светофоре!

Трогаются. Девушка осматривает внутренности автобуса, и он будто совсем другой, старый и обтрепанный. Постукивают расшатанные задние дверцы. И душно, как днем!

Неподалеку, через несколько рядов сидений, двое подростков, разговаривают и громко смеются. При попытке разобрать речь, но не получается.

Парни вдруг замолчали. Повернули головы и смотрят на нее.

Пугается.

– Эй, – шепчет иностранец на ухо.

Мулатка поднимает взгляд.

Тот качает головой, мол, не смотри. Показывает жест, сложив пальцы в форме пистолета.

При кивает.

Тут же спутник поднимается, тянет за собой.

Они выходят на остановке. Никого.

Автобус уезжает.

Идут вдоль бетонной стены, которой конца не видно. Кое-где грубой краской отпечатано: «Военная зона». Ага, она узнала этот район – Вилла Валькирия! А за стеной авиационная база, где когда-то служил ее сосед.

Незнакомец подает сигнал, сжимая ладонь – переходят дорогу. Ускоряют шаг. Девушка оборачивается, заметив две тени, метнувшиеся следом.

Не успевает разглядеть. Пара поворачивает за угол. При следует в ритме партнера.

Снова поворот. Паутина маленьких улочек. Шаги сзади все громче, перешли на бег. Топочут эхом по стенам, походя на четвероногое существо.

Лабиринт узких проходов. Стены медленно сжимаются, как гигантский пресс. Они нагибаются под веревками с висящей одеждой. Простыня цепляется за плечо и падает на брусчатку. Вдоль стены вырастают ящики, стулья, коляска, кактус, велосипед. Поворачивают, прижавшись к стене.

При попытке отдышаться. Смотрит назад. Тени растут, приближаются. Заползли высоко на стену, вот-вот выпрыгнут.

Деревянная дверь с лязгом открывается, и пара скрывается внутри. Щелчок засова.

Поднимаются по узкой и темной лестнице. Каждая деревянная ступенька утомляет ноги. Частое дыхание.

Они попадают в пустое помещение, где пахнет гвоздикой. Горят свечи, расчертив золотистым мерцанием полосы клетчатого пола.

В дальней стене вырублено квадратное окно, и в нем колышется занавеска. Девушка медленно приближается, выглядывая наружу.

Перед домом бетонный забор, вдоль которого они шли. Но за ним вовсе не военная база, а огромное кладбище, забитое цементными саркофагами. А чуть дальше плотно-плотно насажены строения, как грибы с плоскими шляпами.

Доносится пронзительный гудящий звук, мало-помалу приобретающий форму слов. В разных частях города разносится похожая сирена.

Что, что, к чертовой матери, это такое?!

Поворачивается, умоляюще глядя на мужчину:

— Что ты сделал?

— Ход конем.

— Где мы?

— Медина Касабланки.

Мулатка отходит от окна.

Встает рядом с декоративной аркадой, отделяющей небольшую комнатку из общего пространства.

Проводит пальцами по гладкой колонне. Смотрит вверх, как арка изгибается и уходит по дуге к следующему столбу. Осторожно заходит внутрь. Чувствует под ногами мягкий пол, на который накинаны подушки. Обессилен, девушка падает на матрасы.

– Você vai tomar chá?

– Что? – приподнимается, отодвинув упавшие на лицо пряди.

– Мятный чай, – говорит мужчина и скрывается в темноте.

При сидит среди подушек, смотрит перед собой. Разглядывает чайный столик: на клетчатой поверхности расставлены деревянные фигурки. В детстве ей всегда нравилось смотреть как отец с дядей играют в шахматы. Но сейчас эти фигуры перед ней совсем необычные, резные, и слон здесь как слон, и ладья – настоящий корабль.

Партия только началась.

Пешки ринулись в атаку, и белый конь выпрыгнул вперед.

Ход черных.

Мулатка потянулась к фигурке, взявшись за миниатюрную блестящую голову, но одернула руку.

Сидит.

Оглядывает помещение, оформленное в восточном стиле. Под потолком тянется гипсовый орнамент, свисают расписные тюли. На полу успокаивающе подрагивают огоньки на восковых цилиндрах. Дымят щепки пало санто, источая струйки безмятежного дыма, чуть пощипывающего ноздри.

При решительно взглянула на шахматы.

Тянется, поднимает черного слона и ведет в нападение.

МЕЧТА

Далеко на севере Бразилии, в тропическом сердце дождевых лесов, происходит слияние двух великих рек: пепельно-черная Риу-Негру встречает желтую Амазонку. Обе реки отличаются титанической мощностью и дерзким характером – они такие разные, что их воды не смешиваются. На протяжении шести километров два потока текут бок о бок, сцепившись, как анаконда с питоном. И совсем не понятно, какая из исполинских змей возьмет верх, и хочется поставить на черную. Затем все запутывается настолько, что пропадают понятия: борьбы, цвета, сторон, чешуи, кофе и молока. Больше ничего. Единство. Страстный шестикилометровый поцелуй цвета пурпурного тумана с нотками мятного джема.

Что случается затем? Ты плывешь, как ни в чем не бывало, вниз по Амазонке, песочной и мутной, в толще которой прячутся пираньи. Две реки стали одной. И нет больше никакой Риу-Негру – бесследно исчезла. А была ли она вообще?

Жарко. Конец января. Город замер в ожидании карнавала. День протекает в томном и тягучем как мастика спокойствии. Никуда не нужно. Так они и сидят полдня на скамейке в благостной тени невысокого дерева, на площади, неподалеку от музея Будущего.

По бетонным плитам расхаживают голуби, уваливая от ног прохожих, что-то клюют. Когда детишки на велосипеде въезжают в пернатую кучу, голуби машут крыльями, разбегаясь в стороны.

Трясет мулатку за плечо.

– O que aconteceu? – поднимает взгляд.

Партнер говорит что-то. Цепляет из стаканчика асаи, амазонскую ягоду, смешанную с арахисом и гранолой. Протягивает ложечку. При открывает рот и чувствует как по языку растекается будоражащая ароматная свежесть. Облизывается. Закрывает глаза. Видит

качающиеся в лучах солнца длинные нити, свисающие с пальмы — пышная борода с тысячей фиолетовых шариков.

Вик наклоняется и целует девушку в губы. Головы влюбленных связаны белым проводом, по наушнику в ухе. Играет метал: тяжелые быстрые рифы, и хочется качать головой. Мелодия ускоряется. И все люди, собачки и птички совершают движения в такт. Силуэты перебирают ножками, живо жестикулируют, и все-все ложится в ритм.

По тротуару, подгоняемый порывами воздуха, кружится пакет от универмага Гуанабара. Мимо проходит парочка, держась за руки, пританцовывая — мужчина и транссексуал в туфлях сорок второго размера. Под одной из скамеек лежит босоногий бездомный. И даже он, с грязными пятками, занимает нужное место в композиции.

Вик говорит, что мы живем в сказочном мире, где все возможно. В той же Амазонке плавает розовый дельфин. Просто невообразимо, розовый! И его можно потрогать. Протянуть руку и дотронуться, также легко, как до лежащего бомжа. Только кто его, бомжа, хочет трогать?

В наушнике играет Пантера.

Голуби сгрудились перед скамейкой, поедая хлебные крошки.

Вик протягивает новую ложку с асаи.

Темнеет.

Влюбленные на набережной, перед ними железная коробочка с раскаленными кубиками. Дымит чайник, необычный, с гравировкой и узким изогнутым носиком. Неподалеку, в сени мандаринового дерева, сидят два старика в тибетейках. Играют в шахматы. И давно так сидят, без движений, видимо, вовсе позабыли чей ход.

Вик снимает с угляй закипевший чайник и наполняет стеклянный стаканчик. Поднимает высоко, растягивая липкую струю. Чай пенится. Стаканчик заполняется наполовину багровым кипятком, наполовину

пышной пеной, а на самом дне зеленые листики.

Солнце опустилось за океан, подсветив горизонт, и облака вспыхнули клочками горячей бумаги. Старики сидят помрачневшие, окончательно сгорбились – походят на шахматных коней.

Вик говорит, что исход партии зависит не столько от игроков, сколько от наблюдателя. Чтобы им стать, нужно сдать: откинуть всю пену, опустошиться.

Девушка сжимает в ладони горячий стаканчик.

День и ночь не сменяют друг друга, а растекаются по пространству паутиной, как шахматные клетки. Всякий день сопровождается множеством ночей, и все они сцеплены уголками.

Мятный напиток разливается согревающим узором по телу.

Мерцание свечей.

Влюбленные томно развалились в обнимку, ничем не прикрытые, среди подушек. Мулатка упала головой на плечо партнера. Быстро дышит, слушая частые удары его сердца. Вик зажигает сигарету, прислоняет к губам девушки. При затягивается. Выпускает струю дыма, которая ползет вдоль его светлой кожи, путаясь в волосках на груди.

Мулатка любит контрастом обнаженных тел.

– Мы как корица и сливки, – говорит.

Вик смеется.

Он – словно туман. Такой близкий, но попытаешься дотянуться – ускользает. Будто вовсе не существует. Но ведь существует!

Девушка приподнимается, поправляя взъерошенные волосы. Вокруг неспешно плавятся свечи.

Смотрит на столик – фигуры сдвинулись. Снова.

Черный слон, которого она выдвинула, уже съеден. Белые потеряли королеву, но, несмотря на это, идут в атаку, прорывают защиту противника. Белая ладья вышла вперед, удерживая середину доски.

Ходы делаются сами по себе. Когда При не смотрит, и сознание находится где-то еще. Сколько не пыталась она подсмотреть, уловить хоть какое-то движение — фигуры застывают гипсовыми статуями. Но стоит отвернуться и не думать, партия развивается.

Всякий раз, замечая изменения, как обе армии теряют строй, несут потери и хаотично путаются друг в друге, становится дурно. Слезы на глазах. Ведь так не хочется, чтобы что-то менялось! Но оно продолжает, идет к развязке. У любой игры есть конец, ведь правда?

Хочется взвыть. Что будет, когда мы пройдем НАШ шестой километр?!

Нет!! Смахивает со стола фигуры. Те рассыпались по столу, ударяясь — та-та-та-та! Часть улетела на матрас и подушки.

Девушка поднимается и направляется к окну. Резко распахивает балконную дверь. Голуби, сидевшие на бетонной плите, разлетелись в темноту.

Балкон здесь — просто плита, выпирающая из стены. Коряво торчит арматура. Дом не достроен.

При садится на порог. Курит голая в дверном проеме, напоминая картину в рамке. Свет далеких фонарей золотит изгиб черного тела.

Вик говорит, что игра ведется на многих досках одновременно,

на их смешении.

Как в кинотеатре – фильмы идут во всех залах параллельно. Поэтому, что ты не делай, игра продолжается. Даже если раздробить кувалдой фигурки, а крошки покидать с балкона.

А что, если Вик прав, и мир не имеет формы. Все это – проекция, сон. Из которого можно пробудиться, разломав стены разума.

* * *

Там, где заканчиваются самые глухие районы Рио-де-Жанейро, начинается Нилополис, который не считается частью Рио. Тут и цены на автобус ниже на тридцать сентаво, и билет в кинотеатр по карману. Время от времени влюбленные приезжают сюда. Покупают уличную еду на шесть реалов и два стаканчика гуараны, затем проносят в кинотеатр. После того, как сеанс заканчивается, они тайком перебегают в другой зал и смотрят еще один фильм, уже бесплатно, а иногда и третий. И так проводят, бывает, целый день, в обнимку, под дублированные фильмы.

Сначала Вик плохо воспринимал речь, но с каждым разом его португальский все лучше – он схватывает налету. И вообще он здесь как свой, человек из трущоб, и даже европейская наружность несколько не выдает его. Учитывая, что живет он в Бразилии нелегально, это очень полезное качество. Наверное поэтому пара не часто выбирается в центр – много полиции. А в фавелах и самых глухих районах им хорошо.

Вечером, неподалеку от автовокзала, они поймали мототакси с черным как ворон водителем.

Уместившись втроем на сидении, отправились на окраину Нилополиса. Туда, где заканчиваются улицы, и простирается огромная ширь.

В верхушках редких деревьев щебечут попугаи. Среди цветков гибискуса и тяжелых колокольчиков бругмансии порхают колибри. А вдалеке блестят покатые плечи горного хребта. Солнце мало-помалу скатилось туда, за каменную спину, оставив лишь малиновое зарево, отражающееся в прудах и болотцах. Гогочут дикие утки; взлетают, шлепая лапками по зеркальной поверхности.

Гуляя по петляющим тропинкам, они забрели так далеко, что совсем стемнело. Пришлось пролезть через дырку в стене и прошмыгнуть через чей-то дворик, где чуть не покусала цепная собака.

Выбравшись, они пошли по улице, освещаемой через один фонарями. Улочка горбилась, убегая куда-то вниз.

На следующем углу шумел бар, и они решили зайти. Внутри пахло мокрыми оленьими рогами. В тесное пространство втиснуто два бильярдных стола, за одним из которых катали шары бородачи в косухах. Чтобы сыграть партию, нужно купить жетон стоимостью в реал, и вперед. Таких баров в Нилополисе наткано на каждом перекрестке.

Вдоль обшарпанной стены вытянулся ряд кривых стульев. На одном из столиков стоял компьютер, и можно поставить свою музыку. Этим подобные бары и подкупают – врубаешь любимый репертуар. И пьешь пенный напиток. Ведь здесь нет ничего, кроме дешевого бутылочного пойла.

Хотелось заказать что-то получше, но пришлось взять «Антарктику». На этикетке вспотевшей бутылки стояли два пингвина, уставившись друг на друга. Вот так же и влюбленные, как пингины, встали лицом к лицу.

Вик заметил, что платье спутницы идеально сочетается

с запятанной тканью бильярдного стола, и позволил партнерше разбить.

– У меня не получается разбивать, – соврала она.

Тогда он встал позади, приобняв. Украдкой коснулся бедра. Мягко направил локоть, показывая движение кием. Затем дал ее руке свободу.

Послышался плотный удар. Белый шар с шумом покатился вдоль стола, и раздалась звонкая серия – па-па-па-па! Шары забегали туда-сюда, и несколько полосатых влетело в лузу.

Вик подошел к компьютеру и сменил музыку. Облысевший старик, дремлющий у стены, подскочил. Вскинул в воздух костлявую руку с бутылкой, восклицая беззубым ротом:

– Моодцом, моодежь, зааешь то, что наоо!

Под потолком разлился голубоватый сигаретный дым. Они играли песню за песней, партию за партией, и всякий раз, в самом конце, черный шар задевал желтый и влетал в лузу.

И знаете что? Было неважно кто выиграл. Так как тот, кто выигрывает – он же проигрывает. Возможно, где-то не здесь и не сейчас, но это неизбежно происходит.

Потому они просто перестали придавать значение.

Началась грустная инструментальная мелодия. Играла композиция «The sleep». При отложила в сторону гладкий кий и села на край бильярдного стола. Вик встал вплотную. Влюбленные молча смотрели друг на друга.

«...will we survive this sleep?» – прошептал динамик.

Последовало гитарное соло, постепенно нарастая и нагнетая напряжение. Затем струны как завизжат, тягуче и душераздирающе. Вдоль спины побежали мурашки, под кожу впились ледяные когти.

Внутри все защемило, и глаза намокли.

Они вышли на улицу, черную и сырую, будто весь день плакали голуби. И шли, держась за руки, куда-то вверх, вдоль мешков мусора и припаркованных машин. На тротуаре кто-то разбросал мандариновые корки. Под высоким грузовиком лежали в обнимку два тела: заросший белый мужчина и темнокожая женщина с запутанными волосами и круглым животом.

В конце улицы, на следующем перекрестке, затормозила полицейская машина с решетками на окнах. Через стальную сетку наружу торчали черные стволы винтовок. Повернув, машина тихо покатила вниз по улочке.

Не раздумывая, При потянула партнера в сторону. Оказавшись у высокой деревянной двери, они надавили на нее — не заперто. Забежав внутрь, захлопнули чугунный засов.

Мокрое шипение колес снаружи приблизилось, затем также постепенно удалилось.

Оборачиваются.

Длинные каменные стены, освещаемые тусклыми огнями. Готические своды, запах свечей и ладана.

Медленно и долго продвигались они вдоль частых рядов скамеек. Затем, где-то посередине, сели на деревянную лавку, с краешку. И сидели в тишине, замороженные, будто наблюдая закат.

Всякий закат удивляет, он такой прекрасный, что, кажется, уже не может быть лучше. Но когда приходит новый закат, эмоции снова переполняют, будто впервые.

Все их совместные закаты были такими, полными тайны и чувств: оранжевые, желтые, сиреневые, сливовые и даже барбарисовые. И вновь по щекам ползут слезы. Хочется затормозить, законсервировать момент, но никак – теряется магия. Затем ты сдаешься и перестаешь цепляться, отпуская. Дышишь, пронизанный красотой. Радуешься и плачешь одновременно.

При всхлипывает. Вытирает слезы, но те продолжают стекать жидким воском.

Крепко сжимает ладонь партнера.

Какая разница, реально это или нет? Пускай вся наша жизнь – лишь секундная вспышка, быстрая череда закатов или путь в шесть километров – совсем не важно. Одно счастливое переживание делает все это настоящим.

Из темноты алтаря выпорхнул голубь. Взмахнув чернильными крыльями, прошел прямо над головами, затем подлетел к потолку и уселся на органные трубы.

Свет погас, и чернота поглотила голубя. Трубы, на которых сидела птица также растворились.

Затем еще две лампы замерцали и погасли. Лампочки гасли по две. Темнота придвигалась, рваными прыжками, заполняя длинное помещение с концов к середине.

Перед тем, как погасли два последних огня, При заглянула в глаза жениха.

В них читалась любовь и благодарность.

Темнота.

– Вик? – шепотом.

Тишина.

– Я почувствовала, все ощутила. Ты – это я, мы – едины. Ничего никуда не уходит. Мы не рождались и никогда не умрем. Нас невозможно вообразить, мы за пределами понятий и слов. Мы – это тайна. Безмолвие.

Тишина.

– Ты где-то еще, не сейчас и не здесь, но мы встретимся. Я видела. Там, на краю кратера, на неизвестной планете. Я дышу с тобой, живу в твоём смехе, мечтаю твоими глазами.

Переверни страницу.

Тишина.

Просто переверни.

ПУТЬ

Нужно понимать особенности квантовых шахмат. Игра ведется на нескольких досках одновременно, ясно? Пешка находится там и одновременно в другом месте — пребывает в смешанном состоянии. Это называется суперпозиция. Пешка, слон, ферзь — вся система находится в суперпозиции. Суперпозиции просто существуют в природе, с этим ничего не поделать. Благодаря чему, происходят удивительные эффекты: фигура может пройти сквозь другую, а также

возникнуть в любой части доски.

Фигура там или не там с определенной вероятностью, понимаешь? И только в момент, когда появляется сознание наблюдателя, вся эта вероятностная масса схлопывается в четкую картинку, которую человек способен воспринять. Оттого окружающий мир кажется таким физическим и стабильным, но это абсолютно не так – все размазано по пространству.

Вселенная намазана на корку хлеба.

И любая шахматная фигура не умирает, она не может быть съедена – только частично. Ведь на каких-то досках она продолжает жить! Это называется квантовым бессмертием.

Не доходит?

Вот представь, что ты король! Никаких шахов и матов, естественно, как и в жизни, в квантовых шахматах нет. Король должен быть сожран и точка. Убит.

И когда тебя съедают, вот как думаешь, ты осознаешь, что тебя съели? Нет, конечно! Ты ничего не помнишь, и кажется, что совсем ничего не произошло. А ты, между тем, уже на другой доске – продолжаешь игру, думая, что находишься там же, где всегда находился. Таким образом, король одновременно глуп и бессмертен.

Ах да, спрашивается, как победить в таких шахматах? Смысл не в том. И, вообще говоря, нет смысла. Не существует «победы» и подобных бесполезных понятий. Победа – это продукт ума, которому нравится играть в игры. Только уму нужна победа. Но ты – не ум. Забудь про ум. Нет никакого ума; и шахмат тоже.

Все зависит от воли: за кого ты себя принимаешь, с кем решаешь отождествиться. Каждую секунду ты делаешь этот выбор!

Конечно, можно утешать себя, причитая, что ты лишь конгломерат мяса и мыслей – хрупкий человечек, ни на что не влияющий. Ха! На, получай! Ты – пешка. Видишь на ход и ждешь, пока тебя кто-нибудь сдвинет.

И так далее.

Можно стать конем, офицером, королем – всем, кем только пожелаешь! Все ограничивается твоим воображением. Во что веришь – то и будет работать.

Еще бы.

Ведь ты и есть Он.

Все записанные сценарии.

Вселенная!

Ты – одновременно зеркало и изображение на нем. Только вдумайся!

Когда человек понимает это, свою истинную природу, он больше не боится мечтать. Становится игроком, за которым следует композиция.

Но игрок по-прежнему не свободен – у него есть стремление победить, он не готов сдаться. Вот когда игрок отбросит ожидания, опустошится, то выйдет за пределы доски. Станет зеркалом – чистым сознанием, безмятежным и тихим, как озеро Титикака.

Что же касается меня, друг мой, конечно, я все еще в игре. У меня же есть мечта. Я чувствую ее согревающее присутствие, прямо сейчас, каждой фиброй души. И ни за что не сдамся. Не отступлюсь от мечты.

– Ну что, теперь понял? – жую кусок хлеба.

Голубь моргнул.

Сидит на краю скамейки, собирая клювом последние крошки.

Подъезжает автобус. Беру рюкзак и иду на посадку.

Мне нравятся ночные автобусы, в них есть особая романтика. Особенно те из них, что оочень дальнего следования, где пассажиры все время меняются: кто-то выходит, другой появляется, а ты — один из немногих, которые продолжают путь.

Вспоминается тот сорока двух часовой автобус, выехавший из Белена, города в устье Амазонки, который славится вкусным и свежим асаи.

Вечером, погрузившись в автобус, ты катишься по широкой улице вдоль манговых деревьев. Мимо проплывают невысокие дома с решетками на окнах до третьего этажа. Спелые манго изредка отрываются с веток. Когда фрукт ударяет в крышу автобуса, то, наверняка, оставляет вмятину. Вот настолько Белен опасен! Если не ограбят, так вдарит по макушке манго.

Затем ты чувствуешь холод. Бразильские автобусы подобны морозильной камере — надеваешь на себя всю одежду, что имеется, и залезаешь в спальный мешок. Только так можно выжить. Еще, что отлично помогает согреться в дороге — это мечта и горячий чай, но последний предательски быстро заканчивается.

Как и говорил, попутчики частенько меняются. Кто-то садится на соседнее сидение, и ты заводишь новое знакомство, но где-то на полпути прощаешься.

Затем, посреди ночи, снова кто-то подсаживается. Сонным взглядом в сумраке не разглядеть. Ну и ладно, пытаешься заснуть — холодно.

Вдруг чувствуешь теплое дуновение на лице. Этот кто-то тихонько

дует на твои брови. Ты уже совсем не можешь спать и только притворяешься спящим. Затем нежное дыхание сменяется легким движением пальцев, трогаящим двухдневную щетину.

Ты, черт возьми, возбуждаешься! Глотаешь слюну, которой нет — в горле сухость. Жаждешь продолжения, пожираемый любопытством.

И вот к твоим губам примыкают чьи-то губы, чужие и мягкие. И ты страстно целуешься, в темноте, толком не ведая с кем. Рука попутчика находит твой одеревеневший член. Голову дурманит. Тело трясет похлеще, чем колеса автобуса.

Испытываешь откровение в самой необыкновенной форме.

Но тут же на тебя нападает стая мыслей. Пытаешься их разогнать, но сомнения снова слетаются и клюют, как стервятники. Ум жаждет знать.

Твоя рука тянется в темноту, начиная исследовать. Находит волосы — длинные, прямые, пахнущие тапиокой и корой дерева лапачо. Затем трогаешь скулу, невероятно гладкое плечо. Обнаружив упругую грудь, ты радуешься. Часть тревог растворяется. Во всяком случае, не мужчина тебя целует, ведь тогда бы... ай, забудь. Мысли сменяют друг друга, и теперь ты говоришь себе: «лишь бы не слишком страшная». Хотя, в темноте, вот какая, блин, разница? Ты испытываешь чувственное переживание, разве не прекрасно? Эстетика тут совсем не к месту. Но ты забываешь о сейчас, думая о потом. Ведь ты все еще игрок, который волнуется за результат.

На утро попутчицы уже не было. На губах осталось легкое ментоловое послевкусие. Сконфуженный, ты высаживаешься в Рио-де-Жанейро.

Черт возьми, этот город оказывается еще опаснее Белена! Каким

образом ты это узнаешь?

Когда тебя останавливают двое подростков и тычут металлическим дулом, а ты почему-то улыбаешься. А они от этого еще сильнее нервничают, теребят курок револьвера – мол, какого хрена этот гринго улыбается? Отдаешь им двадцатку реалов. И когда все заканчивается – вот тогда начинаешь задыхаться. Накатывает страх. Страх, что все могло кончиться, а ты так и не нашел то, к чему шел все эти годы.

Вместе с тем, улавливаешь что-то неясное, сладостный зов, будто напевают сирены. И покидаешь Рио с мыслями об Антарктике.

Движешься на юг, через Парагвай, автостопом по Аргентине. Дерешься в Патагонии с ветром, но даже он, неистовый безумец, не способен заглушить манящий аромат мечты – ты ни на секунду не сомневаешься!

Наконец, случайный грузовик выплевывает тебя в Пунта Аренас. «Конец мира» – гласит табличка на въезде, но ты знаешь, что это только начало.

Продолжаешь путь дальше, туда, где заканчивается всякая дорога и начинается лес.

Дикая местность, болото и покрытые сырым мхом стволы. Вдалеке, в нескольких днях пути, мыс Фроуард – самая южная точка континента.

Противно моросит дождь. Чавкает под ногами болотистая тундра. Скрюченные деревца выглядят немощными и больными. Под ступнями зеленоватая губка, мягкая и сырая. Идешь по чему-то разложившемуся и одновременно живому. Вокруг все гниет, и в этом гниении бурлит жизнь.

Болото заканчивается.

Пробираюсь сквозь груды деревьев, поваленных старостью и ветром.

Иногда меня преследуют маленькие серые лисы. Лишний раз стараюсь не оборачиваться.

На пути речка, несложная. Раздеваюсь. Удерживая рюкзак над головой, пересекаю мутный поток. Вода по пояс, но ледяная как смерть – сводит ноги.

Нужно постоянно следить за приливом и отливом. К вечеру вода поднимается на метр-два. Погода тоже непредсказуема – солнце сменяется мелким дождем, и обратно.

Выхожу на пляж очередной бухты. По берегу разбросаны красные и коричневые водоросли. Никакого песка – сплошная галька, черная, как сажа, и предательски скользкая. Из воды клыками выпирают камни. Вдалеке видны острова – окутанные туманом скалистые фьорды.

Шипит галька, разъезжается под ступнями, утомляет ноги. Узкий берег, зажатый между скалами и морем, становится уже. Проход постепенно исчезает. Нужно спешить, пока обезумевшие волны не сожрали остатки.

Пролезаю вдоль гигантских камней. Повсюду обломки деревьев. Многие стволы, повалившись с обрыва, вырвали корнями ломти почвы и продолжают жить, уже горизонтально. Под некоторыми препятствиями нагибаюсь, другие проще оседлать – перелезаю сверху.

Стараюсь не сбивать темп, не делать остановок. Отдохну когда выберусь.

Вибрирующий звук пробежал вдоль берега и, ударив по ступням, поднялся к груди. На секунду показалось, что земля разъезжается. Попятившись, я раскинул руки, чтобы не упасть.

Огромный камень в пяти метрах от меня ожил. Зашевелился, вырос. Выделилась голова с надувшимся кожным мешком на носу. Демоническая махина в несколько тонн развернулась, раздраженная, что ее потревожили.

Стою, готовый бежать. Морской слон тоже замер. Тяжело дышит, источая пар.

Не отрываю взгляда.

Зверь разинул красную пасть, выдав утробный рев.

Смотрю настырно в круглые обезумевшие глаза. Все мое тело будто тоже растет, надувается, становится шире. Решительно скидываю руки и принимаюсь гортанно орать, давая понять, что я не отступлю – мне необходимо пройти.

В итоге ластоногий что-то надумал. Нехотя развернулся и с грохотом заскользил в воду. Накатившие волны скрыли неуклюжее чудище.

Смеркается. Дождь усилился. Упираюсь в очередную реку. На противоположном берегу лесок – место для ночевки. Нужно пересекать сейчас. Уровень воды растет на глазах.

Бегаю вдоль берега, пытаюсь понять где лучше. Узкие места самые коварные – течение сильнее и глубина больше, чем кажется. В том месте, где река впадает в море – широкий разлив. Там, вероятно, по пояс, но слишком долго находиться в ледяной воде опасно. Ноги сведет, не знаю как выбраться.

Дождь тычет острыми иглами. Поверхность воды рябит, сморщилась змеиной кожей. Медлить нельзя! Сбрасываю одежду, судорожно впихиваю в рюкзак.

Намечаю путь – глубокий, но быстрый. Прыгаю в воду, упершись в песчаное дно. Отталкиваюсь, продвигаюсь. Уровень сначала по пояс, теперь по грудь. Под ступнями разъезжаются скользкие водоросли.

Преодолею середину, но глубина не думает уменьшаться. Как же так? Самое глубокое место не по середине, а у дальнего берега!

Колеблюсь. Может, развернуться? Ну уж нет, я никогда не отступал.

Тянусь вверх, встаю на носки, продвигаюсь дальше. Мышцы рук дрожат под весом рюкзака.

Тело сжимает ледяными тисками, сводит, словно обглаживают рыбы. Кричу, совершаю отчаянные рывки. Кричать уже невозможно – вода на уровне носа. Хватаю ноздрями воздух вперемешку с дождем. В ушах пронзительный звон колокольчиков. Тело непроизвольно дергается. Мышцы защемляет.

Вижу кофейные глаза, фиолетовые губы. Светлая улыбка. Присутствие чего-то родного. Манят теплые лучики. Пытаюсь дотянуться, всеми силами дотянуться.

Бросаю рюкзак на землю, на трясущихся руках выползаю. Переворачиваюсь на спину. Пытаюсь научиться дышать. Капли сыпятся дробинками на грудь, щекочут тысячей пальцев. Содрогаюсь от непроизвольного хохота. Какой же дождь, оказывается, теплый!

Перекатываюсь. Смотрю в сторону леса. В гуще деревьев мерцает свет. Кричу о помощи. Шум дождя заглушает звуки.

Ползу туда, толкаясь от сырой почвы. Цепляюсь черными пальцами за выпирающие корни. Черствые ноги скручены судорогой. Мокрые трусы пропитались жидкой грязью.

Костер уже близко. Перед ним черный силуэт. Пытаюсь

разглядеть. Сидит в капюшоне, спиной ко мне. Кричу, но тот не слышит.

Ползу дальше. Ладони режет. Мокрые листья облепили бока, камни царапают живот. Остается метров шестнадцать.

Под ладонью сухая коряга – ломается, издав громкий треск. Незнакомец резко оборачивается.

В тело ударяет электричество. словно под рукой не ветка, а оголенный провод.

Рыдаю, не остановиться. Не отдышаться. Омут переживаний. Смех. Дым. Блики тропического дождя на банановых листьях. Запах семечек. Вкус снежинок на языке, свежесть тюльпанов. Ветер, играющий в поле пшеницы. Дыхание зубра утром в тумане. Спокойствие пустыни. Песчинки на спине. Горечь полыни. Уголок губ. Пальцы. Журчание ручья. Кудряшки. Дыхание незнакомки в темноте. Вкус фиолетовых ягод...

Ничего не ушло.

Сотни раз я умер, но по-прежнему здесь. И везде.

Каждый момент.

Живет.

Происходит.

Сейчас.

Мотор лодки гудит. Винты взбалтывают воду. Волны гуляют, как пьяные, падая, ударяясь о резиновый борт. Гладкие пингвины тела выскакивают из воды, отпрыгивая в стороны.

Берег приближается. Из земли торчат огромные, засыпанные временем и сажей, ржавые цистерны – заброшенная китобойная станция.

Слева поднимается пар, дымят горячие источники. Мы посреди гигантской гавани, внутри острова-вулкана Десепшн. Он вырос в форме гигантской подковы посреди океана. В затопленный кратер врываешься через узкий проем, вплотную к отвесным скалам.

Суша близко, по кромке берега разбросаны куски льда. Чуть дальше, на фоне красно-пепельных скал, местами седых от золы и снега, развалились сотни неуклюжих, как вареные баклажаны, тюленей. Лениво приподняли головы и смотрят.

Мотор глохнет. Зодиак со скрежетом заползает носом на берег. Встаю. Упершись в резиновый борт, прыгаю из лодки.

Ступня упирается в черную вулканическую пыль.

Хруст ветки. Резко повернувшись, устремляю взгляд в темноту леса. Мне показалось, что там кто-то есть. Некая тень. Всматриваюсь. В темноте вспыхивают два глаза. Подходят ближе, светятся, смотрят на меня.

Глупые лисы. Снимаю кружку с костра, делаю глоток чая.

* * *

Ведущая

Ух, спасибо за такой исчерпывающий ответ на вопрос нашего радиослушателя. Увлекательная история!

Собеседник

Благодарю.

Ведущая

Напоминаю, что этой осенней пятницей в Сантьяго светит солнышко, двадцать один градус, а у нас в студии интересный гость:

путешественник, который за несколько лет объехал пять континентов. И сейчас делится с нами впечатлениями об экспедиции в Антарктику, на корабле Акилес, под флагом нашей доблестной чилийской Армады.

Пока мы ждем следующего звонка, скажи, как тебе удалось сесть на военный корабль?

Собеседник

Все просто. Я загадал желание и оно сбылось.

(Ведущая смеется)

(На фоне доносится дребезжание)

Ведущая

Ох, и снова мы чувствуем подземные толчки. В нашей студии на шестом этаже все ходуном. (Шум и грохот)

Ведущая

Ай, со стены даже упала картина! (Смеется)

Собеседник

Бедный Моне...

(Дребезжание затихает)

Ведущая

Эксперты заявляют, что в ближайшие дни сейсмическая активность только возрастет. На побережье предупреждают об опасности возникновения цунами. Сегодня утром жителей Вальпараисо разбудил вой сирен. К счастью, тревога оказалось ложной.

(Вздыхает)

Итак, несмотря ни на что, мы продолжаем.

victorjin.com